А. Пинаргин
А. Щёголев

Клетка для бумажных

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Фантастические повести молодых ленинградских фантастов о приключениях школьников. Для среднего школьного возраста.

- Александр Тюрин, Александр Щёголев
  - Клетка для буйных
    - День второй. МСТИТЕЛЬ
      - 1
      - 2
      - 3
    - День первый. УНИЖЕННЫЙ
      - 4
      - 5
      - 6
      - 7
      - 8
      - 9
    - День второй. ЗАКОЛДОВАННЫЙ
      - 10
      - 11
    - День второй. ОБОРОТЕНЬ
      - 12
    - Ночь третья. ОБВИНЯЕМЫЙ
      - 13
      - 14
    - День третий. ПРОКАЗНИК
      - 15
      - 16
    - Ночь четвертая. НЕПОДОТЧЕТНЫЙ
      - 17
    - День четвертый. БОЕЦ
      - 18
      - 19
    - Вечер последний. ГЕРОЙ
      - 20
      - 21
  - Программируемый мальчик
    - Пролог
    - Часть 1
      - 1
      - 2
      - 3

- 4
- 5
- 6
- 7

- Часть 2
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
- Часть 3
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
- Часть 4
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
- Эпилог

Александр Тюрин, Александр Щёголев
Клетка для буйных
(Педагогическая фантастика)

Клетка для буйных

День второй. МСТИТЕЛЬ

1

…рано утром в назначенный час три фигуры в синих костюмах встретились возле школы. Точнее, у мусорного бака в школьном дворе. Фигуры выглядели мрачными, сосредоточенными, готовыми решительно действовать.

— Слушайте план, — жестко сказал главный. — Вы, — он ткнул пальцем, — вдвоем ждете за углом. Устройте засаду. Я, — он ударил себя в грудь и поперхнулся, — я караулю гада у входа. Вмажу ему портфелем и бегу сюда. Гад, конечно, рванет за мной. Здесь мы его и выключим. Усекли?

— Когда прибежит, обязательно выключим, — энергично отрапортовал второй.

Третий брякнул невпопад:

— А у меня сегодня день рождения. Саня, магнитофон-то дашь? Обещал ведь?

Операция началась.

С отсутствующим видом мститель в синем прогуливался неподалеку от дверей школы. Мимо тек одноцветный поток школьников разной длины и разной успеваемости. Иногда к мстителю подходили одноклассники и задавали глупые вопросы. Приходилось уклончиво отвечать. Он терпеливо ждал. И наконец дождался.

Душман появился, разумеется, впритык. Мститель в синем сделал резкий выдох, поднят воротник пиджака и мужественно пошел на сближение. Он зашел врагу в хвост, некоторое время крался след в след, прикидывая, куда ударить, и в наиболее подходящий момент опустил портфель на голову негодяя. Затем побежал, как и было задумано.

— Ничего себе заявочка, — сказал Душман удивленно. Но бежать вдогонку не стал Он просто швырнул мешок со смен ной обувью. Мешок летел красиво, а конечной точкой его полета оказался загривок обидчика. Тот охнул, вильнул, но на ногах удержался. Перед тем как нырнуть за угол, обернулся и увидел, что Душман спокойно подобрал мешок и пошел учиться.

— Он испугался! — крикнул запыхавшийся мститель друзьям. — Бежим за ним в школу!

В школе вышла обидная накладка: дежурные по вестибюлю задержали Алекса, самого преданного из соратников. Они заподозрили, что тот не переодел уличную обувь. Мститель

понял, что надеяться на друга уже нельзя, его промурыжат до второго звонка. План рушился напрочь. Но сдаваться — не в правилах настоящих мстителей. Рядом продолжал сопеть верный товарищ Петя Жаров, и можно было продолжать борьбу.

Они настигли Душмана в конце коридора и атаковали его с ходу. Дальше должна была восторжествовать справедливость, но Душман разозлился. Он оттолкнул Петю Жарова, тот покорно упал и больше не поднимался. Мститель принял боевую стойку и нанес сокрушительный удар, — впрочем, не попал. После чего оказался на полу с разбитым носом.

— Ты сам этого хотел, щенок, — сказал Душман и сделал грязный след на спине поверженного врага — несменной обувью. Когда же он удалился, мститель встал на четвереньки и простонал:

— Барабан, ты живой?

Жаров неторопливо поднялся и стал отряхиваться.

— Я копил силы, — объяснил он. — Жалко, не успел схватить гада за ногу. — Он старался не смотреть на товарища А когда все-таки взглянул, то испугался. — Токарь, из тебя кровь… И с глазом что-то…

Действительно, вид у человека, названного Токарем, был ужасен, нос расквашен, глаз заплыл. Настоящие боевые ранения.

— Беги скорей к докторше, — взмолился Жаров.

Далеко бежать было не надо. Медпункт находился на первом этаже, в этом же крыле здания. Как раз и медсестра шла на работу. Петя закричал:

— Сюда, сюда! Сашка ранен!

— Тихо, дурак, — зашипел мститель, но было поздно. Его привели в медпункт, кинули на топчан, запихали в нос ватку с какой-то гадостью, положили на синяк пузырь со льдом. Женщина в белом дружелюбно сказала:

— Ну что, доигрался, герой? Кто это тебя отделал?

Он промолчал. Он мучительно осознавал свое поражение.

Часы не вернул, Душману не отомстил, сам вообще в медпункте лежит… Медсестра вышла из процедурной в соседнюю комнату, сказав: «Полежи спокойно, я пока журнал заполню». Выяснив фамилию пострадавшего, она углубилась в канцелярскую работу. А пострадавший беспокойно ворочался на жестком ложе, не находя себе места от позора, и думал…

2

…часы-то я, конечно, отберу. И отомщу страшно! Пока, правда, не знаю как. Например, карбида за шиворот насыплю.

Ну и гадина этот Душман! Хапнул вчера мои часики, а потом три перемены подряд от нас с Алексом ускользал, мы только зря по коридорам и классам рыскали. Наконец подловили в столовой. Так он нам по щелбану выписал, вместо того чтобы по-хорошему вещь отдать, и просил приходить еще: любит он, мол, таких неугомонных. А мы и сделать ничего не смогли, потому что дружок его поганый рядом стоял.

Такой план вчера разработали! Тонкий план. Собирались подловить гада втроем: я, Алекс и Жаров. Договорились прийти пораньше и встретить Душмана перед уроками: он один будет и помощи ему ждать неоткуда! Думали, по полу его размажем, затем ботинки об него вытрем, размечтались… А план взял и не удался — всегда так с хорошими планами.

Может, в самом деле нажаловаться? Многие вчера об этом твердили, и вообще любой бы на моем месте сразу побежал по учителям… Ладно, сам справлюсь. Наплачется еще Душман у меня.

Только бы он часы не успел загнать. Мои часы…

3

…«Мои часы, — продолжал думать Саша Токарев. — Мои часы…» Эти слова завертелись в голове, не давая спокойно лежать, как того требовала медсестра. Ему было жалко — и себя, и вещь. Просто-таки хотелось заплакать. И еще было страшно обидно.

Какая-то сила зарождалась в нем. Какая-то сила непреодолимо сковывала его тело. Саша пытался сопротивляться, но сила рывком подняла с кровати, заставила согнуться, прижала голову мальчика к коленям. Он не успел ни удивиться, ни испугаться. Что-то подсказало ему: «Прыгай». Он сделал усилие, пытаясь прыгнуть, и тут же почувствовал, что оказался в клетке. Теперь перед глазами была только кожаная обивка топчана. Послышался голос медсестры: «Ты из шестого „а“ или „б“?»

Он попробовал ответить, но не сумел. А потом услышал шаги и удивленный возглас: «Ты где?»

Медсестра Сашу Токарева не замечала! Она проговорила:

— В окно сбежал, что ли? Закрыто…

Саша напрягся, пытаясь посмотреть вбок. Поле зрения медленно сместилось. Женщина стояла рядом, взгляд ее, бессмысленно блуждавший по комнате, вдруг устремился прямо на него.

— Телевизор… — сказала медсестра растерянно. — Кто принес телевизор?

Затем резко крутанулась и выскочила вон, хлопнув дверью.

Тут Саша наконец испугался. Теперь он точно знал, что не спит. Однако происходящее поразительно напоминало сон, который приснился ему утром. Несколько мгновений он паниковал, а потом вспомнил, что во сне ему удалось все-таки вырваться из клетки — после того как рванулся изо всех сил. И он судорожно рванулся. Ощущение было таким, как на американских горах, — знаете, когда в груди становится пусто, а внутренности куда-то проваливаются. Саша распрямился, больно стукнувшись затылком об изголовье топчана. И остался лежать.

Колотилось сердце, мысли мельтешили, как мелюзга на перемене. Точнее, мыслей в помине не было. Были только остатки страха, вытесняемые двумя чрезвычайно острыми желаниями. Первое желание — найти источник бодрости. Сашин взгляд немедленно впился в электрическую розетку на противоположной стене комнаты — ага, с этим в порядке. Второе — отыскать источник мудрости. «Антенна, где же здесь антенна?»— встревожился Саша. В процедурной указанного источника явно не было, и он испытал внезапный приступ дурноты.

Неестественные для мальчика желания. Саша Токарев спустил ноги с топчана и осознал: он делает что-то не то. Что-то нечеловеческое.

Скрипнула дверь.

— Саня, ты здесь? — глухо спросил Алекс. — Ну как?

— Сека! — прошипел Петя Жаров. — Идут!

Друзья исчезли, будто не было их.

В медпункт вошли две женщины.

— Этот? — раздраженно воскликнула директриса. — Что вы мне голову морочи… — Она вдруг осеклась. Очевидно, присутствие мальчика напомнило ей основы педагогики.

— Ой, — только и смогла сказать медсестра. Директриса бросила на Сашу прокурорский взгляд.

— С кем дрался? — спросила напрямик. Тот, криво улыбнувшись, выдавил:

— Дорогие товарищи, многие из вас… — он запнулся, будто прислушиваясь к чему-то, — еще отдыхают перед началом трудового дня, поэтому не забудьте уменьшить громкость ваших телеприемников… — Саша жалобно посмотрел на директрису, — то есть вашего передатчика…

Лицо директрисы обвисло, на секунду стало очень глупым. Потом хищно заострилось.

— Фамилия? — профессионально спросила она.

— Ток… — Саша запнулся. Он хотел сказать «Токарев».

Но первые буквы его фамилии неожиданно увязались с

напряжением электрического тока в сети, которое, как ему показалось, упало в данный момент. Он спохватился. Мозг вдруг пронзило ужасное предположение: не уменьшился ли размер по вертикали?! Саша обхватил голову руками и попытался удержать расползающееся изображение. Даже вскрикнул:

— Пожалуйста, подкрутите ручку! Ну пожалуйста!

Вот теперь для директрисы все было ясно. Мальчик учинил драку, а сейчас отвратительно дерзит, да еще корчит рожи. Надо было срочно наказывать ребенка. Директриса с ходу написала в дневнике распоясавшегося Токарева замечание о его безобразном поведении, а уходя, распорядилась направить ученика в районный травмпункт — «во избежание». И, пристыдив пионера взглядом, покинула помещение.

Медсестра собралась было спросить у пациента, не видел ли он здесь большой телевизор, но постеснялась. Кроме того, ей хотелось поскорее избавиться от странного мальчика.

В коридоре Токарева поджидали друзья. Он показал им освобождение от занятий и монотонно произнес:

— В травмпункт не пойду. Пойду домой. Дома дела.

— А мы рисование мотаем, — похвастался Алекс. — И новый план разрабатываем.

— Токарь, а ты из-за этого… — Петя Жаров показал на Сашин «фонарь», — про обещанный магнитофон не забыл? Дашь?

Саша повернулся и зашагал прочь.

Все было вполне обычно: свойственные погожему дню старушки на скамейках, несомые ветром прохожие, наглые воробьи — и ему показалось на мгновение, что ничего такого не произошло, что учебный год начался так же, как всегда. То, что приключилось с ним в медпункте, никак не умещалось в голове. Поэтому Саша не стал терзаться попусту. Ему вспомнился вчерашний день. Но воспоминания разволновали его еще больше, поскольку и вчера хватало загадочных мелочей! Собственно, непонятные события начались с прошлой ночи, из-за чего Саша и не выспался тогда, хотя обычно…

День первый. УНИЖЕННЫЙ

4

…я очень хорошо сплю. Однажды в детстве я упал с кровати — и то не проснулся. Вот и в лагере ребята обижались. Набьют мне ночью рот зубной пастой, а я хоть бы что, дрыхну.

Но прошлой ночью почему-то проснулся. И соображаю: где это я? Никто рядом не сопит, не жует под одеялом, пружинами не скрипит, не шлепает босиком в соседнюю палату девчонок пугать. На лагерь не похоже… Наконец разобрался: я же дома! Три дня, как вернулся.

А по комнате гуляют непонятные звуки. Не лагерные и не домашние, глупые какие-то звуки. Как будто отряд старушек кряхтит и бормочет. Целый хор: скрипы, вздохи, шелест. Иногда раздается зловещий треск — похоже, ломается что-то деревянное. Мебель?.. Жуть, я даже вспотел! Наверное, эти звуки меня и разбудили. Кто там? Бандиты, пришельцы? Может, Шери забралась в комнату? Шери — это наша кошечка… Нет, кошки так не скрипят.

Звуки идут отовсюду. Особенно выделяется один — со стороны книжного шкафа — низкий, жалобный, словно корова плачет. Хотя откуда мне знать, плачут ли коровы? Я присмотрелся: смутно темнеет махина шкафа и всё — никого. Звук глухой, будто внутри кто-то сидит и подвывает басом.

Короче, стиснул я зубы, выполз из-под одеяла и подкрался к выключателю — бесшумно и мужественно, как индеец. Звуки тут же исчезли. Я моментально зажег свет и резко отпрыгнул в сторону. Никто на меня не бросился. Тогда я обшарил комнату. Капитально обшарил! Действительно, никого — ни пришельцев, ни нашей кошки. Что за ерунда? На всякий случай заглянул под кровать, но там, извиняюсь, только горшок был. Я им давно не пользуюсь, честное слово!

Показалось, что ли? С кем не бывает, особенно ночью.

Я выключил свет, снова улегся, долго-долго прислушивался. Тишина, ничего подозрительного. Я закрыл глаза и, наверное, заснул, потому что, когда…

5

…когда Саша Токарев снова открыл глаза, было уже утро, утро второго сентября, и пора было собираться в школу.

Некоторое время он лежал неподвижно. Еще до конца не проснувшись, он ощутил озабоченность: предстояло совершить нечто ответственное. Саша окинул яснеющим взглядом комнату и вдруг понял, с какого именно действия нужно начать этот день. Решительно встав, он шагнул к магнитофону. Затем опустился на колени и принялся нежно протирать спиртом магнитную головку.

Он завершил священнодействие. Полюбовался искрящейся панелью, погладил ряды кнопочек, поулыбался. После чего его юный интеллект посетила новая забота. «Продать бы ту рухлядь, — подумал пионер, имея в виду старый магнитофон, который он вчера запихал на антресоли. — И купить у Хлумова пяток кассет по дешевке. Вроде бы у него с деньгами туго».

А потом началось настоящее утро: Саша поставил кассету и под бодрящую музыку начал одеваться. Танцуя, надеть штаны нелегко, поэтому, когда в комнату заглянула мама, Саша прыгал, как кенгуру, застряв ногами в штанине.

— А я уж тебя будить собралась, — перекрикивая соло на синтезаторе, сообщила мама. — Сашуля, завтрак на столе. Мне бежать пора. Почисти зубы и не забудь, что тебе сегодня в школу.

И исчезла.

Саша послушно вычистил зубы, позавтракал, собрал портфель, выключил музыку и уже почти ушел. Но тут вспомнил про обещание. Надо бы захватить для Алекса последний сборник «НФ», Алекс вчера просил. Пришлось задержаться.

«Он, кстати, здорово вымахал», — подумал Саша о своем друге и немного расстроился. Позавчера на медосмотре шестиклассник Токарев с горечью убедился в том, что по росту он опасно приблизился к концу шеренги. Почти все ребята за лето заметно удлинились. А у него почему-то только нога стала на два размера больше. «Не тем местом растешь», — пошутил Алекс. Ему-то хорошо! Зато смешно было, когда Летьке Жарову кое-что на спине нарисовали. А он жирный такой — и не заметил. Повернулся спиной к докторше, смутил тетю.

До книг добраться не удалось, стекла на нужной полке книжного шкафа заклинило намертво. Саша поставил портфель, снял куртку, уперся в стекло обеими руками и снова попытался сдвинуть неожиданную преграду. Шкаф слегка содрогнулся, но не уступил. И тут Саша внезапно вспомнил… Странный ночной концерт, шорохи и вздохи, завывание из книжного шкафа… Неприятное воспоминание. Впрочем, странности можно обдумать потом, да и Алекс прекрасно проживет денек без «НФ»: толку-то от этих книг. В общем, Саша Токарев схватил портфель и, суетясь, выскочил на лестницу. Время поджимало, а ведь нужно было еще…

6

…Маринку захватить, небось тоже опаздывает. Она живет этажом выше и вдобавок сидит со мной за одной партой. У нас с ней плодотворный дуэт: уроки в соавторстве делаем. Она мне всякую математику, а я за нее рисую, пою и сочинения пишу. В прошлом году такое сочинение загнул на тему «Как я провела лето», что ее родителей в школу вызывали. Чем она мне особенно нравится, так это бутербродами. Она уникальные бутерброды мастерит! И зря их в школу берет, все равно к концу первого урока от них даже «спасибо» не остается. Я человек увлекающийся.

Только я собрался вверх по лесенке пробежаться, а Марина тут как тут и вместо «здрасте» портфель мне в руку сует. Она за лето изменилась. Возмужала, что ли? Массу набрала и ростом почти с Алекса. Как с ней танцевать-то? Не класть же голову ей на плечо?

Идем по улице, я ей про свою технику рассказываю. Она рот разинула, слушает. У меня ведь теперь дома целая система. Система — это когда все есть, понятно? Просто папа у меня бурильщик. Раньше помбуром по области мотался, а тут наконец на Север отправили, уже мастером. Все лето в тундре просидел, в недрах ковырялся. Приехал уставший, бородатый, шумный — привык там на оленей орать, — зато денег привез чемодан. Мама обрадовалась, сказала, что наконец-то папа мужчиной стал.

Хорошо, что я в лагере был. Папа вернулся — меня нет. А он так соскучился, что всю мою комнату подарками завалил — этой самой системой. Потом не выдержал, приехал с мамой ко мне в лагерь, похвастался покупками. Я до конца смены еле досидел. Эта техника мне даже снилась в лагере. Я ее еще не видел, но зауважал, а когда увидел, совсем влюбился.

Вообще-то, я папе и так бы обрадовался, без подарков.

Папин друг дядя Сева сказал, что у меня теперь этой техники — как грязи. Телевизор у нас общий на всех, экран — семьдесят сантиметров. А все остальное — мое! Кассетник стереофонический — классная вещь, две колонки, двадцать пять ватт на канал. Когда низкие частоты идут, у меня в животе гудит. Вертушка тоже неплохая штучка, пластов только маловато. Видеомагнитофон наш, отечественный, но по японской лицензии. Это вообще отпад! О таком я даже и не мечтал. К нему, кстати, две кассеты есть. Хотелось бы чего-нибудь такого, боевого, западного, но на кассетах только мультики. Ладно, попробую достать покруче. У Хлумова спрошу, он у нас бизнесмен. Имеется и кое-что фирменное, папа в «комисе» купил. Компьютерная игра

— к телевизору присобачивается — плюс электронные наручные часы со счетной машинкой и приемничком. Мои часы…

Короче, кончил я рассказывать. Смотрю, восторг только у меня остался. Марина давно уже затихла. Идет рядом, скучает. Я ее спрашиваю:

— Ты чего?

— Я ничего, — пожимает плечами. — А ты чего?

— И я ничего.

Почегокали мы так, потом она вежливо поинтересовалась:

— А какая разрешающая способность у видеомагнитофона?

Хороший вопросик. Быстренько соображаю:

— Папа разрешает мне все смотреть.

Она хихикнула и взглянула на меня, как на Петю Жарова.

— Я, — говорит, — про количество строк на экране.

Тоже мне отличница! Нет, чтобы спросить о чем-нибудь человеческом. Сколько стоит, например. Или когда можно в гости прийти, кайф словить.

— Ну и дура, — отвечаю.

Тогда она посмотрела на меня, как на Хлумова, но не обиделась. Сказала, глупо ухмыляясь:

— Лирик недоразвитый, — и жест сделала.

Стал я думать, как ее на место поставить, а она уже любопытствует:

— Ну что там в лагере? Не обижали?

— Да кто меня обидит, — веско говорю. — Кому себя не жалко? Я ведь физически бить не стану, пачкаться. У меня удар психический.

Марина засомневалась, но видно было, что скучать перестала. Психическая сила — это тема.

— Ну давай-давай, ври, — подбодрила она меня.

— Чего зазря врать, — спокойно продолжаю я. — Было бы кому. Для тебя и правда сойдет.

И наврал ей про то, как тренировал в себе летом психическую мощь. Будто бы начал с кузнечика — посадил в банку и несколько дней взглядом подавлял его волю. Наконец получилось. Потом навострился бабочек на лету сбивать. А когда силу свою узнал, то за вредных людей взялся, были у нас и такие. Один белобрысый кент из моего отряда — идиот липучий. Наша вожатая — натуральный шизик. И особенно начальница лагеря — эта вообще дрессировщица. Наверное, в цирке подрабатывает — ослов воспитывает. Так я однажды момент поймал и всех их разом подколол. В столовой это было. Белобрысый кент второй стакан киселя выпросил, нес его обратно мимо начальского стола, тут я и вмазал. Мысленно, конечно. Белобрысый споткнулся,

шмякнулся, а весь свой любимый кисель — той самой вожатой за шиворот. Она завизжала, подпрыгнула от испуга, тут я влет и ее снял. А она, не будь дурой, схватилась рукой за первое попавшееся, чтобы не упасть. Первым попавшимся оказалось лицо начальницы лагеря, которая очень кстати сидела рядом. Вожатая, конечно, упала и заодно опрокинула начальницу лагеря вместе со стулом. Та только ножками дрыгнула. Дальше вообще спектакль! Дежурный по столовой как раз тащил кастрюлю с киселем. Но за него не беспокойтесь, он удержался на ногах и даже кастрюлю из рук не выпустил, только кисель на клиентов опрокинул. Так они и лежали, в киселе мокли. Больше, между прочим, кисель в столовой не варили. А я понял, что растрачивать психическую силу на дураков бесполезно: они становятся еще вреднее, а ты без киселя остаешься.

Объяснил я все это грамотно, популярно, с использованием серьезных слов. Наверное, поэтому Марина не очень-то и поняла. Она спросила, приостановившись:

— Саш, а что такое медитация?

Я сказал:

— Это когда спишь и видишь чего хочешь.

Ей понравилось, она даже загорелась:

— Меня научишь?

Пока я думал, чем бы еще ее удивить, мы уже к школе подошли. А дальше…

7

…начался новый учебный год. Строго говоря, учебный год начался вчера, первого сентября, когда состоялся Урок мира, а потом школьников распустили по домам. Сегодня же — второе сентября, первый день настоящих занятий.

К счастью, Саша Токарев не забыл взять с собой сменную обувь, поэтому он благополучно преодолел пост бдительных дежурных по вестибюлю. Но попасть в класс с первого раза не удалось. Беспощадные девочки из санитарною патруля отправили его мыть уши и шею. Странно, в прошлом году проверяли только руки.

Когда грянул звонок, возвестивший начало первого урока, все чинно расселись по местам. В наступившей тишине Матильда величественно прошествовала к учительскому столу. Собравшиеся почтили приход педагога вставанием. «Здравствуйте, дети. Садитесь». — «Здравствуйте, Мария Теодоровна».

— Я чувствую — в этом году будет много двоек, — окинув

взглядом детские лица, констатировала учительница. И подмигнула классу, довольная шуткой.

«Вливания начались», — тоскливо подумал Саша Токарев.

Но через пять минут эта мысль забылась: свирепая математичка приступила к объяснениям. Она увлеченно беседовала с доской, покрывая ее загадочными письменами-формулами, которые тут же стирала. Атмосфера разрядилась, класс расслабился. Наиболее воспитанные шептались, остальные просто разговаривали. Да и разве не о чем было поговорить? Многие занялись своими делами: кто-то стрелял шариками из жеваной бумаги, кто-то шуршал конфетами, кто-то азартно шипел: «А-семь! Убил!»

Рядом с Сашей Токаревым сидела Марина Мерецкая, главный ценитель Сашиного творчества. Впереди надежно прикрывал Петя Жаров, его здорово было хлопать по спине. Не кулаком, конечно, а ладонью или учебником. Отличный звук, гулкий. А сзади располагались Саша Чернаго и Лена Печкипа, или попросту Алекс и Печка. Хорошая подобралась компания. Лена Печка первая пригласила соседей пообщаться, она пощекотала Сашу Токарева рисовальной кисточкой за ухом и нежно зашептала:

— Сашка, привет! Говорят, ты разбогател?

— Я у него вчера был, — вступил Алекс. — У Токаря классная аппаратура, я от одного вида забалдел. Везет же дуракам.

— А «Моды толки» есть у Сашки? — спросила Лена.

— Чего это? — Алекс не врубился.

— Группа такая, — пояснил Саша Токарев, наконец удостоив общество вниманием, — знать надо. Только она называется «Морды тонки».

Тут и Марина повернулась.

— У него все есть. Теперь к нему каждая фря проситься будет.

— Сама ты фря, Мерецкая, — не сдержалась Лена. — Сама ты к Токарю бегаешь. Правда, Сашка?

— Вы еще моих часов не видели, — немедленно отозвался Токарев. — Я их вчера забыл взять. Смотрите. — И он торжественно показал левую руку. Все послушно вытянули шеи.

— Я уже видел, — заметил Алекс, — класс!

Лена Печка выдала очередь:

— А чьи они? Они фирменные? А что они делают?

— На перемене покажу, — солидно пообещал Саша Токарев.

Вдруг ожил Жаров. Повернулся чуть ли не с партой.

— А мне, мне!

Алекс вступился:

— Токарь, дай Барабану поиграть. — И пошутил: — Только смотри, чтобы случайно не сел на них.

Саша Токарев расстегнул браслет и потряс часами перед лицом Жарова. Тот уныло посмотрел и промычал, насупившись:

— Да отстань ты…

— Эх, Барабан, — сказал Саша, похлопывая Жарова по спине. — Ни одного нового слова за целое лето не выучил. Например, «брось».

Тут Сашу щелкнули по макушке свернутой тетрадкой. Это был Хлумов с соседнего ряда. Хлумов не имел ни клички, ни имени — только фамилию.

— Дай, — сказал он.

Саша показал фигу, посоветовал:

— Решай свою задачу, — и отвернулся.

Сосед снова щелкнул его тетрадкой — на этот раз по затылку — и скучно повторил:

— Дай. — И невыразительно добавил: — А я тебе журнал попсовый покажу.

— Пойдет, — не смог отказаться Саша, но нервно предупредил: — Только не жми на кнопочки!

— Я все знаю, — бесстрастно заметил сосед.

— Токарев! — вдруг раздался резкий возглас.

— Тебя вызывают! — Марина пихнула Сашу локтем. Тот стал подниматься на ослабевших вдруг ногах, а Марина лихорадочно зашелестела учебником. Но было поздно.

— Токарев, ты уже решил задачу?

— Не успел, Мария Теодоровна.

Учительница торжествующе улыбнулась.

— Давай я тебе помогу. Повтори, пожалуйста, задание.

Через минуту Саша сел, недоуменно глядя на замечание в дневнике. Первое в этом году.

— Хлумов! — позвала Мария Теодоровна. — Тебе тоже надо помочь?

— Мне помогать не надо, — спокойно сказал Хлумов. — Икс равен минус восьми, игрек — двести семь. — При этом что-то мелькнуло в его глазах. Будто ряд чисел пробежал.

Учительница недоверчиво заглянула в свою тетрадь:

— Правильно…

Саша Токарев быстро оправился от позора. Да и какой тут может быть позор, если вещь, которой нет ни у кого в школе, плотно облегает запястье, приятно утяжеляет руку… Подмигивают кнопочки счетного устройства, солидно блестит крошечный динамик, внушает благоговение надпись: «Кусайко».

— Дай.

Это снова был упорный Хлумов.

— Не до тебя, — уныло сказал Саша. — Зануда рыжая.

И Хлумов отвязался.

Тут осенило Петю Жарова, он брякнул:

— Слушай, Токарь, зачем тебе часы? Звонок ведь есть.

И действительно, в конце урока раздался…

8

…звонок.

Класс мгновенно вынесло в коридор. Вокруг Саши быстро образовался кружок любопытствующих, сам же он, подражая Матильде, приступил к объяснениям, одновременно демонстрируя невиданные возможности заграничного устройства.

— Для особо одаренных повторяю: калькулятор и счетная машинка — это одно и то же. А теперь мы послушаем учебную программу «Радио Люксембург»…

Перебивая Сашу Токарева, его друг Алекс взахлеб рассказывал о чудесах сногсшибательной электронной игры, которую он вчера видел у Саши. Он сопровождал выступление разнообразными звуковыми эффектами.

Все было прекрасно. Концерт близился к концу. И к полному удовольствию солистов, он завершился бы завистливыми возгласами публики, если бы иностранные звуки не приманили двух семиклассников. Один из них был известен всей школе под кличкой Душман. Кличка, заработанная честным трудом. Этот человек любил душить голубей и других пернатых братьев.

— Чей музон? — пробасил Душман, входя в круг. По пути он отодвинул Сашу Токарева.

— Его. — Несколько пальцев показали на отодвинутого.

— Что там у тебя? — приветливо спросил Душман. И, не дождавшись ответа, взял часы из рук онемевшего Саши.

— Фирма, — произнес второй семиклассник и причмокнул. Душман осведомился:

— Зачем они тебе?

В наступившей тишине Саша Токарев промямлил:

— Время…

— Не умеешь ты говорить, — горестно вздохнул старший товарищ. — Но я тебя понял. Хочешь время знать? Держи, советские дарю, самые лучшие.

Он снял свои часы, сунул их оторопевшему Токареву в карман и отечески похлопал его по плечу:

— Тебе повезло, сынок.

Затем снова убрал Токарева с дороги и не спеша двинулся прочь.

— Пошли, Серый. Невежливые какие-то пионеры.

Саша очнулся.

— А часы! — завопил он.

Душман на ходу обернулся, крайне удивленный:

— Какие часы? — И спросил у дружка: — Ты не знаешь?

Тот пожал плечами.

— Может, те, что ты ему подарил.

И тут прозвучал звонок на урок. Шестиклассники побежали на третий этаж — в кабинет истории. Только Саша Токарев с Алексом, очнувшись, бросились в другую сторону — догонять наглого Душмана. Увы, тот уже скрылся в классе, и разъяренный Саша был вынужден временно подчиниться обстоятельствам.

Вот так вчера и…

9

…уплыли от меня мои любимые ходики. Можно было бы и пожаловаться, да засели в голове правильные книжки про всяких Чингачгуков и Безголовых Всадников, которые всегда мстили сами. Хотел быть на уровне. И получил пару щелбанов для начала, а сегодня и вовсе — нокаут. Главное — от кого! Обезьяна волосатая. Ну ничего, он Токарева еще не знает, сквитаемся… Заморочила меня эта история с часами. Пока метался, не заметил, что назревают такие чудеса! В самом деле, уже прошлой ночью что-то было. И вчера вечером, и этой ночью, ну а сегодня утром — вообще…

Алексу что! Пришел вчера после уроков ко мне в гости — мультики смотреть. Сам-то я уже три раза их видел. Клевые у меня мультики, иностранные, правда, иногда в них по-английски мяукают или гавкают, но там и так все ясно. Алекс доволен был, как кот! А напротив него на теплом телевизоре Шерочка лежала, хвостом подрагивала — тоже довольная. Картинка. Он просидел, прилипнув носом к экрану, часа два. Лишь один раз оторвался, чтобы вопросик мне задать.

— Видеомагнитофон тоже стерео?

— Ты что, лопух? — сказал я ему. — Сам ты стерео! Кассетник и проигрыватель — стерео, тебе мало, да?

Потом Алекс вспомнил, что его ребята ждут: он дурака свалял, обещал за наш дом в футбол играть. Пыль на пустыре гонять. Меня с собой звал, но я не пошел. Неохота. Тут Алекс впервые позавидовал: мол, имей он «видик» — ему тоже было бы неохота и я бы точно так же напрашивался к нему в гости.

У дверей он вдруг вспомнил:

— Слушай, я же хотел «НФ» взять!

Странная штука. Как и утром, я не смог отодвинуть стекло

полки, на которой лежал сборник. И Алекс не смог. Но дело не в этом. Оказалось, что заклинило стекла на всех полках книжного шкафа и ни одну книгу не вытащить. Алекс огорчился, я — не очень. Все равно я фантастику из шкафа прочитал. К тому же у меня теперь такие фантастические мультфильмы, что и читать не надо. Смотри себе — и думать не о чем.

У меня такие неприятности, а им всем плевать. Будто сговорились, честное слово! Шли это мы после школы домой впятером. И выяснилось, что Петя Жаров не такой уж балбес. Недаром, оказывается, он помощь в борьбе с Душманом предложил. День рождения, говорит, завтра (то есть уже сегодня). И этак по-простецки спрашивает при всех: «Не одолжишь ли магнитофончик на вечерок?» И такую рожу деревянную состроил, будто ничего особенного тут нет. Не смог я отвертеться. Главное — не старье попросил, а новый, из системы!

После школы ребята предлагали мне космических пришельцев искать: кто-то на помойке странный след нашел. Девчонки звали в кружок бального танца: им, видишь ли, партнеров не хватает. И Алекс не вовремя вспомнил про рацию. Конечно, мы давно мечтали ее сделать, детали копили, представляли, как переговариваться будем по ночам. Раньше, может быть, все эти варианты меня и увлекли бы. Но сейчас нет никакого настроения глупостями заниматься. Алекс меня понял. «Какая рация, — засмеялся, — если я твоих мультфильмов не видел». Еще Марина подколола — поинтересовалась, почему я психическую силу не применил против Душмана. А я и забыл уже, что там ей наплел утром. Кое-как отбрыкался. Она, кстати, домой убежала и меня звала, обещала накормить. Но я отказался: надоели ее шуточки. И Ленка почему-то слиняла в музыкальную школу, хотя очень напрашивалась в гости. А Петьку за его наглость я просто отшил. Такие воспоминания…

После Алекса явилась Марина. И прямо с порога:

— Саша, ты про уроки не забыл?

— Какие уроки! — возмущаюсь. — Ничего не задано!

— Я и говорю — забыл.

Она прошла в комнату и спокойно объяснила:

— У нас завтра литература и рисование. А на лето задали сочинение и рисунок, помнишь?

Я что-то смутно помнил. Марина продолжила:

— Сочинение на тему «Моя мечта о прекрасном». А нарисовать задали то, что любишь, что сам захочешь. — Она улыбнулась. — Между прочим, Санечка, нам на двоих нужно по два экземпляра.

Приучил на свою голову! Но заняться действительно пора.

И мы занялись. Вернее, только начали, потому что дальше дело не пошло. Обнаружилось множество подлых мелочей, вредящих работе. Не горела настольная лампа, с надсадным скрипом выдвигались ящики письменного стола, впустую корябали бумагу все ручки. Привычные, полностью «мои» вещи стали чужими, какими-то неживыми. Это во-первых. А во-вторых, когда Марина снабдила меня собственной ручкой и тетрадкой, я сел в лужу. За десять минут напряженного труда и тяжких вздохов сочинил всего одну фразу: «Зачем мечтать о прекрасном, прекрасное надо иметь». Больше ничего в голову не лезло. Хотелось включить музыку… И я не выдержал. Я встал и врубил «Морды тонки». При этом мысленно сострил: «Мой прекрасный магнитофон — это мечта. Для всех в нашем классе, кроме меня».

Марина сидела в большой комнате, смотрела мультики. Услышав музыку, вошла ко мне. Заглянула в тетрадку и расстроилась:

— Ты чего, Саша? Раньше сочинения пек, как я блины…

Я слегка разозлился:

— Мне мечтать не надо. У меня все есть.

Марина не поняла, тогда я пояснил:

— У кого ничего нет, пусть тот и мечтает о прекрасном, — и крутанул громкость.

Когда я перестал баловаться со звуком, Марина разочарованно сказала:

— Ладно, лирик. Сама напишу.

Она демонстративно выдрала страницу с моей гениальной фразой. Затем добавила:

— Рисовать-то ты, надеюсь, не разучился?

Я немножко обиделся и молча достал краски, преодолев упорное сопротивление ящика письменного стола. Я рисую гуашью. Но выяснилось, что краска засохла вчистую! Во всех баночках! Мне стало чуть-чуть не по себе. Что в доме творится?

— Рисование отменяется, — объявил я и показал Марине краски.

Она не скрывала, что окончательно разочаровалась во мне.

— Пора идти, — нудным голосом сообщила она. — Надо уроки делать.

— Скучно станет мечтать — спускайся, — сказал я напоследок. — У меня уйма прекрасного.

Наверняка прибежит. Куда денется? Когда Марина ушла, я взял лист бумаги, карандаш и прикинул: что бы мне такое нарисовать? Как что! Есть домашнее задание — нарисовать что-нибудь любимое. Я обвел взглядом комнату и нарисовал телевизор — в шутку, конечно. Получилось неплохо. Я

развеселился и дорисовал к телевизору глаза, нос и рот. Вышла рожица, чем-то похожая на меня. Все-таки я умею рисовать. Дура ты, Мерецкая.

В честь маленькой победы я захотел чего-нибудь сбацать. В большой комнате стоит пианино, и, между прочим, не зря: я музыку сочинял, разные «собачьи вальсы» для школьных мероприятий. Откинул крышку, ударил по клавишам.

Пианино было расстроено. Я никогда не слышал настолько расстроенного пианино! Елки зеленые…

Это было вчера вечером. Именно тогда я впервые почувствовал какую-то опасность, затаившуюся в квартире. Мне сделалось страшно. Я даже подумал: «Скорее бы пришли родители, и все встало бы на свои места». Смех! Я надеялся, что к концу вечера странности забудутся, я лягу спать, спокойно засну и ночью мне будет сниться…

День второй. ЗАКОЛДОВАННЫЙ

10

…навязчивый, глупый сон. Или это был вовсе не сон? Ему казалось, будто он, скрюченный до невозможности, сидит на корточках в тесной клетке. Нос уткнулся в колени, руки сцеплены и прижаты к затылку. Дикая поза! При этом клетка стоит на его кровати. Саша попытался расслабиться, но ничего не получилось. Кто-то назойливо лез к нему, злобно пинаясь, явно желая еще больше его уплотнить. Это продолжалось не очень долго: Саша поднатужился и выпихнул нахала. Тот пару раз ткнулся и отстал. Была ночь…

11

…а потом настало утро. Сегодняшнее утро. Саша Токарев вдруг понял, что он не спит, поскольку прямо перед своим носом увидел простыню, чему очень удивился. Одновременно он ощущал, что находится совсем не в том виде, в котором принято спать. Правда, в каком именно — Саша не знал: ему никак не удавалось на себя посмотреть. И, заволновавшись, попробовал шевельнуться. Безрезультатно. Он чувствовал себя скованным, согнутым, сдавленным, будто в гипсе. Тело было каким-то деревянным. Саша испугался, подумав: «Неужели обчистили? Меня связали, а систему вынесли…» Он еще раз напрягся и с большим трудом сумел повернуть голову. Себя он так и не увидел, зато теперь его взгляду открылась часть комнаты. С облегчением Саша обнаружил, что техника на месте. А в стекле книжного шкафа он увидел отражение кровати. Почему-то на кровати стоял телевизор, и Саша с досадой отметил непорядок: «Вечно родители все в мою комнату сваливают, повадились склад устраивать» Тут он осознал явную несуразицу. «А где же я? — задал себе глупый вопрос. И предположил в том же духе: — Нет меня, что ли?» Саша испугался по-настоящему. Вернее, запаниковал. Попытался крикнуть — ничего не вышло, даже губ своих не почувствовал. Тогда, переполненный ужасом, он дернулся изо всех сил, совершил отчаянный рывок, комната крутанулась — ему показалось, что его подбросило в воздух, — и секунду он летел выпрямившись. А потом во что-то врезался и обнаружил себя лежащим на полу возле кровати.

Блаженство разлилось по телу. Свободен! «Надо же, какой сон

приснился, — подумал Саша Токарев. — Ну я и рванул, даже с кровати свалился!» Он сел, разминая затекшие руки и ноги. «Зачем этот сон? Может, примета какая-то? Главное — все как взаправду». Саша немного посидел, вспоминая. В том числе и ночную чепуху, когда кто то лез к нему в клетку, пихаясь. Затем решил, что пора одеваться, встал и уверенно направился к электрической розетке — мимо стула с одеждой. Подойдя, он растерялся «А что теперь? Пальцы совать?» Саша остановил себя. «Если дернет, мало не покажется.» Он почувствовал, как что-то чужое зашевелилось в нем, и ему стало тоскливо. Совершенно необходимо было найти… Выход, в котором все станет ясно… Или вход? Ему вдруг нестерпимо захотелось отыскать наконец какую-нибудь антенну, и это желание было похоже на дурноту. Механически шагая, он вышел в большую комнату.

Здесь был папа. Папа собирал бумаги и складывал их в портфель.

— Санька проснулся! — воскликнул он. — Ты что, брейком увлекся?

— Па, а как ко мне антенна подключается? — нетерпеливо произнес Саша вместо ответа. — Скоро ведь программа передач!

— Ну и шутник ты у меня, — сказал папа, довольный сыном. А сын мучительно соображал, зачем же он ляпнул такую фразу.

Папа весело подмигнул:

— Как техника? Ничего еще не сломал? — Он не скрывал гордости. — А то я накупил тебе на свою голову…

Саша хотел сообщить, что все отлично, что ребята в школе ему жутко завидуют, но вместо этого неожиданно отчеканил:

— Вся аппаратура работает нормально!

Папа озадаченно посмотрел.

— Да-а, — протянул он, — отстал я, видно. В наше время так не шутили. — И, сипло хихикнув, пробормотал: — Мы больше по другой тематике…

Саша бездумно подошел к телевизору, потрогал деревянный корпус и почему-то вспомнил ночной сон. Тот самый, с клеткой. Тогда он смерил руками набитый электроникой ящик и спросил нормальным голосом:

— А человек в телевизор влезет?

И вдруг понял с облегчением, что наваждение исчезло.

Радость была огромна! Она была так велика, что, не поместившись в груди, вырвалась наружу в виде индейского вопля. Саша хохотнул, щелкнул себя по ушам и тут же вспомнил, что ему необходимо торопиться. Из головы мгновенно влетели всякие там кошмарные сны и необъяснимые заскоки: его ждали друзья, его ждало священное дело мести.

Не знал он еще, чем закончится это утро. Не предполагал, что через какой-нибудь час…

День второй. ОБОРОТЕНЬ

12

…молодой человек шел из школы домой, не отсидев и одного урока. Лицо молодого человека — на зависть встречным! — блистало истинно мужской красотой. Особенно вокруг глаза. Он шел, замедляя шаг, потому что все яснее понимал простую вещь: на какое-то время его тело принимало вид телевизора. Причем собственного (семьдесят по диагонали) телевизора! Это превращение происходило отнюдь не во сне. Освобождение от занятий и украсившее дневник замечание директрисы подтверждали факт чуда. Тот телевизор, который утром лежал на его кровати, был он сам — Александр Токарев. И в медпункте… Будь он пластилиновым героем из мультика — куда ни шло, а так — полнейший бред… Мало того: Саша понял и другое! Обретая человеческий облик, он сохранял что-то от вещи. Неестественные желания, чужие фразы — это были остаточные явления. Или «отходняк», как сказал бы папин друг дядя Сева. Хотя Саша, конечно, не мог знать точный смысл упомянутого слова.

Однако неясностей оставалась уйма. Например, является ли способность превращаться в телевизор его собственной или это результат воздействия посторонней силы? Повторятся ли превращения впредь? И главное — сам-то он может осуществить превращение или нет?

Поэтому, когда Токарев пришел домой, он не бросился включать видеомагнитофон или проигрыватель, не засел за электронную тру аннигилировать космических пиратов. Он выгнал из большой комнаты вечно сонную Шери, закрыл дверь, тщательно занавесил окна и начал эксперимент.

Первым делом опуститься на корточки. Затем съежиться, обхватить руками ноги и достать головой колени. Ладно, будем считать, что поза принята. А дальше?

Дальше Саша стал ждать. Но ничего не происходило. Саша проявил самоотверженность — еще больше скорчился. У него даже шея заныла. Было ясно, что в такой позе долго не высидишь. Он подумал то ли с радостью, то ли с огорчением: «Не получится». И в этот момент его наполнили обрывки ощущений, мыслей, страхов, сопровождавших недавнее превращение в медпункте. Он вспомнил: была сила, которая скрючивала и стягивала его, сила, возникшая в нем самом! Воодушевившись, Саша начал лихорадочно искать в себе эту силу, вернее,

представлять ее. И не ошибся.

Ему внезапно стало тесно и жарко. Какой-то голос — может быть, голос этой силы? — подтолкнул его: «Прыгай! Прыгай в клетку!» Саша внутренне заметался. Куда прыгать? И тут, почувствовав, что клетка рядом, он прыгнул. Он сам прыгнул.

Когда Саша вернул себе человеческий облик, восторг его был безграничен. Получилось! Правда, у него опять возникли странные для человека порывы, но в этот раз они не застали врасплох и он быстро сумел подавить их. Ему захотелось проверить открывшуюся способность вновь. Немедленно. Он встал перед зеркалом, скрючился, почувствовал рядом клетку и без особого труда впрыгнул в нее.

Свершилось. Шестиклассник Токарев гулко захохотал, как злодей из мультика, и состроил страшную рожу перед зеркалом. «Я умею! — запрыгало у него в голове. — Во дела! Вы у меня опупеете!» Никаких остаточных явлений уже не было в помине. Саша сел на пол и задумался. Превращаться только в телевизор было бы глупо, — это ясно. Вдруг его способность распространяется и на другие вещи? Проверить бы… На глаза ему попался магнитофон. «Прекрасно, — сказал себе Токарев, — в тебя-то я и превращусь»

Сосредоточился и стал опять телевизором.

«Правильно, — вдруг понял Токарев, — так и должно быть»

Начиная с этой ночи он превращался только в телевизор, и его организм привык. Чтобы обернуться другой вещью, надо что-то добавить. Что? Может быть, в момент превращения представлять не просто клетку, а вещь в виде клетки? Саша привычно сжался, представил себя магнитофоном — и вновь оказался телевизором. Тут до него дошло: он ведь не все учел. Вещь мало представить, ее надо чувствовать. Впрочем, те, кто равнодушен к вещам, не поймут это.

Очередная попытка была весомой заявкой на успех: пловец наконец допрыгнул до воды. Получилась из Саши помесь телевизора с кассетной стереосистемой. Желанная для покупателей новинка. Это вдохновило его: еще несколько опытов — и он добился своего, стал-таки магнитофоном.

В нем проснулся азарт. С наслаждением Саша Токарев принялся качать свою силу — силу, которая делала из него вещи. Пионер был настойчив, как настоящий спортсмен, и в результате полностью овладел свалившимся на него даром Стоило ему теперь только представить вещь, почувствовать ее, и она жадно вбирала его в себя.

Несколько обстоятельств выяснил Саша, экспериментируя. Во-первых, когда он превращался в маленькие вещи, то они

получались гигантскими. Например, авторучка была у него толщиной с бревно. Большие вещи, наоборот, уменьшались до величины мальчика. Во-вторых, находясь в облике предмета, он мог посмотреть в любую сторону, даже назад, надо было лишь повернуть голову. Точнее, то, что казалось ему головой. И наконец, чтобы превратиться, совсем не обязательно было скрючиваться. Главное — ощутить внутреннюю скованность.

И еще одна деталь. Как бывший фанат книжек с грифом «НФ», Саша ввел обозначение того, что он делает превращение в вещь — прямой переход, возвращение в человеческий вид — обратный переход.

В конце концов он утомился и решил устроить тихий час.

Вскоре закончатся уроки в школе, и Алекс наверняка при тащится. «Ну я им всем покажу», — подумал Саша неизвестно о ком, блаженно растянувшись на кровати. Да, наконец-то ему повезло. Часок он вздремнул…

Ночь третья. ОБВИНЯЕМЫЙ

13

…и, наверное, зря я днем спал. Потому что время уже почти двенадцать ночи, родители вовсю дрыхнут, а мне не заснуть. И вправду, как тут заснешь?

Капитальный был денек. Коррида! Первую половину дня, после того как эта способность во мне вылезла, я силищу набирал, тренировался. А потом пришел Алекс, испортил тихий час. Как ни хотелось мне ошарашить его, показать пару чудес, я все же сдержался. Раззвонит везде, растреплется. А мне еще нужно было Жарова хорошим манерам поучить и, главное, с Душманом разобраться. И вообще идеек много. К тому же зачем Алексу мои фокусы, если он, как пришел, сразу прилип к электронной игре. Вещь и в самом деле стоящая, в магазине такую не купишь. Обращаться с ней просто: подсоединил к телевизору — и балуйся с любой из пяти игр. А игры здесь покруче игральных автоматов будут! Цветная картинка, звуковые эффекты, и темы все космические. «Война миров», «Звездные мстители», «Метеоритный дождь» — одни названия чего стоят!

Козел этот Алекс! Я знаю — друзей обзывать некрасиво. А чужие пластинки бить красиво? Он мне любимый пласт раздолбал! Я его на медосмотре у Хлумова выменял за пару папиных книжек, а он… Мало Алексу игры было, так он захотел марсиан под музычку сшибать, полный кайф ему, видишь ли, нужен был. А у меня из-за него теперь только конверт остался на память… Да, правильно, что этому олуху ничего не сказал.

А Жаров вообще обнаглел. Я не успел осколки от пласта выбросить, как он мне позвонил. Говорит: «Я уже пообедал и сейчас за магнитофоном заскочу. У меня, — говорит, — день рождения. Только раз, — говорит, — в году». Ну, Барабанище! Набил емкость котлетами и поплясать захотел, чтобы утряслось.

Решил я ему немножко аппетит испортить. А то еще вырастет эгоистом — все дай да дай. И заодно Алекса научить примерному поведению. Короче, устроил хохму. Сказал Алексу, что быстро сбегаю в библиотеку, и если Жаров заявится раньше, чем я вернусь, то пусть он отдаст ему магнитофон, который стоит в моей комнате. Алекс там среди марсиан резвился, поэтому даже не обернулся, головой махнул и буркнул: «Угу». Вот тебе и «угу»! Я входной дверью погромче хлопнул, потом потихоньку просочился по коридору в свою комнату, мафон сунул под

кровать, а сам сел на тумбочку и осуществил прямой переход. Стал магнитофоном. И когда пришел Петя Жаров, Чернаго оторвался от марсиан и преспокойно отдал меня. Алекс сказал: «Куда бы ты без Токаря, Барабан!» Мне было приятно. А Жаров напомнил, что мы с Алексом приглашены на его день рождения и что часа через два можно приходить — будет много ценных конфет и торт из мороженого.

Как Барабан меня пер! Пыхтел, жиром истекал, руку через шаг менял. И ведь, кабан такой, неаккуратно нес! Два раза о перила стукнул: на моей лестнице и на своей. А по пути чуть не уронил. Я даже обмер весь — после обратного перехода, чего доброго, дефективным бы стал. Но обошлось.

Втащил меня Барабан в квартиру. Полез было в сервант, — наверное за конфетами, — вдруг ойкнул, пробормотал: «Пепси забыл!» — и тут же побежал в магазин. Я ждать его не стал, превратился обратно и тоже ушел. Кстати, тогда мне смешная мысль в голову пришла: эдак можно квартиру обчистить и никто не догадается. Шерлок Холмс ведь давно умер.

Потом я вернулся домой как ни в чем не бывало. Алекс все еще балдел — жал на кнопочки и даже подпрыгивал, когда попадал. Он меня «успокоил»: все в порядке, мол, приходил Жаров и магнитофон унес. Наконец, добив последнего марсианина, оторвался от телевизора и сказал, что пора собираться к Жарову на день рождения, подарок поискать, шею помыть, переодеться. А я ему наврал, что здоровье после «махача» с Душманом подорвано. «Извинись, — говорю, — там за меня, скажи, дескать, у Сашки раны болят и он не придет». Алекс отнесся с пониманием. И ушел собираться.

На часах — без пятнадцати двенадцать. Первый раз так. Всегда раньше считал, что очень хорошо засыпаю. Только положил голову на подушку, а уже будильник трезвонит. А тут две ночи подряд какая-то ерунда. И сейчас — вообще не заснуть… Пробовал даже баранов считать, но они в козлов вроде Алекса и Жарова превратились и разбежались.

Очень я развеселился, после того как шутку отмочил. Но есть закон: чересчур развеселишься — обязательно какая-нибудь подлянка случается. Так и сегодня. После Алекса, как повелось, Маринка в гости пожаловала. Не может она без меня и дня прожить. И прямо с порога ляпнула: «Ты чего, мотаешь?»

Я ей фингал показываю и мужественно объясняю: «С одним негодяем рассчитался». Она все сразу поняла: «Душман побил?» И деликатно посочувствовала: «Больно небось?» Впрочем, эта трепотня к делу не относится. Подлянка была совсем в другом. Мы посидели, еще потрепались, я предложил Марине досмотреть

мультики, она, дурочка, не захотела. Зачем-то рассказывала, что сегодня на уроках проходили. Я, конечно, про свои новые таланты — ни словечка. Знаю, сорвет в воспитательных целях мне все планы. Потом я вдруг вспомнил о старом магнитофоне — чего это он у меня на антресолях пылится — и предложил Марине вместе бизнес сделать. Всего-то от нее требовалось поспрашивать у женской половины класса: может, нужен кому аппарат? Заодно и порекламировать. В хорошем ведь состоянии! И продаю по дешевке. Я Марину бы не обидел, целый год, нет — всю четверть у меня бы задарма мороженое кушала. Так она от злости на цаплю стала похожа, смотрит на меня, как на лягушонка. Сказала, что я такой же скучный пройдоха, как Хлумов, и что вещи мои теперь интереснее, чем я сам. Швабра! И я еще работал на нее, сочинения клепал… Кстати, чего она на Хлумова взъелась? У него дома, между прочим, персональный компьютер есть, вернее, у его папы, и Хлумов с этим компьютером умеет обращаться. Развлекается вовсю, в игры играет. А мой папа явно иссяк в смысле денег…

Я вздохнул. На будильнике было ровно двенадцать В этот момент…

14

…раздался звонок в дверь. Саша еще раз посмотрел на часы и удивился. Кто мог прийти в такую поздноту? Он подождал. Родители почему то не всполошились и вообще никак не отреагировали. Крепко спали, наверное. А может, звонок прозвучал именно для Саши? Треньканье повторилось, и он, нехотя выбравшись из-под одеяла, побрел открывать.

— Кто там?

«Инспектор», — ответил низкий, очень солидный голос. «Пойти разбудить родителей», — мелькнула мысль. Саша тут же одернул себя: «А я что, маленький?» И открыл.

Вместо здоровенного мужчины, соответствующего такому голосу, на пороге стоял человечек в строгом костюме — ростом не больше Саши.

— Вы откуда? — растерянно спросит Токарев.

— Я с чердака, — серьезно ответил гость.

«Из ЖЭКа, — решил Саша. — Шутит». И сказал:

— Сейчас позову родителей.

Инспектор остановил его:

— Я к вам, номер двадцать три.

— Какой номер? — не понял мальчик.

— Из второй квартиры, — объяснил инспектор. — Третий

человек. Получился учетный индекс двадцать три, то есть ваш.

Он вошел в квартиру и по-хозяйски направился в Сашину комнату со словами: «Следуйте за мной». Саша пошел за ним, завороженный. Инспектор закрыл дверь комнаты, забрался с ногами на постель, затем достал откуда-то из под пиджака ворох документов и начал их просматривать Был он весь какой-то пухленький, пузатенький, словно бы и не настоящий, и вместе с тем очень уверенный, серьезный, деловитый.

— Я пришел составить протокол, — строго заметил он. — Ты мне сейчас признаешься, учетный, а я зафиксирую показания.

— Вы из милиции? — пролепетал струхнувший пионер. — Но я ничего такого… Честное слово! Я еще ничего не продавал.

Гость поморгал.

— Я с чердака. Вы не расслышали? Следите за губами: с чер-да-ка!

Саша струхнул еще больше. Бандит? С чердака…

— Вы обвиняетесь, — буднично сообщил бандит. — После подтверждения вашей вины вам грозит полный демонтаж.

— Я не виноват, — возразил Саша испуганно.

— Бездоказательно. Факты, разумеется, против вас.

Саша немного успокоился. Бандиты так себя не ведут. В журнале «Искатель» про них все написано. Бандиты говорят небрежно, скверно ругаются, растирают сапогом окурки и к тому же постоянно сплевывают.

— Нет никаких фактов! — возмутился он.

— Вам следует это доказать.

— Кто обвиняет, тот и доказывает, — сказал Токарев. Он хорошо знал, как ведется следствие. Папин друг дядя Сева рассказывал. Еще такие слова употреблял… как же это… «А-а!» — вспомнил Саша и вслух уточнил: — Презумпция невиновности.

— Не поможет, двадцать третий. Ты виновный. Я тебя сейчас обвиню и дам два дня, чтобы ты попытался оправ даться. Как и положено.

— Слушайте! — Пионер справедливо рассердился. — Что за двадцать третий, не нравится мне эта кликуха! Меня зовут Токарев!

А сам подумал: «Псих какой-то».

— Неподотчетных допускается маркировать именами собственными, — немедленно откликнулся инспектор. — Параграф сто пять хозяйственного кодекса.

— И доказывать я ничего не стану! И вообще, спать пора.

— Правильно решили, Токарев, — приветливо сказал человечек. — Доказывать вам нечего. Уверяю вас, чистосердечное признание облегчит ваш демонтаж.

И вдруг он стал заметно больше. Будто спохватившись, он тут же уменьшился и некоторое время как-то вибрировал, пока не принял прежние размеры. Саша обомлел. Гость после паузы продолжил:

— Перейдем к сути. На вас поступила вопиющая жалоба по поводу принудительного выселения части граждан, проживавших в этой квартире, в ночь с первого на второе сентября.

— Каких граждан? — удивился Саша. — Нас здесь трое.

— Позвольте, — немедленно возразил инспектор. — Здесь числится… — он засунул руку глубоко за пазуху, неловко покопался там и вытащил какую-то бумажку, — минуточку… тысяча двести семь граждан. Между прочим, такие, как вы, здесь не числятся. Вы идете по другому списку, по инвентаризационной ведомости стихийных сил. Вот, пожалуйста: человек номер один, номер два, номер три, то есть вы, кошка, кактус… «Псих, — окончательно решил Саша. — Бывают такие деловые психи, дядя Сева рассказывал».

— Часть указанных граждан, — продолжал псих, — была преступно вытеснена из своих клеток и теперь вынуждена ютиться на свалке. Жалоба поступила от них.

— Ладно, все ясно, — ухмыльнулся Саша. — Лично я никого не выгонял. Может, родители? Пойду разбужу…

Он подошел к двери и дернул за ручку. Ручка не шелохнулась. Он надавил изо всех сил. Тот же результат. Дверь было не открыть.

— Двадцать один и двадцать два не участвуют, — произнес ему в спину инспектор-псих. — А мы с вами разговор не окончили.

Саша повернулся. В нем опять шевельнулся страх. Кто сидит на его постели? Не бандит, не милиционер и не псих…

— На вас, Токарев, еще имеется справедливая анонимка, — невозмутимо продолжил странный товарищ. — Документ проверен — факты подтвердились. Установлено, что вы самовольно пользовались клетками. Теперь вы обязаны, во-первых, немедленно отказаться от применения незаконно присвоенной способности, во-вторых, отчитаться об обстоятельствах присвоения вышеуказанной способности. Можете ли вы что-нибудь ответить по существу выдвинутых обвинений?

— Я не знаю, — растерянно ответил Саша.

— Тогда вы имеете право сфабриковать доказательства своей невиновности. Срок — два дня. А теперь распишитесь в протоколе.

Инспектор протянул бумажку, которую только что заполнил. Там значилось: «Я не знаю». Таковы были Сашины показания.

Токарев повиновался. Никто никогда не просил его расписаться! Ему наконец стало интересно. Визит был явно неспроста, присутствовала какая-то тайна, и это было здорово. Очень важный вопрос встал перед ним: «Кто живет вместе с нами в квартире?» Но посетитель уже соскочил с его кровати и бодро направился к выходу.

— Ждите завтра, — сказал инспектор, выходя из квартиры. — Вы поставлены на учет. А у меня много работы.

И пошел вверх по лестнице. Ну денек! Взбудораженный, Саша вернулся в комнату, лег и…

День третий. ПРОКАЗНИК

15

…когда он проснулся, было четвертое сентября — рядовой, самый обыкновенный день. Во всяком случае, именно таким хотели бы видеть этот день Сашины родители, одноклассники и учителя. Они привычно торопились, мучительно зевали, давились завтраком, они еще ни о чем не подозревали.

Первым преподнес сюрприз кактус. Кактус с незапамятных времен рос на подоконнике в большой комнате квартиры Токаревых. Он всегда был домашним, уютным, «своим» и давно уже считался полноправным членом семьи. Точно так же, как, например, кошка Шери или младший Токарев. Но это утро кактус встретил в каком-то особенном состоянии. Он издавал звуки. Звуки были примерно такие: «Иу-у-у! Бж-ж-ж!» Это напоминало эффекты «Звездных мстителей», и Саша даже испугался, что забыл на ночь выключить электронную игру. Внешний вид растения тоже изменился. Иголки стали твердыми, блестящими, словно хромированными, и к тому же искрили. Кстати, когда Саша дотронулся до кактуса, то почувствовал покалывание электрических разрядов. Он удивился, но не очень сильно, по-настоящему удивительных событий ему и так хватало.

Далее действие переместилось в школу. Перед первым уроком состоялся неприятный разговор.

— Сашка, честное слово, я ему отдал! Ты в библиотеке был, Жаров пришел, и я отдал! Честное пионерское!

— Вы что, дураки, меня же папаня убьет! Может, еще поищете?

— Да нет! Жаров все обыскал. Вчера весь вечер плакал, говорит — выскочил за пепси-колой, туг мафон и свистнули.

— Ну, вообще… Где этот дурак-то сам?!

— На пустыре сидит, боится в школу идти. Решил, что мы с тобой его бить будем. Саня, честное слово, я ему отдал!..

Первым уроком опять была математика. Матильда опытным взглядом высмотрела синяк на лице шестиклассника Токарева и громогласно обратилась к нему:

Мало того, что ты математику не учишь, Токарев, так даже драться не научился. — А потом, посуровев, стала выпытывать: — Кто тебя ударил? Ну-ка, отвечай!

— Сам упал, — надувшись, буркнул ученик.

— Значит, испытал на себе закон всемирного тяготения, —

тонко сострила учительница. — Ладно, садись, потом с классным руководителем разберемся.

Урок продолжился. Марина и Саша не разговаривали — мириться они пока не собирались. Саша мечтательно смотрел в пространство и невнятно бормотал: «Ну, Душман, ну я в такое превращусь, ну ты запомнишь мой прямой переход…» Лена Печкина, глядя на молчащих соседей впереди себя, смекнула шестым чувством, что настало ее время. Она приступила к активному обхаживанию Саши путем щипания, подталкивания и нашептывания всякого вздора.

— О чем это ты задумался, Токарев? — снова раздалось над его ухом. Он по привычке посмотрел на Марину, но та отвернулась.

Мария Теодоровна сокрушенно произнесла:

— К доске вызывать ведь смысла нет, правда, Токарев?

— Не зна-аю… — промямлил Саша.

— Опять замечание писать? Не поможет. Что ж, давай дневник, для твоего же блага.

Учительница осквернила главный документ школьника первой «парой» и строго добавила:

— Мерецкая! А ты куда смотришь! Проследи-ка, чтобы Токарев занимался.

Марина в ответ только хмыкнула.

После урока с учительницей случилась неприятность. Неприятность настолько несуразная, что, предупреди ее заранее, она бы осадила на месте непрошеного доброжелателя. Мария Теодоровна отнесла журнал в учительскую и вернулась обратно. В классе никого не было.

— С доски не стерто… — недовольно проворчала она и плавно опустилась на свой любимый стул.

Впрочем, она ошиблась — это был вовсе не стул. Мария Теодоровна обрушилась на пол, коротко ахнув от неожиданности, затем секунду пребывала в положении, никак не соответствовавшем ее роли в обществе. И тут же взвилась, гневно озираясь. С пола поднимался испуганный Саша Токарев, приговаривая:

— Я не знал… Я только хотел шнурок завязать… Я не знал, что вы на меня сядете… У меня шнурок развязался…

Лицо учительницы на секунду стало жалким.

— Токарев! — воскликнула она и замялась, не зная, что и сказать.

— Шнурок развязался, — продолжал нудить ученик, явно собираясь захныкать, — а вы взяли и сели…

— Вытри с доски! — нашлась Мария Теодоровна. Лицо ее

задергалось, и она скомандовала, забыв предыдущий приказ: — Всем в коридор!

Остаток перемены Саша просмеялся. Даже на вопросы заинтригованного Алекса не мог ответить, только выдавливал через силу: «Всемирное тяготение… Раз закон, значит, терпите…»

На большой перемене произошел инцидент. Семиклассник, известный под кличкой Душман, стоял в укромном уголке школьного двора и курил. Он культурно отдыхал. К нему развязно подошел шестиклассник Токарев, начисто забывший, кто есть кто.

— Отдай часы, волосатый, — поигрывая желваками, попросил шестиклассник.

Душман обалдел. Даже сигарету выронил из вялых губ.

— Опять он, — сказал удивленно. — Неужели человеку одного фингала мало? Не понимаю я таких.

— Отдай часы, а то хуже будет.

— Может, пойти навстречу товарищу? — Душман принялся размышлять вслух. — Я ведь отзывчивый. Сделаю второй фингал хорошо, симметрично.

— Ты меня еще не знаешь, — предупредил дерзкий шкет.

— Почему не знаю? — озадаченно произнес Душман. — Знаю. Ноги об тебя вытирал? Вытирал. Замечательно вытер. — Посмотрел на ботинки. — А сейчас грязные. Придется повторить.

Он вздохнул, лениво подошел и так же лениво ударил. Затем хрюкнул и согнулся пополам, прижимая к животу руку. Поразительная штука! Ему показалось, что он влепил кулак в статую с веслом — вроде той, что стоит на школьном стадионе, только меньше. И попал прямо в пустой каменный глаз.

— Я предупреждал, — сказал торжествующий голосок. Никакой статуи рядом не было, только тот самый наглый щенок, и Душман разогнулся.

Щенок сказал, самодовольно сияя:

— Урод ты ушастый, а не Душман! Отдай вещь и чеши отсюда. Я ведь еще не бил. Смотри, ударю.

Это было чудовищно. Такого Душман не испытывал и в кошмарных снах. Какой-то сопляк смеет… Сопляк тем временем начал кланяться до земли, как маятник, раз, другой, третий. Душман понял, что над ним издеваются. Он озверел. И вломил без размаха, но в полную силу, как надо. Тут же полетел, врезался в землю, даже перевернулся разок. Ощущение было такое, будто его шарахнуло качелями. Если бы Душман успел что-нибудь заметить, он бы увидел, что это действительно были сильно раскачанные детские качели. Сквозь шум в голове он услышал слова: «Свои часы я взял. Вставай скорей, а то уже урок начался».

И, как в тумане, увидел удаляющуюся фигурку.

Жизнь в школе продолжалась. На третьем уроке произошел любопытный эпизод. Завхоз обнаружил в вестибюле длинную скамейку из физкультурного зала на четвертом этаже. «Хулиганов развелось», — подумал он и снял двух десятиклассников с урока, чтобы немедленно вернуть скамейку на прежнее место. Десятиклассники добросовестно исполнили порученное и вернулись на урок. Через десять минут завхоз, вновь проходя по первому этажу, убедился, что скамейка стоит на прежнем месте. Тогда он ворвался на урок и потащил их разбираться. Уже в вестибюле обнаружилось, что скамейки там нет, и красный завхоз подумал, что теперь даже кефира в рот брать не будет. Говорят, в нем тоже есть градус.

В этот день директриса улучшала материальную оснащенность школы. А именно: в ее кабинет вносились новый стол, кресла и стулья, старая же мебель справедливо распределялась по кабинетам подчиненных. Никто не заметил, что стульев внесли на один больше, чем значилось в комплекте. После этого на ближайшей перемене разыгралась настоящая драма. Из запертого кабинета директрисы доносились сочные звуки ударов и душераздирающие детские вопли такого содержания. «Я все понял! Ой, больно!.. Я больше не бу-у-уду!..» На этом фоне особенно жутким казался голос директрисы, который спокойно излагал правила поведения в школе. Всю перемену у двери метался обезумевший завуч, который тщетно стучался к своему начальству, отгонял испуганных детей и одновременно делал вид, будто ничего особенного не происходит. Когда же прозвенел звонок и дети наконец разбежались, он открыл дверь взятым у завхоза ключом. Кабинет был пуст. Работал магнитофон, прокручивая записанную для школьного радиоузла будущую речь директрисы. Естественно, без всяких воплей.

Кроме того, в школе в этот день имели место и другие происшествия, участники которых впоследствии либо ссылались на собственное переутомление, либо недобро поминали скрывающихся под школьной формой дегенератов. Например, в самом конце одной из переменок, когда уже прозвенел звонок, находившиеся в учительской педагоги вдруг обнаружили, что выход загорожен намертво застрявшим в дверном проеме гимнастическим «козлом». Учителя очень спешили, поэтому вынуждены были преодолевать спортивный снаряд, кто как умеет. Одни перелезали, другие проползали, самые энергичные— вроде учительницы пения — совершали опорный прыжок. Физкультурник устанавливал порядок, приговаривая: «Жаль,

трамплина нет». Были и еще случаи. На последней перемене Матильда, войдя в свой кабинет, споткнулась о невероятных размеров классный журнал, лежавший на полу в развернутом виде. На каждом листе было только название предмета и ее фамилия с проставленной в четверти двойкой. Дойдя до математики, гордая Мария Теодоровна заплакала… Буфетчица позорно бежала из столовой, уверяя встречных, что пирожки были вполне доброкачественные, а какой-то пионер превратился в скелет, сжимающий в зубах пирожок. Когда взбудораженная толпа ворвалась в столовую, никакого скелета, разумеется, не было. О других же маловероятных событиях остается только сказать: «Ну, ва-аще!»

Иначе говоря, Саша Токарев хорошо поразвлекался в этот день — с выдумкой, с огоньком. А потом вспомнил о Марине. Вернее, она сама о себе напомнила, когда демонстративно приняла приглашение некоего мальчика из параллельного класса покататься на спортивном велосипеде. Собственно, Саша проименовал мальчика по-другому: «одна сволочь». Они договорилась так: после уроков расходятся по домам, затем новый друг берет дома велосипед и заезжает за Мариной. Тут уж Саша все припомнил: и ее вечные подколы, и вчерашние оскорбления…

В нужное время он сел в засаду возле собственной парадной. Он видел, как некий мальчик подкатил на велосипеде, спрыгнул и весело побежал приглашать Марину. Саша, не дрогнув, пропустил «эту сволочь» мимо себя. Дальше он не медлил. Скользнул к вражескому велосипеду и спровадил его в густые кусты неподалеку. Затем с мрачной решимостью занял позицию, превратившись в точно такой же двухколесный механизм.

Марина выскочила принаряженная, в брючках. Вокруг увивался некий мальчик. Они непринужденно беседовали, и Саша подумал, стиснув зубы: «Щебечите, птички!» Однако ясную картину предательства портило то обстоятельство, что Марина почему-то встревожено озиралась, будто боялась встретить кого-то. Не Сашу ли? А затем произошло следующее. Марина оседлала мнимый велосипед и резво закрутила педалями. Некий мальчик потрусил следом, разъясняя особенности спортивных машин, но она прибавила ходу. Мальчик оставался еще где-то за домом, когда Марина, объехав кругом, подъезжала к парадной. В этот момент Саша резко мотнул головой, и руль вывернулся из ее рук. Норовистый велосипед сбросил девочку прямо в лужу, широко раскинувшуюся после ночного дождя, сам же на полной скорости въехал в кусты.

Марина, опираясь рукой о колено, тяжело поднялась на ноги

и выбралась на берег, едва не упав снова. Ее пошатывало. Лицо было залеплено грязью, у блузки белой осталась только спина, а модные брючки и вовсе напоминали одежду работника канализационной службы. Вид у нее был очень жалкий. Тут и некий мальчик подбежал. Он завизжал, мигом утратив возвышенное состояние души:

— Где велосипед, Мерецкая?

В ответ Марина заплакала. И побрела в парадную, прихрамывая.

— Где?! — крикнул мальчик вдогонку.

— Чего орешь, придурок? — сказал вылезший из кустов Токарев. — Там твой драндулет.

Ломая ветки, мальчик последовал в указанное место. Удивительно, но Саша почему-то не испытывал удовлетворения. Скорей, наоборот…

16

…я понял, что мне жалко Марину. Ей, конечно, было больно. Зря я не подумал об этом раньше. Глупая получилась месть, да и стоило ли вообще мстить? Тем более девчонке. И чего я так разобиделся? Бывало, по-всякому обзывались, а потом самим же смешно делалось. С велосипедом, кстати, сейчас мне все ясно стало. Марина тоже дура: куснуть меня хотела, позлить. А я, между прочим, и так уже злой был. Зацепила она меня вчера с этими вещами… Может, я и в самом деле поглупел? Дурацкое сочинение не мог написать. Еще летом собирался Уэллса в библиотеке взять. Рацию забросил… Но за глупость кусать нечестно.

Тихо в квартире. Первый раз не тянет что-нибудь включать. А ведь поначалу все вместе врубал — кайф ловил. Почитать, что ли? Шкаф не открывается.

И вообще как-то стыдно. Мщу, ерунду вытворяю. Кстати, вчерашний хмырек с чердака превращаться мне запретил. Словом смешным грозился — «демонтаж», я запомнил. Если он, конечно, не приснился. У меня в детстве так бывало: во сне добрался до горшка, а утром оказывается — нет… А вдруг я влип со своими шуточками? Уж больно странный был этот «пришелец». Может, действительно, я каким-то инопланетянам поперек дороги встал? Наверное, не стоило мне превращаться. Ведь чувствовал же! А удержаться не мог— все мы, Токаревы, такие, заводные. Да, мне еще доказывать надо, что я не верблюд! Инспектор явно дело шил: самовольно, мол, хапнул способность. Надо бы пораскинуть мозгами. Такие дела творятся! Что-то он там про граждан плел,

вроде бы я выселил кого-то в ночь перед вторым сентябрем. Между прочим, тогда в самом деле подозрительная ночка была. Скрипы, кряхтение, завывание из шкафа. Уж не сидел ли «гражданин» в шкафу? А потом начались заморочки: со шкафом, с красками, с пианино. Следующей ночью я в телевизор превратился. И понеслось! Сегодня утром с кактусом фигня какая-то. Может, все это друг с другом связано и что-нибудь означает?

Начала в моей голове мысль наклевываться. Я, правда, не успел понять какая, потому что меня отвлекли. Заявился Алекс с очень важным делом. Оказалось, он пришел попрощаться. Петя Жаров решил сегодня же бежать из дому — ехать на Север и зарабатывать на магнитофон, — и Алекс должен ехать вместе с ним. Дело чести. Алекс был суров, немногословен — короче, готов к испытаниям. Рукавицы попросил и еще сказал:

— Хочу с твоим папашей переговорить, про Север разузнать.

Стремный поворот! Надо же, что придумали, идиоты! Настроение мгновенно поднялось. Смех из меня рвется, я даже опух, сдерживаясь, а тут звонок в дверь, и заходит — кто бы вы думали? Лена Печкина! И сразу спрашивает:

— Получил назад свой магнитофон?

Я не стал им ничего объяснять. Зачем? Я просто пошел, включил аппарат и поставил кассету «Морды тонки». Алекс подбежал к магнитофону, выпучив глаза:

— Откуда он у тебя?

— Шутка, — говорю я и снова смеюсь.

Смотрю, Алекс в лице переменился. Посерел, будто пылью покрылся. Наверное, понял, что я их мастерски надрал. А потом, вместо того чтобы восхититься и начать выспрашивать, процедил:

— Ну ты и сволочь.

Он не стал ждать, пока я досмеюсь и объясню ему все толком, он взял и ушел, добавив вместо «пока»: «Набить бы тебе, Токарев, морду для профилактики». Я всегда знал, что Чернаго — грубый дурак.

А Лене Печкиной было так же весело, как и мне. Я, конечно, не раскрыл ей свои секреты и все такое. К тому же чувствую — настрой снова киснет. Захотел отвлечься. Музыка крутится, почему бы не потанцевать? Так прямо и сказал:

Печка, давай потанцуем.

— А целоваться не полезешь? — вдруг спросила она. И покраснела. Я даже возмутился:

— Вот еще, очень надо.

Я так и не понял, обрадовалась она или огорчилась, но танцевать мы начали. Потоптались немного, тут нам и помешали.

Пришел с работы папа. Печка сразу засмущалась, отодвинулась от меня подальше, громко попросила какие-то учебники, а когда я сказал, что нет у меня никаких учебников, она заторопилась домой. И напоследок ляпнула:

— Хорошая у тебя музыка, Токарев. Жаль, у Алекса нет такого магнитофона.

Я, конечно, не выдержал:

— Ну и дуй со своим дураком Алексом на Север!

Она похлопала глазами и убралась. Стрекоза.

Пока не пришла мама, у нас в квартире было спокойно. Мы с папой занимались «видиком», экспериментировали, записывали с телевизора всякую всячину. Я выпросил у папы еще одну кассету, он обещал купить. А мама все испортила. Ворвалась сердитая, — наверное, на работе втык получила — и тут же дневник у меня потребовала. Ясное дело, чем это закончилось. Учился я ведь всего-ничего, а уже полный набор в дневнике имею: пару-парашу схлопотал у Матильды, директриса дебильное замечание впаяла… Мама на меня наорала и прогнала делать уроки.

Я хотел вечером телек включить, так мне и этого не дали!

Ну, предки! Окончательно настрой убили, а ведь так клево день начинался. Обидно.

Уроки я, понятно, делать не стал. Вот еще! Решил родителей повоспитывать, а то все они меня — надоело… Взял полотенце и отправился в ванную, будто бы мыться. На самом деле я шутку одну придумал, рискованную, между прочим. А что? Я такой — смелый! Правда, не всем это заметно. Кроме того, мне интересно стало: смогу ли. Оказалось, могу! Разделся я, забрался в пустую ванну, лег и превратился в воду. Ощущение было довольно-таки непривычным. Впервые я почувствовал себя растекающимся, ничем не скованным, даже задремал ненадолго. А потом пришел в себя и увидел, что надо мной склонилось испуганное мамино лицо. Мама кричала, наверное, папе: «Тут только вода в ванне, а его нет!» Меня вдруг закрутило, потащило куда-то, я с ужасом понял, что мама выдернула затычку, мою голову засосало в темную дыру, и через секунду…

Ночь четвертая. НЕПОДОТЧЕТНЫЙ

17

…Саша Токарев мчался по трубе канализации в неизвестном направлении. Поначалу он струсил: ему показалось, что он вот-вот распадется на неисчислимое множество маленьких Токаревых. Он пустил в ход все имеющееся у него мастерство и немного сгустился, прекратив тем самым опасный распад. При этом едва не переусердствовал — еще чуть-чуть, и он застрял бы в трубе непонятно в каком виде.

Саша вынырнул в одном из ленинградских каналов, по счастью, не слишком далеко от дома. И, не теряя времени, осуществил обратный переход. Особенно удачным было то, что в его распоряжении оказалось полотенце, которое он случайно держал в руках во время превращения. И когда Саша добрался до берега, он обвязался этим полотенцем в определенной части тела и пошлепал домой, притворяясь индийским йогом.

Дверь открыла мама. Увидев одетого не по сезону сына, покрытого к тому же разводами мазута, она бессильно привалилась к косяку.

— Ты где был, мерзавец?!

— Мылся, — стуча зубами от холода, сказал Саша. И добавил, неловко соскребая с себя грязь: — Ма, а где мочалка?

Тут прибежали папа и кошка. Втроем они втащили Сашу в квартиру и вихрем закрутились вокруг него. Опомнился он уже в своей постели — отмытый, накормленный, пристыженный.

Перед тем как заснуть, Саша неожиданно вспомнил. Была мысль, которую отогнал приход Алекса! Очень неясная, едва осознанная мысль. И вот какая. Превращения начались с телевизора, кроме того, «отходняк» имел телевизионный характер. Видимо, это не случайно. Но почему именно телевизор? Очень просто: он уважал телевизор больше всего. Без других вещей он еще мог бы прожить, а без телека — никак. Потому-то с него все и началось…

Саша проснулся оттого, что кто-то дергал его за ухо. Он открыл глаза, успел заметить над собой нависший документ и тут же зажмурился: свет был включен.

«Распишитесь в моем приходе», — прозвучал начальственный голос.

Саша спросил, еще до конца не проснувшись:

— Сколько времени? — и приоткрыл один глаз. «Пишите: два

часа пять минут». Пухлый пальчик потыкал в бланк. «Подпись ставьте здесь».

В руке у Саши обнаружилась авторучка, и он послушно расписался, второй раз в жизни. После чего окончательно проснулся.

Это был инспектор.

— Вам что, родители открыли? — уточнил Саша.

— Неподотчетные номер двадцать один и двадцать два отключены, — объяснил ситуацию инспектор. — А дверной замок нам как-нибудь подотчетен. — В его голосе прорезалась гордость.

Затем он уверенно подошел к письменному столу и опустился на стул с таким видом, будто здесь и было его рабочее место. Отодвинул в сторону Сашино барахло, расчистив себе поле деятельности, достал неизвестно откуда кипу бумаг, набор канцелярских принадлежностей — в общем, устроился очень основательно. При этом оказался спиной к лежащему Саше, что отнюдь не помешало ему в работе.

— Двадцать третий, именующийся Токаревым, — скучно заговорил он. — Ты злостно нарушил предписание о неприменении незаконно присвоенной способности.

— Я… — Челюсть у Саши вдруг затряслась, и он заныл: — Я нечаянно… я не хотел… оно само, честное…

— Но в настоящее время, — монотонно продолжил инспектор, — этот факт не является основанием для демонтажа ввиду снятия с вас главного обвинения. Согласно существующим правилам, главное обвинение становится известным обвиняемому лишь после его снятия или во время демонтажа. Поэтому теперь могу сообщить. Вы обвинялись в нарушении первой обязанности подотчетных мне граждан: не покидать и не менять клетку. Но подозрение о том, что вы гражданин, скрывшийся из своей клетки и меняющий облик, не подтвердилось Таким образом, будучи всего лишь человеком, то есть неподотчетной стихией, вы подпадаете под действие только хозяйственного права или законов о непреодолимой силе.

При словах «хозяйственное право» Саша ощутил в животе вакуум. Почему-то пришло на ум, как хозяйственно поступают с поросятами и цыплятами. Вспомнилась худенькая куриная ножка, съеденная за обедом. Он случайно посмотрел на свою голую ногу.

Страшноватая была речь. Саша понял из нее только одно: во время прошлого разговора его почему-то посчитали не совсем человеком. Но почему? Он всегда был уверен: нужно доказывать, что ты примерный ученик, отличник или, наоборот, что ты не щенок и умеешь классно махаться. Но доказывать, что ты человек?.. И потом, как определили, что он все-таки не

сбежавший откуда-то «гражданин», а нормальный школьник? Саша потребовал разъяснений.

— Отвечаю по порядку, — сказал инспектор, по-прежнему не удостаивая подозреваемого взглядом — Первое. Поскольку вы скрывались в разных клетках, используя при этом формодержащую силу, мы сделали вывод, что вы наш гражданин Второе. На сегодняшний день все граждане зарегистрированы на своих местах, — следовательно, вы не являетесь гражданином. Кроме того, вы превращались в воду, что подтвердило вашу вопиющую нецелесообразность.

— Что такое цесо… целесообразность? — спросил Саша.

Ни папа, ни дядя Сева таких слов не употребляли.

— Это когда гражданин знает, зачем он, — объяснил инспектор. — Вот, например, зачем вы, Токарев?

Токарев открыл и закрыл рот. Очевидно, сказать ему было нечего. Инспектор снисходительно покивал:

— Конечно, вам не ответить. Вопрос «зачем вы?» имеет смысл только в случае вашего хозяйственного использования Сами по себе вы не целесообразны.

— Кто это меня использует? — слегка возмутился Саша.

— Как кто? Мы. И год от года расширяем сферу вашего применения.

Саша недоверчиво хмыкнул. Инспектор надолго затих, казалось — он о чем-то задумался О чем-то крамольном, нехорошем, — во всяком случае, взгляд его на некоторое время опасливо блуждал по комнате.

— Вообще-то, двадцать третий, общаться с вами — значит подрывать мой устойчивый моральный облик. Кто-нибудь может подумать, что я занимаюсь мистикой или разговариваю сам с собой… Все-таки жаль, что вас невозможно подвергнуть демонтажу, жаль.

— А что со мной можно сделать? — дерзко спросил Саша.

— Укротить, как разбушевавшуюся стихию, — просто ответил инспектор.

Вот теперь необходимо было съязвить. В самом деле! Приперся какой-то микроб пузатый — и корчит из себя грозного, стращает, лапшу вешает на уши!.. Но острота не состоялась: что-то шлепнуло Токарева по макушке. Это упала со стены картинка, изображающая иностранную буровую вышку, — папин подарок.

Инспектор прокомментировал:

— Например, так. А могла бы упасть и полка.

Полка с учебниками висела как раз возле кровати. Пионер осторожно посмотрел вверх и поежился. Да-а… Угроза была весома.

Инспектор встал и степенно прошелся по комнате, держа ладонь за лацканом пиджака. Кстати, нелепый у него был пиджак. Вместо пуговиц — застежки, как у портфеля. Потом он остановился, неожиданно согнулся пополам, заглянул под шкаф и снисходительно произнес:

— Приветствую. С какого числа на заслуженном отдыхе? С первого?.. Поторопились, дорогой мой, хотя воля ваша…

Саша опешил. Никого там, под шкафом, не было, кроме старого ранца, с которым еще папа ходил за двойками. Токарев забросил его туда именно первого сентября. Инспектор принял надлежащий вид.

— Значит, так, Токарев. Разговаривать мне больше не с кем. Не стоит давать лишнего повода для упреков в неупорядоченном романтизме… Но подумать только, тебя, такого бессмысленного, раздольного, зыбкого, еще обвиняли в вытеснении граждан из своих клеток!

— Это не я… — машинально отреагировал пионер.

— Да-да. Допросы пострадавших показали, что вторжение было произведено неким неопознанным гражданином.

И тут Саша задал вопрос, давно вертевшийся у него на языке. Он спросил, ощущая пробегающий по спине холодок:

— Товарищ инспектор, а кто из граждан пострадал?

В ночь с первого на второе нападению подверглись… — инспектор задумался, вспоминая, — шкаф книжный, стол письменный однотумбовый, фортепиано «Таймыр»… и так далее. Впрочем, я сейчас уточню.

Саше внезапно стало жарко. В голове его образовалась каша, и при этом он, как ни странно, все-все понимал. Отдельные разрозненные события соединились в одну цепочку.

— Как я раньше не допер! — вскричал он, подпрыгнув.

Между тем инспектор осуществлял поиск списка потерпевших, сосредоточенно шаря где-то глубоко под пиджаком. Дело это оказалось непростым. Судя по положению его руки, он уже добрался чуть ли не до спины. Даже пару застежек расстегнул. И вдруг в результате неловкого движения пиджак распахнулся. Хлынул поток бумаг и папок, но инспектор судорожно дернулся, подхватил его и мгновенно запихал обратно. Саша успел заметить, что внутри этот канцелярский работник состоит из нескольких отделений.

— Беда с застежками, — впервые смутился инспектор.

— А вы что, чемодан? — тихо спросил Саша, проверяя свое открытие.

Тот помолчал немного. Лицо его посветлело, разгладилось, губы тронуло подобие улыбки.

— Вы не поверите, но начинал я портфелем, — сказал инспектор почти растроганно. — Трудное было время. Помню себя таким свежим, пахнущим кожей, до краев набитым очень важными документами Я часто лежал на диванах, кроватях — отдыхал после напряженной работы С тех пор я люблю лежачие места. Были и тяжелые испытания Однажды во мне оказались березовый веник, соленый огурец и какая-то незнакомая мне бутылка. Наверное, это был несчастный случай. Потом меня заслуженно заметили, стали продвигать, я добился права изменяться физически и морально, и теперь я работаю на чердаке. Я теперь…

Инспектор вдруг умолк. Стал медленно разбухать, наливаясь значительностью, навис над комнатой, недобро огляделся. Комната будто вздрогнула. Затрепетали занавески, скрипнула кровать, заурчало в батареях. Саша сделал вид, что не испугался.

— У вас что, на чердаке министерство?

— Как?.. Не-ет, чердак — это… Это Чердак! Контролируем подотчетных в квартирах, учитываем проявления природных сил, осуществляем надзор — в общем, заведуем. Мне доверили сложный участок. Пока справляюсь.

Инспектор увлекся. Но от избытка информации голова у Саши давно шла кругом, и он вскоре перестал различать слова.

Интересный рассказ превратился для него в сплошной бубнеж «…А недавно демонтировали одного невменяемого. Утверждал, что граждане сделаны людьми. Бедняга! Я был против крайней меры, предлагал принудительный ремонт…» Чтобы лучше было слушать, Саша забрался под одеяло, устроился поудобнее…

День четвертый. БОЕЦ

18

…и, честно говоря, я не заметил, когда этот хмырь убрался на свой чердак. Обидно, заснул на самом интересном месте. А утром проснулся больным. Не так чтобы очень. Просто горло побаливало и все такое, — короче, вчерашнее купание в канале аукнулось. Мама вызвала врача, выдала мне антигриппин, сказала что у нее сегодня комиссия, и ушла на работу. Я доволен, в школу идти не надо.

Стал прикидывать, чем бы заняться: расследовать дальше или в «Мстителей» поиграть. Но когда увидел Шери, то понял, что дело явно принимает серьезный оборот. Кошка выкидывала странные фортели. Во-первых, она царапала когтями розетку. Во-вторых, на моих глазах она прошлась по магнитофону и наступила на клавишу включения. Заиграли мои любимые «Морды». В-третьих, она перестала двигаться, как нормальная кошка, плавно и мягко. Движения Шери теперь были резкими, как у электрической игрушки. Кроме того, она принималась время от времени мурлыкать что-то похожее на «ты такой холодный», иногда сбиваясь на «шерри шерри леди». Ошизел я слегка: не для моих нервов такие зрелища. Хотел выгнать ее на улицу проветриться, да она не пошла!

Волей-неволей, а котелком пришлось поварить по-настоящему — как я умею, если надо. Тем более ночной разговор из башки не вылазит все утро. Вот задачка! Поверить пузатому инспектору — значит самому себя в психи записать. А с другой стороны, как не поверить: что-то несусветное ведь творится! Оказывается, в нашей квартире больше тысячи граждан проживает. Вещи себя гражданами возомнили и нас ни в грош не ставят. Потому что мы, видите ли, нецелесообразные и неподотчетные. Надо же такие слова придумать! Между прочим, кто для них тела делает — то, что они клетками называют? Мы. И без наших клеток им одно место — на помойке. Они-то небось думают, что когда-то давным-давно произошли от нас, от стихий, а теперь сами по себе существуют. Да, инспектор много странного наговорил. Будто они используют нас, учитывают, ставят на службу И между прочим, это очень похоже на то. что мы сами про природу думаем. Например, включаю я утром магнитофон, протираю головку, а получается, что это он мной включился, мной почистился. Точно так же, как я считаю, что меня будит

утро и умывает вода. Мы для них силы природы вроде ветра, леса Инспектор так со мной и разговаривал, будто с морем, прямо как Пушкин мол, «прощай, свободная стихия». А вдруг и нас, людей, тоже кто-то смастерил?.. Хотя, наверное, не туда я забрел Как сказал бы инспектор, занимаюсь «мистикой и неупорядоченным романтизмом». В общем, они уверены, что с нашей помощью двигаются, чинятся, ломаются, — короче, мы работаем на них, а не наоборот. Неужели это правда? С точки зрения вещей — правда. Надо же! Действительно ведь, многое из того, что мы делаем, с самого начала вызвано вещами и предназначено для них. А мы еще кричим на каждом углу, как мы свободны и разумны! Смех один. И при этом думаем, что, кроме нас, некому больше думать. В свою очередь, и вещи знают как дважды два: люди не могут думать или иметь хоть какие-то собственные цели. Кстати, в самом деле: какие у нас цели кроме делания вещей?

Кажется, на папином дне рождения дядя Сева объяснял что-то в этом духе, про какие-то три мира. Сидел, развалясь, положив локоть в тарелку с холодцом, и вещал, прикрыв глаза ладонью. Дескать, есть мир природы, мир людей и искусственный мир. Природа создала людей, которые сказали, что они ее венец, а люди создали вещи, и выходит, что вещи — венец людей. Каждый следующий мир пытается подчинить предыдущий, вместо того, чтобы слушаться, как дети взрослых, и учиться уму-разуму. Так говорил дядя Сева, а я внимания не обращал, и мама смеялась, пальцем у виска крутила.

Да, глупость и неправду пишут в книжках «НФ». Ищут повсюду цивилизации: и в космосе, и в океане, и даже под землей. А на самом деле другая цивилизация благополучно в наших квартирах устроилась, только никто об этом не знает, кроме меня. Короче, тайна раскрыта. Ладно, это все наука, ученые когда-нибудь наверняка разберутся. Хотя, если я расскажу им, меня точно в дурдом засадят. И вообще рассуждать мне особенно некогда, того и гляди, жареным запахнет. Какое-то у меня смутное предчувствие, будто вокруг нас, «неподотчетных граждан», кольцо сжимается. Сначала приличные вещи — книжный шкаф там, пианино — из квартиры вытурили, одни дохлые тела оставили. Ни почитать теперь, ни поиграть Потом старичок кактус вдруг задурил. Теперь кошка… Или в них тоже кто-то влез? Да, инспектор ведь так и сказал! Завелись, мол, у нас в квартире гады — из ихних, из граждан, которые своих же вытесняют. Так, может, и за наших «неподотчетных» взялись? Между прочим, я-то сам…

Меня осенило. Это было как взрыв. Кто-то позапрошлой ночью засадил меня в клетку и еще лез туда вдобавок, а утром

выяснилось, что я просто в телевизор превратился. Кто мог такое подстроить? Уж не сам ли телевизор? Кроме него, некому. Значит, он и есть тот гад.

Я понял, что пришла пора действовать. От волнения у меня даже башка зачесалась. Я на цыпочках подкрался к большой комнате и заглянул в нее. Не было никаких признаков заговора, вещи совсем не казались живыми, а уж гражданами и подавно. Не знаю, впрочем, что я ожидал увидеть. Вошел и огляделся по сторонам, пробормотав: «Затаились, уроды целесообразные?» Сказал и подумал: а вдруг телевизор в самом деле не один? В любом случае надо разобраться. Как это у них принято — допросить с пристрастием. Пусть оправдывается, пусть доказывает! Я с опаской включил телевизор и сел перед ним. На экране появилась обычная в это время сетка. Ну и что дальше? Я стал отрывистым голосом задавать вопросы, как в фильмах про шпионов, а когда перешел на крик, то понял, что со стороны выгляжу очень глупо. Не получался разговор по-мужски или хотя бы по-человечески… Тут сообразил: человек с человеком-то не всегда поговорить может! А с телевизором — вообще безнадега. Ясное дело, надо самому становиться телевизором.

Телевизионная сетка вдруг рябью пошла — знак, что ли? Или случайное совпадение? Ладно, там разберемся. Не успел я даже сосредоточиться, как произошел прямой переход. Вначале ничего не изменилось: стоим мы, два телевизора, друг напротив друга и снова никакого общения. Хотел уж распрямиться обратно в человека, но слышу — вроде подсказывает кто-то: «Смотри изнутри вовнутрь!» Как это? Я удивился. Куда надо смотреть? Подумал и усек: изнутри себя — вовнутрь вещи. Не знаю, что я там сделал, всмотрелся как-нибудь по-особенному или действительно «изнутри» взглянул, — во всяком случае я увидел вокруг себя совсем другой мир. Все цвета исчезли, звуки тоже. От вещей остались только контуры, сильно смахивающие на клетки самых разных форм и размеров, внутри которых что-то неторопливо колыхалось. Как мы пообщались с телевизором — не знаю, по крайней мере, без слов. Странно, что раньше, когда я превращался в вещи, такого мира не замечал. Наверное, плохо смотрел. В общем, мы имели с телевизором разговор на высшем уровне, и в результате выяснилось следующее.

Телевизор, оказывается, любит людей. Долгое время он был одинок в своей любви, потому что другие граждане не понимали его. Они пренебрегали людьми, считали их беспорядочно снующими сгустками бессмысленности, годными только для поверхностной эксплуатации. Этим твердолобым гражданам все было ясно. Ихние ученые давно вывели законы движения людей,

даже наука есть такая: физика бессмысленных тел. Основных законов три. Первый: когда на человека не действуют никакие целесообразные силы, он спит или продолжает делать по инерции то, что делал до этого. Второй: полезность человека равна упорядоченности приложенных к нему целесообразных сил. Третий: действие одного человека вызывает противодействие другого. Косные старики: твердя о почитании законов, не придавали должного значения второму закону. И только отдельные представители прогрессивной молодежи, глубоко изучившие теорию, верили: люди не так необузданны, надо просто помочь им обрести целесообразность. То есть они хотели дать людям счастье. А счастье возможно только при постоянном, а не временном использовании, и даже не использовании, а непрерывном союзе, когда люди будут окончательно вытащены из мрачного хаоса в светлое царство порядка. Сейчас же, к сожалению, люди слишком часто остаются предоставленными сами себе. Телевизор долго вынашивал мечту, но она так бы и осталась мечтой, если бы совсем недавно не появились у него товарищи, единомышленники. Сплотившись, они образовали маленькую, но — Систему. Телевизор употребил это слово с каким-то особенным волнением, даже трепетом. Только став Системой, они смогли осознать свой долг. Я, Саша Токарев, здорово помог тем, что бесперебойно снабжал ее необходимой энергией. Это был новый вид энергии, непохожий на прежние, раньше такой чудесной, сильной энергии телевизор от меня не получал.

В ночь на второе сентября телевизор с друзьями провел первое испытание. Были опробованы приемы непосредственного воздействия на объекты и попутно изгнаны из квартиры наиболее отсталые граждане, откровенно вредящие всему новому, передовому. На следующую ночь они пытались дать мне целесообразность, «упорядочить» меня, чтобы я пробудился и ответил, зачем я. Для эксперимента было выбрано ночное время, так как люди в этот период не подвержены тепловому движению. Но эксперимент не удался. Вместо того чтобы научиться порядку, я отчего-то превратился в телевизор… Оказывается, той ночью в меня порядок запихивали! Кошмарики… После этого группа благодетелей поняла, что надо еще потренироваться на малых хаотических объектах. Чем они и занялись — с кактусом, а сегодня с кошкой. Успешно, между прочим. Наша Шерочка и кактус теперь здорово упорядочены. Неожиданным результатом эксперимента стало то, что я научился принимать вид полноценного гражданина, упорядочиваясь постепенно. То есть я стал не только источником энергии, но и настоящим соратником.

И теперь я должен очень ответственно отнестись к своей роли в их группе, потому что моя энергия питает все — не только их эксперименты, но и мою собственную способность превращаться. А Система с моей помощью получает возможность упорядочивать людей… Вообще-то, телевизор паршиво объяснял, не то что наша Матильда. А под конец и вовсе зациклился, когда стал рассказывать, почему он в Системе за центрового. Заладил одно: самый большой, самый сложный, самый тяжелый, самый энергоемкий…

Когда я обратно превратился, то эту речугу даже записал человеческими словами, чтобы не забыть. Ну, чистая фантастика! Похлеще Кира Булычева будет. Зато теперь-то все понял. Козел я и раззява! Урод ушастый. Радовался вещам, обхаживал их, уважал, как самого себя, а они под шумок вон что вытворяют! Какую-то энергию из меня качают, собираются чему-то там нас учить… А их целесообразность мне даром не нужна! Сам вижу: Шери и кактус так упорядочены, что плюнуть противно. Стыдно мне и обидно, и даже злость неизвестно на кого появилась — то ли на себя, то ли на группу этих благодетелей. И льстят они что-то больно подозрительно. Ничего не скажешь, опасная компания, и даже не компания, а банда какая-то, фашисты электронные.

Короче, я решил. Бесповоротно решил. Пора завязывать — самому исправляться и банду разгонять. Неужели я действительно ничего сам по себе не стою? Придумал так: раздам на время вещички. Потом, конечно, заберу назад, через месячишко. И аппаратуру временно разъединю, и себя проверю, и вину перед друзьями искуплю. Родители, конечно, по головке не погладят. Зато первый раз в жизни поступлю, как в книжках про пионеров написано. Значит, Пете Жарову отнесу мафон, игру — Алексу, часы Печкиной дам поносить, и пластинки ей же, а Марине ничего не надо: она слишком правильная.

Я поднатужусь и сочинение ей накатаю. Сделаю все это сейчас, пока ребята в школе. Бабушкам отнесу и оставлю. Они домой вернутся — тут и приятная неожиданность. А с телевизором разберусь по-простому — сниму заднюю крышку и вытяну из гнезд пару электронных ламп. Устрою мелкую диверсию. Авось поймет, где его место и кто тут хозяин. И «видик» без телевизора заткнется: показывать-то негде будет… Самочувствие, правда, не ахти. Ничего, ребята близко живут, не свалюсь по дороге. А когда болеешь, говорят, полезно потеть. Начну с Барабана, он больше других пострадал.

Взял я магнитофон, вижу — туго придется. Как Петька его (то есть меня) пер? Дотащил до входной двери, стал открывать и вначале ничего не понял. Замок сломался, что ли? Повозился я,

подергался — ни в какую. И тут до меня дошло. Происки банды! Запереть, значит, меня решили. Так я и через окно могу выйти, не гордый! Не зря же на первом этаже живу? С магнитофоном повременю, возьму электронную игру — и к Алексу.

Рама тоже не открывалась, щеколду заело. Ну знаете, это слишком! Стекло бить? А что, и разобью, подумаешь! Вот возьму сейчас статуэтку орла, она как раз на пианино стоит — тяжелая бронзовая… Не успел я стекло шарахнуть. Замахнулся бронзовой птицей — и тут же выронил ее от боли. Смотрю, в руке у меня иголка торчит. Тут еще пара иголок мимо головы пролетела и звуки космические раздались. Кактус! Колючками пуляет, предатель! Не стал я ждать, пока он в меня снова попадет. Бросился на пол и выполз в коридор. Ишь ты, снайпер в горшке! Знаю я, кто тебя стрельбе со звуками обучил. И вообще, за кого они меня принимают? Я ведь стесняться не стану, быстренько отвешу, молоток только возьму, а если он тоже возникать начнет, я и ногой могу.

Я вытащил иголку — глубоко вошла, зараза. Потом бросился в свою комнату за ватным одеялом. Думаю, накроюсь им, подберусь, как в танке, и обезврежу кактус. Но только я полез в тумбочку, как рухнула полка с учебниками. Чудом не накрыла меня! Я отскочил, сердце колотится. Еще чуть-чуть, и пришибла бы на месте! Предупреждал ведь инспектор: они и укротить могут, а потом скажут — стихия разбушевалась… Схватил я одеяло, — кстати, чтобы открыть тумбочку, мне пришлось помочь себе ногой, — затем занял исходную позицию в коридоре. Накрылся с головой и двинулся на четвереньках в большую комнату. Я собирался добраться до подоконника и перекинуть одеяло с себя на кактус. Обезврежу вражеский дот, а там и за вещи примусь. Но смелая атака захлебнулась, потому что на меня прыгнула какая-то тварь. Это было так неожиданно и так страшно, что я даже заорал. И почувствовал, как трещит под когтями моя тряпочная броня. Я извернулся, поймал тварь в одеяло и выбежал обратно. При этом получил две иголки: в плечо и в ногу. Больно…

В коридоре я понял, что тварь, молча рвущаяся из плена, — это Шери. Все верно, они ведь и нашу кошку обработали! Держу в руках трепыхающееся одеяло и смеюсь почему-то — ну дурак дураком. Разве можно в такое поверить? Чтобы Шери, такая привычная, такая домашняя…

Ударить я ее не мог. Оставалось только засунуть подлую куда-нибудь. Стенной шкаф было не открыть, а с дверью ванной я и связываться не стал. Кухня?.. Пока бежал на кухню, с антресолей на меня обрушилось все барахло — дверцы

«случайно» раскрылись. Но я только зубы стиснул. И затолкал кошку вместе с одеялом в бак для грязного белья. После чего решил заканчивать эту неприличную войну с собственным имуществом.

Я надел папин тулуп, ушанку и рукавицы. Вешалка, ясное дело, сорвалась, но меня это особенно не удивило. И вступил в большую комнату, пятясь задом. Я твердо намеревался приблизиться таким образом к кактусу, взять горшок рукавицей и запустить им в окно. Но я кое-что не учел. Иголка отскочила рикошетом от внезапно открывшейся дверцы серванта и попала мне в щеку. Тут во мне проснулось что-то зверское. Никогда такой злости не испытывал, довели они меня. Заметил под ногой бронзового орла, схватил его и с размаху вмазал по электронной игре.

Война сразу окончилась. Кактус перестал стрелять, и вообще я почувствовал, что напряжение в квартире упало, хотя внешне ничего не изменилось. Видно, банда поняла, что лучше не рисковать. Я подошел к окну, без помех открыл раму и выбросил кактус на улицу. Рассчитался с предателем. Настала очередь Шери — ее я выгнал на лестницу. Потом опустился на пол прямо посреди разгромленной квартиры и попытался успокоиться. У меня даже колени дрожали. Посмотрел я на то, что осталось от игры: на покореженный корпус, на пластмассовый мусор, — в хлам разбита… И во мне шевельнулось что то похожее на жалость. Неожиданно пришла в голову мысль, такая четкая и правильная, что я даже повторил ее пару раз…

19

…«Началось все с любви», — подумал Саша. Он сидел на подоконнике и рассеянно смотрел на улицу. «Я еще в лагере вещи полюбил, даже не видя. Наверняка это и есть та самая энергия, про которую телек говорил… А теперь крушить их начал». Ясное дело, убийство игры было оправдано: самозащита и так далее, — но все равно это, можно сказать, примитивщина. А раздавать вещи — глупее не придумать, потому что так ты только подтверждаешь свою слабость.

«Вещи нужно подчинить, — вдруг подумал он. — Но как?»

Рассуждать можно о чем угодно, а вот пропала ли способность превращаться? Саша первым делом проверил свой дар. Ничего не получилось, и он, конечно, немного огорчился. А с другой стороны — успокоился: не будет теперь соблазна пользоваться чуждыми человеку силами ради мелких пакостей. И банда, наверное, осталась ни с чем: Саша ведь лишил их энергии.

Правда, смутное ощущение опасности осталось. Не может быть, чтобы все так просто закончилось! И вообще, каким образом вещи собрались Сашу упорядочить?

Он сидел на подоконнике и пытался вникнуть в замысел вещей. Он долго так сидел, а потом к нему пришли друзья. Собственно, вместе с друзьями пришел к себе домой и Саша, потому что ему неожиданно пришлось выскочить на улицу Дело было так: он на секунду оторвался от тяжких раздумий и заметил, что какой-то бритоголовый в форме пэтэушника пнул попавшуюся ему на пути детскую коляску, за которой, очевидно, никто не приглядывал. Коляска покатилась в сторону дороги. Саша рванул оконную раму, выпрыгнул в чем был и бросился спасать ребенка. Коляска была пустая, но зато этот поступок увидела Марина. Она как раз подходила к дому вместе с Алексом. Марина так посмотрела!.. Короче, уважительно Выяснилось, что Алекс шел к Токареву с официальным заявлением, а Марина решила поприсутствовать, чтобы не было «заводки» и «махача». Она сказала: «Кулаки — это не аргументы», — наверное, где-то вычитала. Но Токарев повел себя на удивление непринужденно, и Алекс должен был поздороваться. А когда друзья зашли к Саше в квартиру, все обиды улетучились окончательно.

Последние школьные новости были сообщены еще на улице. Петя Жаров купил у одного старшеклассника два билета, отдав все сбережения. На билетах было четко написано фломастером: «Ленинград — Север», но Алекс ехать отказался, поэтому билеты пропали. Матильда почему-то избегала садиться на стул и спрашивала урок, взгромоздившись на подоконник. Душман передавал привет Токареву, справлялся, не забыл ли тот, что второго сентября ему были отданы по ошибке часы марки «Закат», и вежливо просил вернуть их, когда Саше будет удобно. Взамен предлагал фотографию дуэта «Морды тонки». И вообще в школе ходило множество нелепых слухов про каких-то двух десятиклассников, которые украли из медпункта телевизор и обменяли его у завхоза на гимнастический «козел», и про директрису, которая весь день зверски пытала в своем кабинете неизвестного школьника. А самые проницательные подметили, что новый скелет в кабинете биологии подозрительно похож на одного ученика шестого класса.

После всего случившегося в квартире, конечно, был беспорядок, но гости культурненько не обратили на это никакого внимания. Алекс первым делом подбежал к игре и… Он расстроился. Он даже загрустил. Очень загрустил. Никто и никогда не видел на лице у Алекса такого отчаяния. И Саша, чтобы утешить друга, был вынужден рассказать всю историю от

начала до конца. Почему бы, в самом деле, не рассказать? На душе полегчает, а то, что не поверят, — так это, наверное, к лучшему. Марина, естественно, не поверила, но обрадовалась.

— Ну ты заврался, — сказала она с долгожданным восхищением. — Я уж думала — ты совсем сдох.

И еще добавила, что имей она такую способность, то превратилась бы в мамину сумочку, чтобы мама всегда ее носила с собой. Алекс в свою очередь размечтался он бы заделался журналом «Рыболов-спортсмен» и папа его изучал бы весь месяц. Вообще, Алекс отнесся к услышанному вполне серьезно. Он очень сокрушался о том, что такое ценное умение досталось не ему, растрачено по-дебильски (забыть подкол с магнитофоном было трудно) и к тому же бесследно пропало. Кстати, единственное, в чем Токарев не признался, было то, что именно он сбросит Марину в лужу. Не решился при Алексе. Отложил до более подходящего случая. Затем Алекс пристал к Саше с требованием, чтобы тот показал ему подробно, как нужно сворачиваться. Вдруг у Алекса получится? Какое-то время они спорили, потом Саша со вздохом: «Достал ты меня» — приступил к показу. И… Марина взвизгнула. Чернаго раз десять повторил: «Токарь, ты где?»

Это было так, как будто, прогуливаясь по Невскому, он провалился в люк. Опять? Неужели опять в нем появилась зловредная энергия? На мгновение перехватило дыхание Или кто-то другой теперь является источником? Алекс… Нет, не может быть. Алекс еще вчера хотел на Север ехать. Хотя, с другой стороны, он сразу зауважал вещи Токарева… Одно было ясно эксперимент продолжается, и Саша вдруг ощутил усталость. Не ожидал он такого свинства. Совершенно был не готов И даже вид обалдевшей Марины не развеселил его.

Друзья долго просили показать фокус еще раз. Но в конце концов убрались, потому что пришла мама и выпроводила их без особых церемоний. Мама вернулась слишком рано, она отпросилась с работы ввиду болезни ребенка. К ее удивлению, переходящему в возмущение, ребенок не лежал смирно в кроватке, а вместе с товарищами перекрутил полквартиры и был, по всем признакам, здоров. Конечно, радость от выздоровления дорогого чада превысила раздражение, и мама, поругиваясь, стала наводить порядок.

Потом у Токаревых был врач, пристыдивший родительницу за ложный вызов.

А когда пришел папа, относительное затишье кончилось. В квартире начало штормить. Папа долго искал вешалку, споткнулся о барахло, упавшее с антресолей, начал постепенно роптать и, наконец, обнаружил разбитую игру. Дальше

разыгралась сцена, в которой он солировал. Крики сменялись вопросами и наоборот. Близился занавес, папа принялся искать ремень. Но тут вступила мама, исполнив успокаивающую арию, и порка была отменена. Родители заперлись в спальне, самозабвенно споря о чем-то. Наверное, о методах воспитания трудных шестиклассников. Саша был отправлен в свою комнату до вынесения приговора, и именно в это время…

Вечер последний. ГЕРОЙ

20

…пришел новый гость. Точнее, гость уже присутствовал в Сашиной комнате. Конечно же, это был инспектор. Он расположился на кровати и, судя по всему, немного отвлекся, потому что, когда Саша потряс его за плечо, встрепенулся и замахал руками, бормоча: «А?.. Что?.. Позвольте… Только в письменной…» В самом деле, бывший портфель с юных лет предпочитал лежачие места. Его взгляд вскоре прояснился, и он сухо сообщил:

— Незаконно вытесненные граждане возвращены в свои клетки. По факту чего оформлен соответствующий акт.

Взъерошенный Саша не очень обрадовался визиту. Даже «здрасте» не сказал. И тем более не поинтересовался, как гость попал сюда. Молча уселся рядом с ним на кровати, а в голове его шевельнулась безразличная мысль: «Теперь шкаф откроется. Дождался Алекс свою „НФ“». Потом все же едко сказал:

— Мне-то что до ваших граждан! Я буйная стихия, чего со мной лясы точить?

— Буду откровенен, Токарев, — твердо ответил инспектор. — В вашем случае я имею дело с новым явлением. Вы притворялись гражданином, некоторое время укрывались в полноценных клетках, причем собственных. Значит, вы Вы — оборотень! Порядок взаимоотношений с вами, как с новым явлением, не определен никакими инструкциями, отсутствуют нормы учета, правила эксплуатации. Это страшно. Дело требует разбирательства, но я даже не знаю, обвинить вас или укротить на месте.

Саша с достоинством возразил:

— Я тут ни при чем. Это они виноваты, они! Я их всех расколол. Он сам признался.

— Кто? — сразу спросил инспектор, показав служебною хватку.

Саша пошел в атаку. Он был беспощаден и непримирим Он заклеймил позором и окончательно разоблачил банду шестерых, возглавляемую телеприемником первого класса. Во всяком случае, ему так показалось. Инспектор хмуро выслушал и сказал, кивнув:

— Да, похоже на правду… Это людисты, сплотившиеся в Систему. Я предполагал… — Он вдруг начал теребить замочки на

пиджаке. Наверное, занервничал.

Саша спросил его в лоб:

— Почему я превратился в телевизор?

— Дело в формодержащей силе…

Саша нетерпеливо перебил:

— А при чем тут форма?

— При том, Токарев, при том. Благодаря этой силе граждане получают и удерживают форму, ведь право на форму имеет каждый гражданин. Когда форма окончательно упорядочивается, становясь устойчивой клеткой, гражданин достигает подотчетности. В данном случае получилось так. Телевизор пытался вытеснить тебя из твоей неустойчивой зыбкой формы, чтобы войти в нее самому и пользоваться ее могучей энергией Но он не учел, что подействует своей формодержащей силой. Вот и стала твоя форма похожа на его клетку. Тем самым эксперимент был сорван, а ты запомнил процедуру упорядочивания.

Инспектор удовлетворенно окинул взглядом публику, состоящую из одного зрителя. В нем явно пропадал талант лектора общества «Знание». Впрочем, зритель не собирался оценивать его мастерство, он спросил, заикаясь от волнения:

— Зачем телек меня вытеснял?

— Чтобы наполнить тебя собственной целесообразностью, — без запинки ответил инспектор. И пока Саша переваривал эту дикую информацию, поспешил внести ясность: — Подлинно зрелые граждане считают подобную деятельность аморальной. Имеется в виду деятельность той безответственной молодежи, которая, как ни странно это звучит, любит людей. Эти максималисты еще упаковки не сбросили, а уже вознамерились передать людям достоинство и значимость истинного гражданина. Естественно, тем самым принижая себя до уровня этих беспорядочных сгустков вещества. Такие юнцы называют себя «системными», но добропорядочные граждане нелестно именуют их «людистами», а указанную деятельность — «людизмом»…

— Да подождите вы! — перебил его Саша, возбужденный до крайности. — Они что, хотели в меня вселиться? Да? Так это же преступление похуже… Хуже, чем на контрольной не дать списать!

— Это не преступление, — невозмутимо возразил инспектор. — В данном случае уголовно наказуемо только незаконное вытеснение граждан. И наказанием, если оно будет вынесено, никак не может быть демонтаж. Тем более что их болтовня увлекла и некоторых уважаемых граждан. Они завлекают сказками об объединении в одну большую Систему,

для чего людей, как основную помеху, тоже нужно охватить Системой.

— Значит, вы собираетесь нас всех упорядочить?! — заорал пионер. — Как Шери, что ли? Испоганили животное!

Инспектор миролюбиво улыбнулся.

— Знали бы вы, как нам, хозяйственникам, надоели эти промасленные крикуны и выскочки. Придумали же себе девиз: «Не следует ждать любви от людей, взять ее — наша задача!» Недоучки! Они даже не представляют, как можно управлять такой махиной, так что, уверяю вас, никаких правительственных документов на этот счет не существует.

Саша немного успокоился.

— Думаете, вы первые такие умные? — сказал он веско. — Мы тоже природу покоряем. А теперь в заливе не искупаешься и дети дурачками рождаются! Вот хотя бы Душман из нашей школы… Между прочим, вашей Системе первой хуже будет! Если всех людей упорядочить, вы зачахнете, неужели непонятно? Раньше у вас, например, какой был срок службы? А теперь?..

— Да, да, — с готовностью откликнулся инспектор, — раньше хорошо было. Жили долго, целесообразности не теряли. А нынче молодых, горячих это вовсе не интересует, они через каждые два года меняются. Для них главное, чтобы Система жила.

Наступила пауза. Саша не знал больше, что спрашивать, все было сказано. На всякий случай он решил уточнить:

— Значит, мой телевизор — главарь у людистов?

Если по-честному, такая мысль доставляла ему некоторое удовольствие. Инспектор отмахнулся.

— Компания в этой квартире — мелочь, системка. Руки до них как-то не доходили. Хотя за ними есть кое-кто повыше. — Его лицо неожиданно стало жестким, замкнутым. — Но теперь я ими займусь.

— Александр! — вдруг раздался зычный папин голос. — Ну-ка иди сюда, паршивец!

Разговор закончился. Саша растерянно посмотрел на инспектора, пробормотал: «Я сейчас» — и отправился к родителям. Он был слегка оглушен новыми обстоятельствами дела. Вернее, не слегка, а весьма. У него даже в ушах стучало.

В напряженной тишине родительской спальни прозвучали грозные слова: «Запрещается смотреть телевизор и видеомагнитофон, а также включать кассетник и проигрыватель. Не только сегодня, но и завтра…» Саша молча выслушал приговор и вернулся обратно.

Окно было распахнуто настежь. Он подбежал, перегнулся через подоконник. Внизу, на асфальте, лежал портфель. Лучше

сказать — то, что было когда-то портфелем. Лопнувший по швам, с выдранными замками, с многочисленными резаными и колотыми ранами. «Это инспектор», — вдруг сообразил Саша На глаза у него навернулись слезы. «Точно!» Изумленный, он смотрел вниз. Что тут произошло? Несчастный случай?

Инспектора было жалко. В общем, неплохой дядька, душевный. Вот только должность его портит: во все вмешивается, заставляет оправдываться, пристает по пустякам. А теперь… Вид изувеченного портфеля был ужасен. Ничего не скажешь, умелая работа. Создавалось впечатление, будто в инспектора силой пихали что-то большое, массивное, с острыми углами. И он не выдержал. Лопнул… Саша похолодел от страшной догадки. Его убили! Это расправа! Системщики поняли, что засветились, и решили остановить зануду…

Под окном неожиданно появилась дворничиха. Она завопила:

— Ты че портфелями бросаешься! Не видишь, помойка рядом! Ишь, барин, подбирай тут за ним!

Она взяла тело погибшего гражданина и понесла его к мусорному баку, вдохновенно осуждая нынешнюю молодежь.

Саша завопил:

— Подождите! Это инспектор!

Но дворничиха уже решительно подошла к месту и, не колеблясь, завершила печальную церемонию. Все было кончено.

Саша закрыл окно. Тут на глаза ему попался мятый клочок бумаги, валявшийся на подоконнике. Он развернул ею.

«ВОПРОС: Вы признаете себя виновным?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС: Значит, вы пока отказываетесь признать себя виновным?

ОТВЕТ: Но я же не виноват!

ВОПРОС: Потому до сих пор и отказываетесь?

ОТВЕТ: А что мне за это будет?»

Очевидно, это были обрывки протокола чьего-то допроса. Вот и все, что осталось от бюрократа. Вот и все.

Жалко.

Саша упал на кровать и замер. Через некоторое время мама просунула в дверь голову и сказала:

— Сашуля, мы с папой идем к дяде Севе, у него день рождения. — И шепотом добавила: — Да не грусти ты так. Папа у дяди Севы быстро оттает.

«Не вздумай включить телевизор!» — донеслось из прихожей серьезное папино предупреждение.

И родители ушли.

«Действительно, — подумал Саша, — у дяди Севы сегодня день рождения». Он лежал ничком на кровати и в очередной раз все-все понимал. Ему было даже слегка не по себе. Впрочем, ощущалась и смутная гордость: еще бы, расколол такую задачку!..

«Цель банды вещей — приручить меня, ну и, конечно, всех нас. Они собрались сделать из нас заводных дурачков, которые будут с утра до вечера работать на них. И главное — любая классная вещь может стать этим самым „людистом“, то есть ответить любовью на любовь, если человек даст ей свою энергию. Вот в чем ужас. Они все не плохие и не хорошие, они целесообразные, и поэтому непонятно, с кем, собственно, нужно бороться. Так и прокукуешь всю жизнь в клетке.

Похоже, Хлумов уже приручен. Правда, он нисколько не расстроен этим. Во многом он лопух и останется им навечно, но… Хлумов прекрасно знает, где что продается и в какую цену. Он считает в уме, урча от удовольствия, причем намного быстрее Матильды, в особенности любит считать доходы. А как он владеет игрой „Монополия“! Все шестиклассники увлечены „Монополией“, но Хлумова теперь победить невозможно. В глазах его частенько прыгают цифры — так же, как на экране компьютера. А некий мальчик со спортивным велосипедом? Может, и он тоже? А Алекс, который потихоньку завидует? А другие шестиклассники, с их „шузами“, майками, нашлепками?»

Примерно такие странные вопросы бродили в голове у Саши Токарева. Когда же они ему надоели, вдруг возник новый вопрос, куда более насущный. Что будет дальше? Здесь, в этой квартире?

Он вскочил. Он ужаснулся.

Папа в последнее время здорово изменился. Появилась в нем какая-то новая энергия — страшно знакомая. Как папа теперь смотрит на «видик»! Примерно так он раньше смотрел на маму… Цепочка ясно видна. Сначала шкаф с пианино, потом Саша, кактус, Шери… И если эксперимент продолжается, то этой ночью — очередь за папой. Система упорядочит его! А потом? Каждый вечер мама пилит папу за то, что он купил электронный хлам вместо настоящих вещей. Ведь ей позарез нужно кожаное пальто. Зачахнет она без пальто, и все тут. Папа уже обещал напрячься и купить.

Саша заметался. Надо было что-то делать. Немедленно. Бежать на чердак, звонить дяде Севе, смываться из дому?.. Потом немного успокоился. «Спасу родителей, — твердо сказал он себе. — Но как? Раздолбать вдребезги всю банду? Купят новую, а меня отправят на заслуженный отдых — в интернат для дефективных. Попробовать победить распоясавшееся железо? Сумею, наверное. Ведь я его уже ни капельки не люблю… Кстати,

насколько меня успели упорядочить? Смог же я разговаривать с портфелем, пообщался с Системой в моей квартире…»

Откровенно говоря, Саша Токарев был в отчаянии. Ни в чем он не был уверен, потому что имел очень слабое представление о том, как побеждают вещи. В груди стало холодно и тесно — от понимания собственной слабости. Может, все-таки отдать Алексу что-нибудь? Да нет, папа тут же заберет обратно…

План действия родился сразу. Странный это был план, непродуманный, болезненный. Да и приводил ли он хоть к какому-нибудь результату? Неизвестно. Во всяком случае, план предполагал четкие действия, а когда есть возможность действовать, исчезают и слабость, и отчаяние.

Саша сделал следующее. Включил телевизор, нашел по одной из программ весьма скучную, но познавательную передачу «Вечер в Эрмитаже», в которой давался очень важный материал по залам № 217–221, и поставил видеомагнитофон на запись. При этом он стирал классные мультфильмы. Затем установил на проигрыватель пластинку для изучающих английский язык — из комплекта «Повторяй за нами». И стал записывать ее прямо на кассету с песнями «Морды тонки». Ему было жалко, невыносимо жалко, но он терпел. Ему хотелось остановить эту пытку, но он держался. Рушилось то, к чему он успел так привязаться.

Саша лег на кровать и попробовал думать о том, как усядется сейчас за пианино, сыграет «собачий вальс». Или как достанет книжку из шкафа: стекла-то двигаются. А завтра пойдет обследовать чердак, чтобы не дать этой истории закончиться так просто. Но милые сценки почему-то плохо представлялись ему, и тогда шестиклассник Александр Токарев заплакал.

Он повторял сквозь слезы, наверное, чтобы успокоиться…

21

…«Пусть пленка крутится. Пусть все сотрется. Пусть». И тут я заметил, что индикатор записи не горит. Значит, и запись не идет? Но я же включал! Честное пионерское! Я же включал!..

Программируемый мальчик

Пролог
КОНЕЦ СЕНТЯБРЯ

Обычный день боевых действий.

Проваливаются под ногой канализационные люки, падают на голову стрелы автокранов, лопаются кинескопы, отваливаются ножки у стульев. Растут потери. Убитых выбрасывают на помойку, раненым оказывают медицинскую помощь: одним подпаивают контакты, другим наклеивают пластыри. В мусорное ведро летит изодранная одежда. Война…

В магазин игрушек скромно вошел мальчик. На щеке — свежая ссадина. А в остальном — совершенно неотличимый от сотен других мальчиков, посещающих это одно из лучших мест на свете. Сначала он направился в уголок, где пищали, визжали, ухали игральные автоматы. Встал перед «Морским боем» и в упор посмотрел на размалеванный, кричащий огнями ящик. Руки мальчика были опущены вниз, но кулаки сжаты. Они начали вибрировать, сильнее и сильнее. Тут случилось несчастье. Бешено замелькали цифры счетчика потопленных кораблей и выпущенных торпед, в окошечках заплясали багровые всполохи. Послышался необычайно мощный залп, как будто эскадра ответила огнем, стекло взорвалось, и аппарат погрузился во тьму.

Мальчик удовлетворенно хмыкнул. «Эк тебя развезло». Затем повернулся в сторону механической лошадки. Этот аттракцион предназначался для дошколят. Правда, сейчас туда взгромоздится полосатый ковбой из мореходной школы Он понукал «жеребца» и, вставая в стременах, орал басом на весь магазин «Стой, Абдулла! Догоню, зарублю!» Неожиданно задние копыта взвились в воздух, выскочив из пазов, в результате чего юный моряк покинул седло головой вперед. А взбрыкнувший «жеребец» со скрежетом завалился набок, выставив напоказ ржавые внутренности. Мальчик подошел к неудачливому ковбою, который обалдело разглядывал пол, заботливо поправил ему сбившуюся назад фуражку и сурово произнес: «Мужайтесь, друг. Родео есть родео».

Затем, прищурившись, оглядел оставшиеся аттракционы.

Через пять минут в этом закутке не работало ничего. Дело было сделано, и мальчик поспешил в отдел новинок А по магазину уже сновали галдящие продавщицы которые наверняка были не прочь найти виновника безобразий.

Центральное место среди новых игрушек занимал «Танк детский Т-70» — дорогостоящий электромеханический аппарат размером с педальный автомобильчик. Мечта любого

нормального мужчины от пяти до пятнадцати. Вместо топливных баков танк имел сиденье для водителя, а пневматическая пушка стреляла присосками. Игрушку в работе, конечно, демонстрировали не всем — только тем, кто явно тянул на платежеспособного покупателя. Вот и сейчас толстая продавщица показывала, как управлять движением и стрельбой, именно таким посетителям — папе и сыну, затянутым в кожаные комбинезоны. Она крепко держалась за штурвал и щелкала тумблерами. В этот момент к толпе зрителей присоединился мальчик со ссадиной. Он закусил губу, шумно вздохнул, с ненавистью пробормотал «Лови!» Танк взвыл и вдруг сорвался с места, потащив за собой упирающуюся продавщицу, которая мужественно не выпустила штурвал. Совместными усилиями они опрокинули стеллаж с товаром, раскидали шеренгу велосипедов, сбили с ног десяток зазевавшихся человек. Кто-то истошно завопил: «Та-а-анки!» Началась паника. Люди бежали во всех направлениях. Из боковой двери выскочил мужчина строгого вида и гаркнул борющейся с игрушкой женщине «Жукова! Вы что, обалдели?» В ответ пушка плюнула присоской. Выстрел оказался точен — прямо в разинутый рот начальства А беснующийся танк развернулся наконец в сторону мальчика-разрушителя Снова взвыл моторчик, аппарат на полной мощности двинулся в лобовую атаку. Мальчик процедил «Сопротивляешься, гад…» — и прикрыл глаза. Голова его затряслась от напряжения, желваки на скулах заиграли. Из груди вырвалось резкое «Х-ха!» Танк врезался в витрину и беспомощно затих под осколками стекла. Ноги продавщицы торчали из-под упаковочного стола, она все-таки успела выпустить штурвал.

Мальчик напоследок расстрелял взглядом длинный ряд роботов, вертолетиков, вездеходов — все эти механизмы судорожно задергались, агонизируя, и остановились навсегда. Он устало вытер пот с лица. После чего выскочил на улицу.

Обычный день боевых действий.

Часть 1
ОДИНОЧЕСТВО

1

…Как он ходит по улице?

Есть ряд четких законов, которые надо выполнять железно. Не ходить вдоль стен домов. Избегать узких тротуаров и других стесненных пространств. Обходить люки, не приближаться к строительной технике, в особенности к работающей. Передвигаться короткими перебежками, от укрытия к укрытию, держа в поле зрения происходящее сверху и сзади. И постоянно следить за тем. чтобы было куда отскочить в случае опасности. На проезжей части улиц надлежит максимально контролировать ситуацию. Правила дорожного движения веселят его своей бесшабашностью — он переходит дорогу, только когда автомобили исчезают вдали или приближаются не ближе чем на сто метров. Даже на зеленый свет. Несоблюдение может привести… Но лучше об этом не думать. Например, неделю назад он делал жуткий выбор: или пересечь изрытую экскаватором улицу — по мостику через траншею, — или идти в обход за два квартала. Решил рискнуть и поплатился. Мостик, конечно, треснул прямо под ним, но он успел выпрыгнуть. Зато в его сторону вдруг покатилась здоровенная катушка с кабелем. Причем под уклон, по перекопанной местности, то есть с непредсказуемой траекторией. «Случайно» сорвалась. Отступать с достоинством было некуда — от мостика-то уже ни досочки, — поэтому пришлось просто прыгать в канаву и удирать по колено в грязи. Катушка свалилась следом — хорошо хоть, застряла, подлая..

А вчера не уследил, что у проезжающего грузовика небрежное крепление досок в кузове. Ему бы предусмотрительно отбежать в сторону, так он, замечтавшись, остался на перекрестке. При повороте из машины — тоже «случайно» — вылетели два брусочка метра по три каждый — и в витрину. Повезло, на этот раз перелет…

Или падающий фонарный столб вместе с искрящими проводами— с месяц назад. Тогда недолет был… Чем происходящее объяснить? Притяжением всех несчастных случаев к одному человеку? Как бы не так!

Короче, не скучно ему ходить по улице. Но сегодня он был явно не на высоте: раскис, потерял бдительность. Причины тому

вполне уважительные: виноваты и школа, и дом. Он возвращался с уроков обычным маршрутом, мимо Дома быта. А там давно уже строители что-то замыслили — трубы завезли, мусор накидали. Морально готовятся к ремонту, да никак не решаются. Конечно, это зона повышенной опасности, он всегда напрягался, когда здесь ходил. Но так как ничего особенного не происходило, то и натренированное чутье дало сбой. Сначала он услышал, что сзади кто-то горланит. Обернулся — бежит Хлумов и машет железякой, похожей на ножку от кровати. Отвлекся на Хлумова и совершил ошибку: вместо того чтобы обойти подальше штабель труб, заботливо выложенный строителями, пошел в довольно узкий проход между ним и стеной дома. Тут все и началось. Раздался дикий скрежет, на голову посыпалась труха. Он ничего не успел сообразить, только присел. Испуганно посмотрел наверх: над его головой с яростным визгом болталась малярная люлька. Она висела боком, перекошенная на тросах, из нее капала красная краска — прямо как кровь. Он хотел изо всех сил рвануть по проходу вперед, но когда гора из труб жутко зашевелилась, ноги сами собой распрямились, подкинули его вверх и он повис, цепляясь за что-то железное, липкое. Штабель внизу стремительно разваливался, из него выкатывались, подскакивая, гудящие махины, и через несколько секунд черная лавина покрыла то место, где он только что стоял. Вдобавок под трубами забурлил кипяток, — наверное, своротило кран. Все заволокло паром. С обезьяньей прытью он вскарабкался как можно выше, используя ржавое ограждение люльки. Затем оглянулся.

Люлька висела на тросах, протянувшихся через блоки на крыше вниз, к лебедке. Причем в лебедке ковырялся не кто иной, как Хлумов!

— Усилие на разрыв превышает норму в сто раз! — крикнул Хлумов, повернувшись. — К тому же стопора очень изношены! Через пятнадцать — двадцать секунд клин, который я вставил, не выдержит и падение люльки станет неизбежным!

Времени сомневаться в его расчетах не оставалось, надо было спасаться. Мимолетный взгляд вниз — там варилась железная каша, прыгать явно не стоило. Рядом было окно — попробовать влезть? Ухватиться за карниз, перебросить тело. Только вот рама закрыта изнутри на защелку… Его дрожащие ноги нащупали выступ в кирпичной стене, пальцы стиснули жестяной лист. И тут люлька рухнула, загрохотала по трубам, кренясь, как корабль в бурю. Он еще раз тоскливо оглянулся. Возле лебедки Хлумова уже не было. Пальцы безнадежно сползали к краю карниза, а приземление сулило, в лучшем случае, долгую больницу. За что? За что ему так?

«Сейчас, подожди», — раздался будничный голос.

В распахнувшуюся раму просунулась рыжая голова Хлумова. Крепкая рука схватила потерпевшего за шиворот — секунда совместных трепыханий, тот перевалился через подоконник и упал на пол.

Окно привело его на лестничную площадку. Некоторое время он отдыхал, уткнувшись носом в холодный заплеванный кафель, а Хлумов тем временем откуда-то сверху популярно объяснял происшедшее:

— Все очень просто, Токарев. Понимаешь, стопора барабанов у лебедки отказали, тросы начали разматываться, вот люлька и поехала вниз. Я вовремя подоспел, заклинил барабаны ломиком.

Кряхтя, Токарев приподнялся и сел на ступеньку.

— Ты чего бежал за мной, Хлумов?

— Как чего? — Он удивился. — Тебе помогать. За Чернаго, например, я бы не побежал, он бесполезный. А твоя сила и умение принадлежат не тебе одному.

Токарев встрепенулся. Откуда рыжий знает?

— Ты что, Хлум, какая там у меня сила!

Спасатель аккуратно поморгал. Затем пояснил:

— Извини, ты чего-то не понял. Ты же талант: и сочиняешь, и рисуешь, и музицируешь. Наш класс без тебя никак не может, в каждом классе должен быть талант.

Токарев успокоился. Вроде не знает, калькулятор ушастый… Посмотрел на свои ободранные руки — и вдруг что-то холодное проползло вдоль позвоночника. Горло сжало. Даже замутило слегка. Он очень хорошо представил, что с ним сделала бы завершившая путь люлька и трубы с кипятком.

— Ну что? — заторопился Хлумов. — До дому сам доберешься?

Токарев не стал его задерживать. Только подумал: «Катись, катись, благодетель, бизнес ведь не ждет. А то вдруг денежки уплывут… Вообще-то, я молодец: все-таки на люльку запрыгнул, в карниз вцепился, как клещ. Есть чем гордиться, ведь мне…»

2

…— двойка в четверти грозит! И не только по алгебре! Это мама изучала дневник. Документ ей вручила лично классная руководительница, которая, вероятно, догадалась, что хитроумный двоечник Александр Токарев предпочитает забывать его в школе. Сопровождая нелегкий путь по дневнику удовлетворенными возгласами: «А вот еще одна!.. Я так и знала!..», мама наконец добралась до последней страницы. Той

самой, которую математичка Мария Теодоровна использовала сегодня для оформления своего тысяча первого серьезного предупреждения.

— Ты смерти моей хочешь? — в ужасе предположила мама.

— Не хочу я смерти, — растерянно сказал Саша. — Ты же мне обед готовишь… И форму зашиваешь…

— Он еще смеет говорить про форму! — Мама даже смешалась от такой наглости. — То разорвано чуть ли не на куски, то вымазано в такой дряни, что целую неделю, зажав нос, отстирываю! — Она тяжко вздохнула. — Ну скажи, как нечаянно можно оторвать полштанины? Уйти в брюках, а вернуться в шортах… И в кого ты такой? Я, например, все старшие классы в одном платье отходила, а потом тебе еще комбинезончик из него сшила…

Отец внезапно оторвался от газеты.

— Когда я женился на ней, сразу пять платьев купил, на любые случаи жизни.

— Признавайся, — продолжила мама воспитание сына, — где ты сегодня так извалялся?

— Трубы покатились, пришлось прыгать в люльку, а рама не открывалась, — устало объяснил Саша.

— А потом крыша поехала, да?.. Так, куртка и штаны в краске. Еще и в масле каком-то. Химчистка, конечно, не поможет… Слышь, отец, отслюнявь сынку на новую форму.

Папа снова включился, в этот раз чуть более резко:

— Разбежались! Я только на прошлой неделе ему новые ботинки купил.

— Кстати, — вспомнила мама, — у одного ботинка уже подошва отрывается.

— Подожди, ты говоришь — у него «неуд» в четверти намечается? — Папа перевел разговор на другое. — Дожили. Может, ему еще и репетиторов нанять? Папаша у нас двужильный, пусть ишачит на сына-балбеса… Что притихли! Твое воспитаньице, мамаша!

— Мальчик в первую очередь должен быть опрятным! — блокировала мама неожиданный выпад. — Полюбуйся на себя! Сколько раз просила: не кури в комнате. Думаешь, приятно после тебя пепел из ковра выковыривать?

Некоторое время родители громко выясняли, кто из них нанес больший вред воспитанию сына. Наконец пришли к единому мнению, что такого, как Саша, воспитать невозможно. Они принялись перечислять неприглядные факты из Сашиной жизни последних двух месяцев. Получился довольно длинный список, который открывался памятным днем — четвертое

сентября, начало учебного года, — когда родители ходили на день рождения к дяде Севе. Тогда шестиклассником Токаревым был нанесен первый вероломный удар по семейному добру: вдребезги разбита электронная игра, безжалостно вышвырнут кактус, бесследно пропала кошка. В довершение всего были уничтожены лучшие записи на кассетах, которые папе сделали в кооперативе — и для обычного магнитофона, и для видео. («А ведь это денег стоило!» — напомнил папа.) Видеомагнитофон, кстати, составлял особо тяжелую статью в перечне дальнейших Сашиных преступлений. Папа его упорно чинил в течение двух месяцев, отдавая последние средства на это дело. Но до сих пор ни один ремонтник не сумел выяснить, как ребенку удалось так изощренно загубить тонкую технику. Впрочем, если бы только «видик»! Саша обвинялся в бессмысленной порче вещей почти по двум десяткам пунктов. И еще: на последнем родительском собрании вскрылось, что какие-то шестиклассники собирают вторсырье по помойкам и вымогают пустые бутылки у пенсионеров. Методом дедукции мама доказала, что ее сын имеет к этому прямое отношение. Главная улика — вечно грязная Сашина одежда… Наконец родители устали копаться во всем этом сраме и перешли к обобщениям.

— Я же столько для него… — горько сказал папа. — Сутками не спал, корячился в тундре, а он, скотина неблагодарная, только портит, портит, портит…

— Может, у него координация движений нарушена? — Мама потянулась к популярной медицинской энциклопедии. — Наверное, у него не получается не ломать и не пачкаться. Давай, найдем ему хорошего платного невропатолога.

— Платного? — недобро переспросил папа. — Да он еще летом был совершенно нормальный! Что ты всюду болезни ищешь? Сопляк распустился совсем, а я за это еще плати. Я сам буду его лечить — бесплатно, ремнем. И делать это регулярно, а не только когда выведет из себя.

Мама заявила энергичный протест:

— С твоим «лечением» он совсем дураком станет. — И срочно переменила тактику: — Сашенька, милый, ну ты же самый последний в классе! Даже Петя Жаров и то лучше тебя учится. Неужели ты действительно такой глупенький?

— Почему я самый последний? — резонно возразил Токарев. — Чернагу Матильда вообще выгнала и сказала, что на алгебру больше не пустит.

— Другого идиота не мог для сравнения подобрать! — взорвалась мама. — Не говорила я тебе, но теперь скажу для полной ясности! Дотянут тебя до восьмого класса, а там выпрут в

какое-нибудь ПТУ попоганее.

Папа внушительно произнес:

— Дело не в ПТУ, а в человеке. Я, например, тоже путягу кончал. Просто надо иметь цель в жизни и идти на все ради нее. Тогда и будешь на хорошем месте да на хорошем счету. Администратором, товароведом… или каким-нибудь режиссером, писателем… А ты, Александр, по-моему, собрался всю жизнь мусор за другими подбирать. И будут тебя даже в пятьдесят лет посылать за водкой, как мальчишку. Имей в виду.

Мама внезапно догадалась:

— Отец, ты посмотри на его лицо, он же нас не слышит! — Некоторое время она мучительно рылась в кармане халата. Нашла платочек и промокнула глаза. — Нет, ничего у нас не выйдет. Может, в самом деле отправить его к твоей матери в Псков? Там ему легче будет учиться, там все такие. А? Сашок, зайка, поедешь к бабуле?

Сашу терзала только одна мысль, поэтому он откликнулся не совсем впопад, зато искренне:

— Па, нельзя меня ремнем, честное слово. У меня же талант! Ты просто не знаешь…

А папе, очевидно, уже надоел этот разговор. Он вновь взялся за газету, улыбнувшись:

— Никто не спорит, есть у тебя талант. Ломать и портить.

Токарев не стал вступать в пререкания. Странным взглядом всматриваясь в любящих родителей, он попятился в свою комнату и подумал…

3

«Жуть, до чего они изменились! Мама… Папа…»

Я повернулся на бок и взглянул на часы, мерцавшие рядом на тумбочке. Настенные давно уже разбились, просвистев мимо моей головы. Лучше бы не смотрел: почти полночь. Отец мощно выдувает арию за арией маме в ухо, а я за последние два месяца будто спать разучился.

В комнате — полный порядок. Полка с учебниками на полу. Люстры нет, с ней я перво-наперво разобрался. Книжный шкаф стал инвалидом: без стекол, без дверок, книги сверху сняты и сложены под кроватью. В общем, зона безопасности. Родители нечасто ко мне в гости заходят, чтобы не портить себе настроение Вот и сегодня не погнались следом, требуя клятвы немедленно браться за ум…

Разве заснешь тут? С самого сентября как с занозой живу. Начинал я тогда героем, все было понятно, казалось — стоит

только пойти в лобовую атаку, и победа будет за мной Не пожалел ни времени, ни имущества, ни своего честного имени. И впустую. Уже октябрь кончается… Как ведь получилось? Я первый в нашем классе понял, что мир устроен не так уж красиво. Вовсе не вещи служат людям, а совсем наоборот — с утра до вечера мы на них работаем, тратим силы на то, чтобы им было хорошо. Включаем, выключаем, носим, лечим. Причем думаем, что это нам самим надо! Но можно бы и потерпеть, если б не было банды замечательных вещей, которые хочешь не хочешь, а полюбишь. Благодаря этой любви вещи мощнеют просто зверски и начинают упорядочивать людей, подчинять себе полностью. Любовь ведь и есть та пробивная энергия, которая позволяет им вселяться в нас. В натуре вселяются! Вытесняют все лишнее, ненужное — «хаотическое», как они выражаются. И человек становится куклой на ниточках.

Это я понял в сентябре, когда вещички в моей квартире образовали ударную группу по имени Система и принялись за меня. Мне повезло, у них произошла осечка, и я начал борьбу с ними. Глупый был, зеленый. Но все-таки быстро разобрался, что бороться по-настоящему не смогу, пока не сломаю в себе любовь к ним. И у меня это получилось, отшил их. Тогда они взялись за родителей, за друзей…

Папа теперь каждую неделю как заведенный таскает забарахливший «видик» по всему городу к каким-то особым мастерам. И еще собирается покупать персональный компьютер, чтобы утешиться. С маманей тоже что-то творится. Началось с кожаного пальто, а сейчас, похоже, ее атакует уже весь гардероб… Алекс зашелся на электронной игре, которую я кокнул четвертого сентября, в день генерального сражения. Забрал у меня обломки и паяет их, не щадя себя и близких. Один раз пожарников вызывали. А чего рыпаться, если Алекс в электричестве ни бум-бум, не знает даже, зачем в игре нужен ток… Петя Жаров от тоски по моему магнитофону завел копилку и все денежки, предназначенные для завтраков, обедов и кино, опускает туда… Короче, обстановочка. Чем родителям помочь, если они про эту «любовь-энергию» и слушать не хотят? К врачу пытаются затащить… Наверное, не лучший выход я нашел, а что было делать! Решил просто-напросто разрушать драгоценное имущество. Думал, кому охота развалюху любить? Снес на помойку и забыл. Тем более выводить из строя вещи я действительно умею незаметно и быстро. Папа думал, что пошутил насчет «ломательского таланта», а на самом деле попал прямо в точку… Зато, как начал я вырывать из других людей ту зловредную любовь, круша направо-налево, так и разгорелась

война. До сих пор не затухает, хотя я давно уже перешел к глухой обороне. Вещи борются со мной по-своему. Они используют любую возможность, даже ломаются, чтобы подстроить мне несчастный случай. Укрощают, значит, разбушевавшуюся стихию. А стихия для них — это я.

Наверное, что-то важное я не улавливаю. Гроблю вещи, а они вселяются еще злее. Странно, никуда эта поганая любовь-энергия не девается. Кроме того, нападения на меня становятся все более гадские, как будто они наперед знают о каждом моем шаге. Правда, голова-то у меня пока варит, и кое-какие соображения на этот счет в ней появились.

Должен быть управляющий Центр. Уж я-то знаю, какая у вещей бюрократия. И у Системы, которая занимается упорядочиванием людей, наверняка бюрократии не меньше. Судя по газетам, нормальный Центр действует так: в урожайные годы забирает излишки, а в трудное время подкармливает слабаков. Почему у Системы не может такого быть? Когда есть лишняя любовь-энергия, она отдается в Центр. А когда энергии начинает не хватать, Центр тут как тут со своими запасами! То же самое и со слежкой за мной. Каждая вещь знает обо мне понемногу, и если эти сведения соберутся в одном месте, то они будут знать обо мне все. Ну что, грамотно рассуждаю?

Рассуждаю-то грамотно, а что делать дальше — непонятно. Ну, перестал я ломать вещи, и давно уже… Как теперь искать Центр? Кто подскажет?

Ровно полночь. Надо напрячься и заснуть. Кстати, в это время ко мне и являлся гость с чердака. Давненько дело было! Тогда Система только-только начала меня в оборот брать… Эх, инспектор, славно мы с тобой беседовали! Я ведь на следующий же день отправился на чердак — в твое «министерство». А что толку, ничего там не нашел, кроме голубиного помета. Наврал ты мне, что ли? Или Чердак уже упразднили?.. В общем, Чердак в качестве Центра явно отпадает.

Да и времени искать совсем нет. Надо же хоть иногда уроки передирать! Училки-то небось торжественно поклялись мне «неудов» в четверти наставить. И родители по голове не погладят, в последнее время они совсем озверели. Вчера, кстати…

4

…— Кстати, Токарев, вчера тебе сильно попало? — Учительница физики оборвала пылкую речь в защиту электрических зарядов и взъерошила Саше волосы. — Конечно, это не по-товарищески, что я передала дневник твоим

родителям… Уж теперь-то, наверное, ты за ум возьмешься!

И поплыла по проходу дальше, продолжив объяснения.

— Смотрите-ка, Лялька извиняется, — прозудела в токаревский затылок сидящая сзади Лена Печкина. — Боится, что ли?

— Просто стыдно стало, тоже ведь человек, — заступился Алекс, вечный друг Токарева и сосед Печкиной.

Саша счел своим долгом успокоить учительницу:

— Елена Аркадьевна, да вы не волнуйтесь насчет моих родителей! Они со мной нормально поговорили, я согласился всю жизнь за водкой бегать.

Класс ничего не понял, но мгновенно стих, прислушиваясь. Елена Аркадьевна устало опустилась на свободную парту.

— С твоими шутками, Токарев, только в цирке выступать.

— Я не шучу, — оскорбился Токарев. — За водкой, — значит, за водкой, подумаешь! А еще могу мусор подбирать…

Теперь класс шумно поприветствовал такие планы на будущее.

— Сашка, не ерунди! — больно пихнулась Марина Мерецкая, соседка по парте. И строго зыркнула сквозь стекляшки очков. — Охота в дурачках ходить?

Он замолк, разминая пострадавшее ребро. Впрочем, классный руководитель уже забыла о трудновоспитуемом ученике и о его странных родителях. Незаметно для себя она переключилась на особенности образования статических зарядов на одежде учащихся. Материал сверх программы всегда служил ей верным средством для устранения двусмысленных ситуации.

Саша собрался было продолжить с Алексом прерванную партию в «крестики-нолики», но тут что-то тяжелое навалилось ему на ноги, угрожающе звякая. Он даже дернулся от неожиданности Однако сразу сообразил: это сидящий впереди Петя Жаров, мощно работая пятками, проталкивает под партой здоровенную сумку.

— Тихо! Тащи на себя!

— Зачем? — обалдело спросил Токарев.

— Подвинешь Хлумову через проход. Скажи, что от меня. Деньги может в конце дня отдать. Ну, давай!

Что именно находится в сумке — Токарев отлично знал. Жаров сегодня учудил — притащился в школу с огромным количеством пустых бутылок. Донесся до него слушок, будто в классе можно их выгодно сдать. Для Пети, озабоченного накоплением средств на вожделенный магнитофон, это было очень кстати: стеклотары в доме поклонника пепси-колы всегда хватало. А поход в обычный пункт приема закончился для него

сокрушительным поражением: приемщица забрала бутылки, но, чтобы отдать деньги, потребовала предъявить кого-нибудь из старших.

Саша глянул на сидящего через ряд Хлумова. Покупатель бутылок был откровенно занят. Молча общался с ребятами из разных концов класса, выкидывая им на пальцах то ли цифры, то ли знаки, и делал в блокноте какие-то пометки. Такая картина была вполне привычной, ее можно было наблюдать на всех уроках в течение последнего месяца. Саша видел нечто похожее по видеомагнитофону, когда тот еще работал, — там это называлось «биржей». В хлумовскую «биржу», помимо жестов, входили отрывистые фразы типа: «Егоров взял семь у пенса на Малой Балканской». Или: «Возле углового дома на Будапештской обнаружил габаритный ресурс. Нужно три человека».

— Ты с ним чего… контачишь? — недоверчиво спросил Саша у Жарова.

— А чего? Я тут поспрашивал насчет бутылок. Все говорят: сдай Хлумову. А мне его на перемене не словить, пока я повернусь — он за дверь.

Алекс, который давно уже просовывал голову между Токаревым и Мерецкой, встрял в разговор:

— Слушай, Токинг, если я твою игру починю, ты мне ее отдашь?

— Я тебе давно уже ее отдал, — раздраженно отмахнулся Токарев. — Сколько можно повторять? Ковыряйся в этом хламе до посинения.

— Мне тоже деньги очень нужны. — Алекс погрустнел. — Импортные детальки ужас сколько стоят… Петька, подарил бы ты мне половину бутылок, а?

Жаров нетерпеливо заерзал, глаза его забегали.

— Токинг, передавай скорее! А то опять не успеем!

Саша скрючился и стал тянуть сумку. Она не поддавалась, только предательски позвякивала. В этот момент живой рассказ учительницы оборвался. Причем на очень важном месте — законе сохранения заряда.

— Мне надоело! Сколько можно щебетать? — Она хлопнула ладошкой по раскрытому журналу. — С вашего согласия, я проведу маленький опрос. Начнет Чернаго, продолжит Токарев… и остальные подключатся, чтоб не обидно было.

— Я? — поперхнулся Алекс. — Почему я? — Он в панике заныл: — Мы же все время вас слушали, честное слово!

— Вот и хорошо, что слушали, — улыбнулась Елена Аркадьевна. — Конец четверти, парни, последняя возможность тройку натянуть. Вы же готовились?

Алекс вяло встал и побрел — как при замедленной киносъемке.

— Да не к доске — к приборному столу. — Физичка по казала пальцем, куда надо идти. — Твоя задача, Александр, — произвести накопление зарядов на электростатической маши не и популярно объяснить, как это происходит. А Токарев чуть погодя нам разрядит конденсаторы и тоже прокомментирует.

«Ну, облом! — расстроился Токарев. — „Парашу“ схлопочу — и накрылись каникулы…» — Он нетерпеливо толкнул Мерецкую коленом:

— Давай рассказывай по-быстрому, чего там разряжать-то?

Некогда преданная подруга по парте только отмахнулась:

— Погоди ты!

Она натужно зашептала в спину уходящему Алексу:

— Разведи сначала электроды в стороны! Шарики это, слышишь, шарики такие! Потом крути ручку!

Она буквально не находила себе места — подскакивала, делала знаки руками, по-гусиному вытягивала шею. Это было так на Марину не похоже, что Саша даже забыл на секунду о собственных проблемах и с удивлением уставился на нее. Зрелище было жалкое. Рука его сама по себе начала рисовать Мерецкую в виде птицы-секретаря, которую он видел когда-то в передаче «В мире животных»…

Настало время позора. Алекс честно пытался найти электростатическую машину. Дергал за все ручки, давил на кнопки, заглядывал под стол. В конце концов Елена Аркадьевна отогнала его от приборов и принялась задавать вопросы по темам последних занятий. Но каждый ответ ученика почему-то обрывался еще в самом начале и заканчивался бессильным: «Ой, забыл». Елена Аркадьевна, явно переживая не меньше Алекса, упрощала и упрощала предмет разговора, пока не опустилась до уровня детского сада. Все было напрасно.

— Чего же ты? — сказала Елена Аркадьевна с чувством. — Думаешь, просто так я вчера тебя на перемене ловила? Специально ведь предупреждала, что вызову… Тьфу! Не мог один раз подготовиться, бестолковище!

На Алекса было больно смотреть. Он сел за парту, похожий на мятый фантик от конфеты. Но сразу расправился, налился румянцем и стал всех вокруг толкать, горячо шепча: «Слышь, двойку не поставила! Слышь, ответил все-таки!»

— Давай, Токарев, выступи за себя и за друга. — В голосе Елены Аркадьевны появилось что-то жалобное.

Громыхнула сдвигаемая парта. Саша вскочил, будто хотел рвануться к доске. И вдруг замер. Казалось, его порыв ушел куда-

то внутрь тела, вызвав секундную дрожь. Он глянул на приборный стол и тоскливо пробормотал: «Где же эта поганая машина? А-а, ударю веером, всех демонтирую…» После чего зажмурился, закусил нижнюю губу. Лицо его мучительно скривилось… Никто не обратил внимания на столь странное поведение, лишь Елена Аркадьевна почувствовала что-то неладное:

— Спокойно, спокойно, Саша. Ну-ка соберись.

— Я вполне, — отозвался Токарев, открыв глаза. — А вот ваша техника немножечко того. — Он вытер со лба выступивший пот.

— Что значит того?

— Да не работает электрическая машина, — с достоинством объяснил он. — И вообще там на столе ничего не работает, я же вижу.

— Да ну тебя! — возмутилась учительница. — Поумнее бы чего-нибудь придумывал, если уж не желаешь учиться!

— Почему, я все выучил! Надо развести электроды в стороны, а потом крутить ручку. Электроды — это там шарики такие есть.

— Ладно, хватит с меня ваших выкрутас.

Елена Аркадьевна подошла к учебной аппаратуре, решительно цокая каблучками.

— Все смотрим сюда! — комментировала она свои действия. — Токарев, Чернаго, вот электростатическая машина…

Она принялась размеренно вращать резиновую рукоятку, одновременно поясняя: «Заряды накапливаются… здесь положительный, там отрицательный», но через минуту всполошилась:

— А искра? Где же искра!?

Некоторое время она продолжала вращательные движения в ускоренном темпе и наконец бросила эго бесполезное занятие. Растерянно наклонилась к самому столу, что-то высматривая.

И вдруг стала пятиться, не меняя согнутой позы.

— Ой, вылезает. — Голос ее вместо звонкого был непривычно сиплым. — Ой, ползет..

Класс ничего не понял.

— Что там, змея? — шепнул кто-то.

— Вспышка спереди! — страшно завизжала Елена Аркадьевна и присела на корточки, закрыв голову руками. Тут наконец стало видно: от учебного устройства, зловеще потрескивая, отделяется светящийся шар, похожий на апельсин.

— Вот так накрутила ручку, — оторопело произнес Алекс. Шар повисел над столом, затем медленно на бреющем полете пересек класс по диагонали, вызвав массовое ныряние под парты,

и мирно вылетел в раскрытую форточку.

— Дети, вы живы? — слабо спросила Елена Аркадьевна, осторожно выглядывая из под локтя. Дети не ответили ей, не до того было: кто сидел под партой, кто, свесив челюсть, смотрел на обуглившуюся форточку и с трепетом ждал возвращения жуткой штуковины.

— Товарищи, бояться нечего, — внес ясность Хлумов. — Это просто шаровая молния, необъясненный пока феномен природы.

С улицы донесся гулкий хлопок. Стекла задребезжали. Раздались душераздирающие вопли «Убью! Кто бросил! Руки вырву!» Сидящие под партами трусливо захныкали, а те храбрецы, что успели выбраться, сгрудились возле окон. Толпа юных зрителей разом загалдела:

— Смотри, помойка взорвалась, вся горит!

— А завхоз вокруг вертится.

— Так это наша молния в мусорный бак ушла!..

— Чего завхоз-то развопился?..

— Да он, наверное, доски для дачи хотел прибрать!..

Токарев остался на месте. Он весело подумал, глядя на скончавшуюся технику. «Славненький вихрь я выдал. Правда, переборщил маленько…» И тут заметил, что кроме него любопытства не проявляет еще один человек. Точнее, проявляет, но совсем в другом направлении.

Хлумов также оставался на своем стуле и пристально наблюдал за Токаревым. Встретив Сашин взгляд, он улыбнулся и одобрительно покивал головой: мол, вполне тебя понимаю, вполне, еще бы…

5

…еще бы, первый раз в классе чудо природы случилось! Как обычно на переменах, наша маленькая компания околачивалась на черной лестнице, конечно, пониже чердака, где дымят и регочут кабаны-старшеклассники, и каждый громко лез со своими объяснениями. Марина растарахтелась, как газонокосилка, еле уняли. Вообще-то она молчунья, ей редко тема подходящая попадается, но тут человека задело за живое. Начала с разных видов шаровых молний, а кончила какими-то «коронными разрядами». Алекс, наоборот, доказывал, роняя слюни, что никакой шаровой молнии не было, просто все вдруг подхватили массовую галлюцинацию. «Ну, помните, — говорит, — в сентябре ведь нам показалось, что Токарев превратился в телевизор? Тоже была галлюцинация!..» Про галлюцинации — это он от врачихи узнал. Он тогда сдуру поделился впечатлениями с папашей, а тот

поволок его в поликлинику. Врачиха его выслушала с интересом, а потом начала допрашивать, с кем он клей нюхает…

С общем, что Марина туфту несла, что Алекс. И самое смешное — стоят нос к носу, дылды, орут друг на друга, вот-вот кусаться станут. Увлеклись не на шутку. Хотя чего спорить? Сказал бы я правду, так у них мозги слишком правильные. Поддакивал им всем по очереди, Алекса даже похвалил: мол, работай дальше над своей теорией галлюцинаций. Кстати, я и сам до конца не врубился: ну, сломал я машину, а почему из нес вдруг светящийся шар вылез? Надо будет обдумать..

Только Барабану-Жарову было плевать на всякие там чудеса природы. Он никак не мог уняться со своими бутылками — радовался, как четко работает хлумовская лавочка. Бутылки его взяли, все восемнадцать штук, и дали взамен специальный жетон. Барабан был уверен, что сразу после уроков он по этому задрипанному куску картона получит хорошие деньги. На жетоне было зачем-то проштамповано слово «соцсоревнование», проставлена цифра «18» и стояла аккуратная подпись Хлумова. Ну, игра для шизиков! А я-то думал — у них нормальный бизнес. Достал нас Барабан, тогда я ему посоветовал:

— Слушай, Петя, может, лучше поднимешься к чердаку, похвастаешься перед людьми? Они это любят…

Тут Хлумов и вынырнул — собственной персоной. Возник неизвестно откуда, тихо, как призрак.

— Чего затормозил? — ласково спросил Алекс. — Лети дальше, щегол, сохранней будешь.

Хлумов не дрогнул. Наоборот, его лицо стало еще приветливее. Он обогнул Жарова и обратился лично ко мне:

— Токарев, нам пора поговорить. Предлагаю отойти.

Все прибалдели. Смотрят стеклянными глазами, как те чучела в музее, то на меня, то на Хлумова. Хотя что тут такого? Не могу же я отшить человека, который мне вчера жизнь спас… Спустились мы с ним на этаж пониже, будто два корешка. Слышу, сзади фыркать и шипеть начинают — хором яд пускают, друзья мои милые… Легко им живется: ничего не знают и знать не хотят! Ведь рассказывал им пару раз про наступление Системы, да что толку? Посмеиваются: мол, здорово загнул, писатель…

— Как самочувствие? — участливо поинтересовался Хлумов.

Ага, ясно! Хороший намек. Ему повезло, я из понятливых.

— Спасибо, — говорю. — Ты не стесняйся, за мной не за ржавеет. Давно хотел подарить тебе кассеты с записями уроков английского языка, считай, что чистые.

Секунду-другую он медлил.

— Токарев, твои мысли приняли неверное направление.

Предлагаю считать тебя свободным от каких-либо обязательств по отношению ко мне.

Ну, завернул речь, дипломат конопатый! Сразу и не разберешься. А он продолжает в том же духе:

— Если ты не возражаешь, Саша, мы можем перейти к менее формальным, но зато более продуктивным контактам.

— Бутылки с вами собирать не пойду, — с ходу сориентировался я. — У меня на них нюха нет, ты уж извини.

— Я про другое. Заходи как-нибудь ко мне в гости — в целях продолжения общения. И вообще знай, что двери моего дома всегда открыты для такой незаурядной личности, как ты.

Я только рот раскрыл от удивления. Стою и не могу понять: что же получается — он меня к себе в друзья записал? К чему бы это?

Пока я думал, послать его или поблагодарить за доверие, вдруг танцующей походкой подвалила Печкина. Говорит:

— Хлумчик, миленький, не гони. Посмотри, что я принесла.

Достала из своего джинсового ранца большую матрешку и стопку журналов. «Молодая гвардия» вроде бы. А потом у них пошел совершенно дурацкий разговор. Они начали торговаться почище, чем на базаре. Ладно бы из-за денег! Так нет — за вещи, которые принесла Печкина, Хлумов ей начислял очки. Печкиной очков было мало, а Хлумов считал, что с нее хватит. Насчет матрешки он даже сказал: «Вещь, конечно, дорогая, но спросом не пользуется. Я ведь не интурист, Лена, мне Россию с любовью вспоминать не надо». А про журналы выразился еще хуже: «Их можно реализовать только как макулатуру, поэтому я вынужден оценивать лишь стоимость бумаги». Послушал я их, послушал и наконец врубился. Оказывается, эти самые очки нужны Печкиной, чтобы сегодня вечером прийти к Хлумову в гости! Ого! Девочке, значит, и не попасть к нему на прием без подарочков? Ловко придумано… В общем, Лена получила от ворот — поворот, пока не найдет что-нибудь поценнее. Тогда она перестала просить, разозлилась и заорала: «Ты что, Хлум, оборзел?» Тут уж я откололся от них: зачем мне чужие «разборки»? Услышал только, как Хлумов эдак спокойненько объясняет: мол, ты свои очки уже использовала, прошлый сеанс и так в долг получила, все учтено…

Едрен-батон, что творится! Идут люди в хлумовскую мафию один за другим. Уже и Печкина не наш человек, а мы и не заметили. Жаров тоже, похоже, решил продаться. Куда катимся?.. Тут заверещал звонок, и…

6

…вниз по лестнице хлынул поток отдохнувших бугаев. Зазевавшийся шестиклассник еле вырвался на нужном этаже и вбежал в класс перед носом Марии Теодоровны, чуть не выбив журнал у педагога из-под мышки. Расселись по местам, как обычно: Саша с Мариной, Алекс с Печкой. Только Алекс и Мерецкая общались между собой так, будто Токарев заболел и на уроке отсутствует. Таким образом было выражено общее отношение к любым попыткам тайных переговоров с хлумовской мафией.

В качестве ответной меры Саша сел к Мерецкой спиной, подперев голову ладонью. Откровенно говоря, куда больше его занимал возможный опрос по алгебре. Он сосредоточенно раздувал в себе уголек надежды: «Сегодня вроде не должны вызвать. Вчера же вызывали, пару поставили…» Затем он повернулся к Печкиной, собираясь узнать, чего это они собираются вдвоем с Хлумовым делать. Но та опередила его вопрос, с готовностью затараторила о том, что «у Жарова сзади щеки из-за ушей виднеются, а у тебя, Токарев, вихры, как рога».

— Сашка, сядь нормально! — не выдержала Марина. — Сейчас Матильда нас всех зафиксирует!

Мария Теодоровна тем временем молча закончила какие-то малопонятные и потому особенно неприятные приготовления. Она зорко оглядела класс во всех подробностях и объявила:

— Убрать с парт учебники. Приготовить листочки.

Саша чуть расслабился: технология изготовления письменных работ в шестом «а» шлифовалась годами. Однако долго расслабляться не пришлось.

— Кстати, мне надоели списывания, — продолжила Матильда, лукаво поблескивая глазками. — Даю возможность проявить себя всем. Шесть вариантов на каждые три парты!

Шесть вариантов!!! Елы-палы… Токарев затравленно огляделся и понял, что Матильдой все схвачено. А применять особые способности бесполезно, кабинет математики устроен слишком уж просто: стены, доска, столы.

— Мальчики, без паники, — побледнев, шепнула пионерка Мерецкая. — Я вам помогу.

Варианты контрольной были розданы, наступила горячая пора. Двое с надеждой смотрели на одну — делать им все равно было нечего, — а та самоотверженно билась с коварными примерами трех вариантов сразу. Немудрено, что дело не пошло. За отпущенные полчаса Марина, немного запутавшись, смогла решить себе два примера из трех. А тонущим Саше и Алексу только по одному на каждого. То есть все по-честному. Но Токареву от этого было не легче! От бессилия его охватил

минутный гнев непонятно на кого. «Тоже мне, Мерецкая, — мелькнуло в голове. — Не смогла чуток поднапрячься. А в крайнем случае и собой пожертвовать ради товарища. И Алекс этот вечно влезет, тупица…» Впрочем, когда раздался голос Марии Теодоровны, предупредивший, что через пять минут работы должны быть сданы, ему уже было все равно. Решительно все равно.

— Листочек! Дай свой листочек! — тихо произнес кто-то сбоку. Саша раздраженно повернулся. Хлумов! Ему-то зачем списывать?

— Давай скорее, — поторопился новоиспеченный приятель. — Не волнуйся, я сделаю. А ты сдашь мой, держи.

Мало что понимая, Саша равнодушно произвел странный обмен. Свою контрольную, украшенную скудными каракулями, на хлумовскую, решенную полностью. Через минуту он догадался, что Хлумов просто-напросто собирается написать за него решение. «А как же почерк?» — с недоумением подумал Токарев и пожал плечами. Но потом его пронзило страшное предположение: «А вдруг он хочет издевнуться, пририсовать что-нибудь гадостное!»

Мария Теодоровна тем временем шла по ряду, изымая оставшиеся работы железными пальцами. Она перемещалась строго прямолинейно, держа в поле зрения весь класс, и равномерно двигала рукой. Будто комбайн на уборке урожая. Секунда — и Сашина парта стала чистой. А затем и хлумовская. «Ничего, — успокоил себя Токарев, — если что, я найду способ отомстить. Спалю ему компьютер, пускай потом ищет перепад напряжения в сети и пишет жалобы на электростанцию».

За оставшиеся десять минут не произошло ничего особенного. Учительница сноровисто проверяла пачку работ. И благодаря многолетнему навыку успела до конца урока проверить все. Только один раз отвлеклась, бросив несколько фраз: «Надо же, Токарев… Двумя способами… Не ожидала…» Сразу после звонка она распорядилась:

— Дежурный, можно раздать.

Вскоре Саша, глупо улыбаясь, разглядывал жирную пятерку под своей фамилией. Несомненно, это был тот листочек, который забрал Хлумов, с одним решенным примером. А дальше… Почерком, поразительно напоминавшим токаревский, были расписаны решения оставшихся задачек. Действительно, двумя способами… Саша повернулся и увидел неизменно приветливую рожицу главы «биржи».

— У нас всегда так, — буднично прокомментировал тот. — Справедливый подход к человеку и четкая организация.

«Второй раз спасает, гад! — с неожиданной злостью подумал Токарев. — Буду теперь ему до пенсии обязан». Но тут его внимание переключилось на другое. Алекс почему-то орал на Мерецкую, которая разглядывала парту и безмолвно кусала губу.

— Ну как у вас дела? — запоздало поинтересовался Саша.

— Какие дела! — продолжал орать Алекс. — Два плюс два и «параша» в четверти! Эта дура не могла даже один пример решить как следует!

— Я же сама еле тройку получила, — начала оправдываться Марина. — Вот здесь надо было икс умножить на семь… — Она стала водить дрожащим пальчиком по бумаге.

— Молчала бы лучше! — Алекс рванул портфель за ручку, встал, стремительно ушел прочь.

И вдруг выяснилось, что под очками у нее мокро. Тихонько всхлипывая, подергивая плечиками, она жалко горбилась над партой… Саша растерялся.

— Марин, ты чего?.. Ну, получила трояк… Тоже государственная оценка…

Марина достала носовой платок и начала неловко промокать глаза, приподняв очки. Закончив, слабо махнула рукой:

— При чем здесь тройка?

— Может, ты из-за моих несчастных случаев? — с надеждой в голосе предположил Токарев. — Не волнуйся, я воробей стреляный.

Она скомкала политые слезами листы с контрольной, затем сунула их в парту. И неожиданно улыбнулась:

— Смешной ты, Сашка.

Токарев молча взял ее портфель. Направился к дверям. Он подумал: «Чего-то я тут не понял…»

7

…не понял, что там творится. Разговор очень громкий. И вроде про меня, но не ругают. Обсуждают, что со мной делать, по-деловому, почти без эмоций, будто я собака или кошка какая-то. Сидят на кухне, курят перед открытым окном… Откуда им знать, что я внизу стою и ловлю каждое их слово? Я родительские голоса услышал, когда домой шел. Ясное дело, сразу заинтересовался. Плюнул на всякую технику безопасности, прокрался вдоль стены…

«Тянуть незачем, — говорил папа. — Разве не видишь — чем дальше, тем хуже. Он же нас элементарно не уважает. Вот куплю я компьютер — сложнейшая техника, имей в виду, и не задешево, с-сволочи, — так он наверняка уже готовится, варвар, по-своему!

Нет, четверть кончится — и привет, отправим по этапу». — «Просто у тебя получается! — возражала мама. — Ты с отправкой возиться будешь, что ли? Надоело мне все это. Ничего не вижу, нигде не бываю, только твой Сева глаза мозолит. Имею я право на личную жизнь, в конце концов?» — «Какая-такая „личная жизнь“? На курсах по вязанию, что ли?. Зря я тебя туда пустил». — «Дурак ты, отец. А еще хочешь, чтобы сынок у тебя умный рос. Знаешь, я думаю, Сашу сначала надо врачу показать. Кстати, я уже договорилась, мне рекомендовали хорошего психиатра. Саша ничего и не поймет Не беспокойся, этот врач денег не берет, подарим ему книжку какую-нибудь. Подождем до Нового года, вдруг мальчика в клинику придется положить?» — «Вот женщины! Сама же круглые сутки ноет — спать не дает, — что вся жизнь на него уходит! А тут такая возможность… Да долго ли его собрать? Варенье, колбаса сухая, тушенки побольше, печенье. Одежонку, конечно. Хотя у него, кроме школьной формы, ничего не осталось, да? Мы деньги пошлем, там ему новую подберут, местного пошива… А про его болезнь я тебе сто раз объяснял: от дури только жизнь лечит». — «Я все-таки считаю — повременим до Нового года. Может, что-нибудь изменится?» — «Значит, так, мать. Все уже договорено. Ты же знаешь: ответное письмо пришло, там готовятся принять нашего умельца. Ему голову быстро подлечат, сделают из парня настоящего мужика, ручаюсь». — «Такого, как ты, что ли?»

Мимо носа пролетел окурок. После чего родители захлопнули рамы. Вот тебе и суббота! Вместо того чтобы отдыхать по-людски, они какой-то зверский сюрприз мне готовят! Отец явно собрался меня в колонию засадить, а мать присматривает коечку в сумасшедшем доме! Просто жуть.

Короче, домой идти было нельзя. Пригнувшись, я добежал до торца здания, а там, привычно озираясь, марш-броском к остановке. Куда теперь? К Алексу бесполезно, сразу найдут: его мамаша вместе с моей на курсах вязания личную жизнь ведет. Вернуться обратно к подъезду и поселиться у Мерецкой, прямо над головами у родителей? В этом случае моя мама окажется права: мне надо делать операцию на мозгах… А больше идти некуда, список друзей иссяк. Есть еще Шурик в Москве, но до него не добраться. Милиция назад завернет, и будет новая статья — попытка к бегству… А вообще, неужели они меня действительно хотят в тюрягу определить? За что?! Что я такого сделал?! Я, конечно, понимаю — всегда найдется за что, но все-таки… Эх, родители, что с вами сделали поганые вещи! Всего за два месяца упорядочили. И теперь, оказывается, я лишний вам стал. Это конец… Куда же податься, куда?

В голове вдруг словно щелкнуло. У меня новый кореш объявился, как это я забыл! У него, пожалуй, вполне можно пересидеть до вечера. Ведь он сегодня так горячо приглашал к себе в гости, что…

Часть 2
НОВЫЙ ДРУГ

8

…прочувствованно сказал:

— Решив прийти ко мне, ты выбрал наилучшую схему поведения. Если хочешь, оставайся у меня хоть до понедельника. Изучай аппаратуру, пока у тебя восприятие свежее.

Саша сидел в гостях у Хлумова и кушал. Хозяин угощал его цейлонским чаем и китайской тушенкой, проницательно усмотрев в глазах гостя голодный блеск. На эти выходные Хлумов остался один: папа пребывал в заграничной командировке, а мама вчера улетела в Адлер немного позагорать, собираясь вернуться в понедельник прямо на работу. Родители вполне доверяли Хлумову — и квартиру, и все, что в квартире, и вообще.

— Ну, там видно будет, — по-светски небрежно ответил Саша. Но в душе ужасно обрадовался. Совершенно неожиданно он нашел желанное убежище, да еще какое! Причем не понадобилось даже делать постыдное признание в том, что он сбежал из дому и что ему просто-напросто некуда деваться. Саша объяснил Хлумову причину своего появления естественным интересом к персональному компьютеру, ведь у него в доме скоро должен появиться точно такой же. И как выяснилось, этого для одноклассника было вполне достаточно. Хлумов поправил только: «Точно такой же компьютер не появится. У нас очень дорогая модель и потому редкая для нашей страны. Импортная, разумеется» — «Мой папа тоже барахло покупать не станет», — почему-то обиделся Саша.

По дороге к главе «биржи» Токарев понял: с этого неприятного похода можно поиметь кое-что не менее важное, чем просто возможность пересидеть житейскую бурю. Вдруг ему удастся выудить из хлумовского компьютера хоть какие-нибудь сведения, касающиеся Системы? В конце концов, надо с чего-то начинать поиски штаба вражеских сил! Во-вторых, он не наврал Хлумову: его действительно интересовал компьютер сам по себе. Полезно было заранее разведать повадки этой «сложнейшей техники, к которой поганца Сашку и подпускать-то нельзя», по выражению Токарева-старшего.

Гость наконец отвалился от стола, расправившись с деликатесами, и сытым голосом спросил:

— Ну как, много денег ты дал Жарову за бутылки?

— Петр Жаров, к сожалению, не понял нашего принципа, — погрустнел Хлумов. — Деньги лишь средство для достижения общей цели. Кто не согласен с этим, тот не может быть с нами.

К хлумовской манере изъясняться надо было привыкнуть. После минутного обдумывания Саша догадался:

— А-а! Так вы Барабана надрали?

— Почему? Сданные бутылки были возвращены владельцу. Зачем мне их покупать? Деньги из нашей кассы предназначены ведь совсем для другого.

Саша представил себе потного Жарова, который тащит обратно проклятую сумку — плачет, а бросить жалко. Вспомнилась известная картина «Бурлаки на Волге», и, не сдержавшись, он захихикал.

— Зря смеешься, — строго заметил Хлумов. — Деньги расходуются не на мороженое или на кино. А только на цели Всевключа.

— Какого севключа? — удивился Токарев.

— Слушай меня внимательней. Говорю по слогам: Все-включ, что сокращенно означает…

Хлумов не успел закончить объяснение: неожиданно из прихожей прозвучала трель соловья. Он встал и выудил ногой из-под стола роликовую доску.

— Извини, кто-то звонит в дверь. Пойду взгляну. Оттолкнулся и, ловко виляя задом, выкатился из кухни.

Послышались голоса: «Опять ты? Я же четыре раза втолковывал…» — «Слушай, Хлумов, тебе нравится моя куртка? Бери, у меня еще есть». — «Подожди, Лена, не снимай. Я что, похож на кретина? Представь, что сделают твои родители, когда ты вернешься без части одежды? Максимум через полчаса они будут здесь».

Без сомнения, пришла Лена Печкина. Токарев тяжело поднялся и пошел культурно поприветствовать подругу детских игр. Застигнутая им сцена была достойна заголовка «Их нравы». Печка, всхлипывая, пыталась вылезти из куртки, а Хлумов деловито запихивал девочку обратно, одновременно вытесняя ее за дверь. Заметив Токарева, хозяин отошел в сторону, невозмутимо покашливая. Гостья стащила верхнюю одежду и тоже увидела Сашу.

— Токинг! — закричала она. — Как здорово, что ты здесь! Скажи ты ему, скажи! — От радости она даже захлопала в ладоши.

Саша растерялся:

— Чего сказать-то?.. Ты, это самое, Хлумов, не надо. Ее-то зачем?

— Скажи ему, чтоб куртку взял. Или пускай в долг разрешит. Я отдам, ты же меня знаешь!

— Действительно, Хлумов, — согласился Саша, — я ей в прошлом месяце пласты давал. Так она даже вернуть хотела… Я их, правда, ей тогда подарил.

Они выжидательно посмотрели на Хлумова. Тот ответил не сразу. Будто бы прислушался к чему-то.

— Ладно, Печкина, раз Токарев за тебя поручился… Попробую поставить на завтра. Если не хочешь увеличить свой долг, можешь принести пластинки. Это очень хороший ресурс, очков много получишь. А теперь до свидания, Лена.

Милостивое разрешение не вызвало восторга, как можно было предположить. Она покачнулась и, чтобы сохранить равновесие, привалилась спиной к дверному косяку. Руки у нее внезапно затряслись — она сцепила их в замок.

— Хлумчик, я не могу завтра, — тихо сказала она. — Мне сегодня надо. Позарез, Хлумчик.

— Об этом не может быть и речи. — Хозяин недвусмысленно указал рукой на выход. — Завтра жду с нетерпением.

Печкина оторвалась от косяка.

— А вот никуда я и не пойду, — заявила она капризно и вдруг задрыгалась. — Хлумов, хочешь, потанцуем? Смотри, как у меня красиво получается. Сашка, ну скажи ты ему хоть что-нибудь! Тащите музон, сейчас дискотеку устроим, не пожалеете.

— У тебя одной это лучше получится, — усмехнулся Саша и подначил: — А что, на столе не слабо сплясать?

Печкина сразу посерьезнела, замерла. Огляделась:

— На каком столе?

— На кухонном, среди тарелок, — Саша засмеялся, поддерживая шутейный разговор. — Только калоши не забудь снять.

— Хорошо, — легко согласилась Лена. На всякий случай уточнила: — Хлумов, так ты пропустишь меня сегодня без очереди?

— Елена Петровна, я тебя официально предупреждаю… — В голосе хозяина прорезался металл. — Еще тридцать секунд недостойного поведения, и я поставлю вопрос о твоем исключении из Всевключа. Внимание, время пошло.

Для наглядности он поднес часы к ее носу. Это был крах надежд! Лена тут же скисла и поволоклась к дверям, бормоча:

— Что же делать?.. Что же делать?..

— Иди домой, покушай, почисти зубы и ложись спать, — предложил Хлумов.

— Гады… Несла хорошую вещь, думала — он человек…

На лестнице она гулко зарыдала. Хлумов вдруг спохватился:

— Куртка!

Он сгреб забытую одежду и стремительно бросился на лестничную площадку. Раздался его возглас: «Печкина! Подберешь внизу, бросаю!» Затем щелкнули замки — Хлумов вернулся в квартиру.

— Только что приняли ее, а уже так себя ведет, — горько заметил он. — Нет, с кадрами надо работать тщательнее.

— Ты принял ее в свою шарагу? — поинтересовался Токарев.

— Не шарага, а Всевключ. Я начал тебе рассказывать про наше общество, но Печкина мне помешала. «Всевключ» сокращенно означает «Всеобщее Включение». Это совместное использование детьми Единого Источника Знаний, то есть ЕДИЗа.

Внеся ясность, он замолчал. Токарев устало вздохнул:

— Объяснил называется… Ты лучше скажи, чего Печкиной-то все время нужно?

— Лена Печкина, к сожалению, хотела всего-навсего поиграть с компьютером. Настоящая работа с ЕДИЗом ее не интересует. Как, впрочем, и работа с ресурсами. Вот она и таскает всякое барахло, чтобы заработать положенное число очков.

Хлумов нащупал ногой роликовую доску, принимая стартовую позицию.

— Саша, мы можем пройти в папин кабинет, я покажу тебе ЕДИЗ. Изучишь клавиатуру, узнаешь, как надо…

9

…узнал называется. Туман уже перед глазами. Как там в хлумовской инструкции сказано насчет тумана, ну-ка?.. Вот! «Если боковое зрение перестает воспринимать реальность в полном объеме, нужно выйти из игры нажатием клавиши „BREAK“ („СБРОС“) Для снятия психического напряжения следует повращать глазами, потереть мочки ушей и кончик носа. После чего обратиться к начальнику машины, то есть ко мне, с рапортом: „Номер такой-то игру закончил!“». Смешная у Хлумова инструкция — два десятка таких вот пунктов. Он сам ее сочинял, а потом с помощью штуковины, приделанной к компьютеру, напечатал… Вообще-то, я заигрался, увлекся, как свинья у помойки. Три часа просидел, в экран пялясь. Уже второй час ночи, а я еще и не пробовал прощупать этот электронный ящик! Ладно, воскресенье впереди, успею…

А Хлумов вел себя вполне прилично. Привел в отцовский кабинет, усадил перед своим хваленым ЕДИЗом, который оказался тем самым компьютером, и смылся. Дрыхнуть пошел.

Дозволил играть без его присмотра — пока интереса хватит. Технику, мол, и выключать не надо, сама загаснет, если десять минут на клавиши не давить. Автоматика!

Значит, так, «BREAK» нажал, — по идее, игру закончил. Пойду-ка теперь оценю диван. Зря, что ли, там подушка и плед? Опять же Хлумов заботу проявил… Ой, пол почему-то качается! Хорошо хоть, койка рядом. Вот она, подруга моряка…

А игры, между прочим, у этого ЕДИЗа здорово заразные, сволочуги, затягивают покруче, чем мои когда-то. Особенно последняя. Что-то в ней такое есть, родное и близкое. По экрану бродят зеленые человечки — «свои» — и бесцветные треугольнички — это уже «враги». У одного из человечков дубинка — он среди «своих» главный. «Свои» очень глупые, они расползаются из домика по полю, не замечая «врагов», а те присасываются к ним и мало-помалу делают бесцветными. Главный обязан загонять человечков обратно в дом, а треугольники превращать ударом дубинки в кляксы. Причем обесцветившиеся становятся «предателями», они прилепляются к главному и мешают ему двигаться…

Стоп. Куда это я проваливаюсь? Или я так засыпаю? Ладно, потом разберемся. Я…

10

…открыл глаза и закричал. Прямо над ним висела физиономия Хлумова. Физиономия жутко светилась в полумраке. Четким движением он спрятался под плед и уже оттуда спросил:

— Хлум, ты что?

— Без пяти восемь, Токарев.

Саша откинул покрывало.

— Слушай, так это ты у меня в голове ковырялся?!

В нем забурлило возмущение. Действительно, как не возмутиться! Ночью черт знает что творилось, до сих пор во лбу ломит. А тут пугают ни свет ни заря. Подушку забрать хочет, что ли?

— Тебе, Саша, очевидно, сон плохой приснился, — вежливо предположил Хлумов. — Просто мозг перевозбудился с непривычки. Для полноценной работы с ЕДИЗом необходимо тренировать психику.

Токарев немножко успокоился. В самом деле, ляпнул спросонья. Оно и понятно, спал всего шесть часов, к тому же с кошмарами. Всю ночь отчетливо чувствовал, что его голова открыта, как шкатулка, и чья-то рука там шарит, перебирает… Конечно, Хлумов здесь ни при чем, не хирург же он по части

мозгов!

Саша окончательно пришел в себя. Выяснилось, что хлумовская рожа вовсе не сияет сама по себе — это на нее падает свет из коридора. И на часах действительно восемь. Заурядное воскресное утро. Спать да спать еще.

— Ты чего в такую рань? Соскучился?

— Время вставать, Саша.

Боится, что диван испортится? Он снова возмутился:

— В школу же по воскресеньям не ходят! Или спущен новый приказ?

— Ты выдвинут мной в актив. А сбор актива в девять. Я уже полчаса на ногах, вводил твои данные в ЕДИЗ. У тебя теперь свой раздел есть, в который никто не имеет права влезать. Пароль «ТОК», пользуйся.

Вот так новость. Не спросясь, записывают его в мафию! Даже раздел какой-то завели…

— Не понял, Хлумов. Какой еще раздел? Чтоб играть, когда хочешь?

Одноклассник улыбнулся краешком рта:

— Чтоб работать, когда надо, Саша. Введешь туда нужные для жизнедеятельности тексты, программы, статистику. А сейчас вставай, у нас всего сорок пять минут.

— О! Как раз для успешного завершения ночного сна.

— Ошибаешься, Саша, нам еще предстоит завтракать. Кушать надо внимательно, тщательно пережевывая пищу.

Если бы Токарев раздетый лежал, то наверняка послал бы его подальше. А так — достаточно ноги спустить, и ты уже пионер, ко всему готовый. Выполз он из-под пледа и пошел на кухню — тщательно пережевывать хлумовскую пищу. Мысли о том, что его вербуют в мафию, отложил на время. Решил посмотреть, как дальше дело пойдет.

Хлумов работал челюстями быстро и надежно, как хомяк. Токарев сидел за кухонным столом напротив хозяина и наблюдал, борясь со смехом. На каждые десять жевков тот делал одно проглатывание. Естественно, что и в беседу не вступал — на Сашины попытки заговорить лишь тыкал вилкой в плакат: «Каждое слово — это потерянные калории!». Только покончив с завтраком и шумно прополоскав рот под краном, он заговорил снова:

— Родители у тебя когда встают?

Саша прикинул:

— Папаша, наверное, уже сел видеомагнитофон проверять, не заработал ли.

— Думаю, тебе целесообразно позвонить домой. Ты же вчера

не предупредил родителей, что остаешься здесь до утра? Скорее всего они вообще не знают, что ты находишься у меня, иначе еще вчера пришли бы за тобой. Следовательно, ты ушел из дому без разрешения.

Все было разложено по полочкам! Так верно, что хотелось дать ему по морде… А словечко это — «целесообразно» — просто убивало. Два месяца Токарев его не слыхал и надеялся больше не услышать…

Не успел Саша набрать номер и вякнуть в трубку: «Мама!», как на него обрушился поток причитаний и выспрашиваний: где он, с кем, как посмел и так далее. Ему сообщили, что папа уже обегал всех его «дефективных приятелей» (с чем нельзя было не согласиться) и допросил их с пристрастием. А папу допросили в милиции, куда он заявил о пропаже ребенка. На прямые вопросы Токарев вежливо отвечал, не указывая своего местонахождения: «Да у товарища, вы его все равно не знаете!», но это почему-то не помогало. Чтобы сменить тему, он поинтересовался, чем сегодня будут пороть — рейсшиной или, как обычно, журналом «Огонек». Папа обнадежил, пообещал, что применит только старый добрый флотский ремень… Саша не очень-то вслушивался в их горячие речи, пока мама не стала защищать его многострадальную задницу от папиных посягательств. При этом она употребила странную фразу: «Нельзя его пороть, ему же в сидячем ехать». Тут и Токарев оживился: куда ему в сидячем?! Выяснилось, что вчера принято окончательное решение отправить ребенка в Псков, под негласный надзор бабушки и прочей папиной родни. На годик-другой, а там в морское училище, на казенные харчи. Климат-де в городе сырой, воздух и вода загажены, всюду компании распущенные, и от этого — болезни, заторможенность в умственном развитии и, самое главное, полная Сашина невоспитуемость. В общем, светила ссылка в незагаженную местность, как Пушкину в свое время. Услышал Саша такое и ужасно обрадовался! Даже «спасибо» сказал. Думал ведь — в тюрягу, в колонию или в «психушку» его оформляют. А у бабушки жить можно. (Хотя она покруче будет, чем папа, все-таки капитан милиции в отставке.) И Псков не деревня. Наоборот… Токарев набрал побольше воздуха:

— Псков — это город, центр Псковской области РСФСР, расположен на реке Великая, узел железнодорожных линий — на Ленинград, Вильнюс, Бологое, Ригу — и шоссейных дорог…

11

…Долдоню прямо в телефон, подробненько — про

железнодорожные линии, про псковские дороги, про население. Вся эта белибердовина возникла у меня в голове сама по себе, сразу после маминого сообщения о моей высылке. Во лбу будто зажглась лампочка и осветила справочную панель, вроде тех, что на вокзалах. Панель листается, а я читаю: «…развита также легкая, особенно льнообрабатывающая, и пищевая промышленность…» Читаю и думаю: ага, жратва есть, без одежки не останусь. А потом с гордостью закончил: «На 1 января 1974 года в Пскове было 11 больничных учреждений на 2,8 тысячи коек, что составляет 0,02 койки на одного жителя!» Моим знаниям удивились и мама, и папа, и особенно я. Только стоящий рядом Хлумов согласно покивал головой: правильно, мол, без ошибок. Мама стала меня успокаивать. «Зачем, — говорит, — тебе койка в больнице, ты у нас пока здоровый, а в Пскове и вовсе возмужаешь». И папа пошутил слегка невпопад: «Только не женись сразу, там девки хваткие».

Разговор закончился быстро. Причем неожиданным образом — Хлумов вынул у меня из руки телефонную трубку и сказал механическим голосом: «Внимание, извещение узла связи. Номер отключен, номер отключен, номер отключен…»

Затем нажал на рычаг. Я посмотрел на него с восхищением, а он пояснил:

— Времени осталось ровно столько, чтобы средним шагом дойти до места. Не забудь, тебе нужно внимательно наблюдать за обстановкой на улице.

Меня что-то насторожило в его словах, но я был слишком ошарашен своими невесть откуда взявшимися познаниями о Пскове и поэтому не стал уточнять. Случившийся со мной приступ неестественной болтовни очень напоминал «отходняки», которыми я страдал не так уж давно! Тогда в меня пытался вселиться телевизор. А сейчас что со мной? И сон был подозрительный, как я сразу-то не сообразил! Но ведь ночные ковыряния в моей голове вовсе не означают, что меня пытались упорядочить, — просто поковырялись и захлопнули крышку… Ничего не понимаю.

Спохватился я, только выйдя из дома:

— Хлумов, с чего ты взял, что мне по улице ходить сложнее, чем другим? Что там тебе натрепали про меня?

— Я пользуюсь информацией из надежных источников. Если бы источники были ненадежными, то лежать тебе под малярной люлькой в расплющенном состоянии, что серьезно повредило бы твоему здоровью.

Черт, прямо в «яблочко»! Я даже поежился. И откуда он все знает? Я спросил:

— Хлумов, скажи, только честно: и откуда ты все знаешь? В разведке работаешь?

— Я работаю на Всевключ, говорил же тебе. Всевключ предоставляет каждому отдельный информационный канал. Я пока что умею пользоваться этим средством лучше остальных.

Опять темнит! Что ни фраза, то какой-то намек, полунамек— попробуй разберись. Я обиделся и остаток пути молчал. Следил за пейзажем — не подстраивается ли где-нибудь бяка. Система-то не дремлет, понимаешь. Все было тихо. Правда, это не показатель безопасности. Но и напряжения в воздухе не чувствовалось, у меня ведь нюх развился, как у дикого зверя. Может, рыжий так успокаивающе действует на агрессоров? Тогда он выгодный спутник, хоть его и не любят мои чистенькие друзья.

Когда я увидел рожи одноклассников на фоне гаражей, догадался: мы пришли Их было семеро, как гномов из сказки, восьмым стал Белоснежка Хлумов. Прямо скажем, мои не самые любимые коллеги по учебе. Увидев нас, они слаженно выстроились в линейку, кто-то скомандовал: «Товарищи подключенцы, смирно!» Хлумов демократично махнул рукой, дескать, вольно. Линейка распалась, образовался полукруг. Этот самый актив начал работу. Первым заговорил Тугаринов — есть у нас в классе такой акселерат, ростом даже выше Алекса и толще Жарова. Выяснилось, что его звено обнаружило вчера возле углового дома на Будапештской ресурс типа «холодильник» категории «выброшенный устаревший». Вчера же вечером ресурс был слан человеку из списка «посредники и приемщики». При переноске пострадал Иванов, точнее, его нога, и ему следует начислить на пять очков больше. Затем поочередно рапортовали остальные члены актива. Например, Сутягин наплел про каких-то «недожатых пенсов», которые, владея большими бутылочными ресурсами, не желают с ними расставаться даже в обмен на расширенный объем услуг, и потребовал разрешения применить к ним меры особого воздействия. Хлумов скрепя сердце согласился. Глядя на радостно хихикающего Сутягина, я подумал, что «меры особого воздействия» — это запущенный в окно кирпич. Потом Хлумов, не называя виноватых, но многозначительно поглядывая на них, осудил разгильдяйство при сборе бутылок на помойках. В последнее время, мол, попадается непозволительно много битых, до двадцати процентов. И предупредил, что с сегодняшнего дня за каждую битую бутылку будет сниматься по очку. А на возмущенные вопросы ответил, что это далеко не личное дело сборщиков, поскольку страдает много рядовых членов Всевключа, переносчики зря тратят энергию, мойщицы зря тратят мыло, сдатчики незаслуженно оскорбляются на пунктах приема, а

бутылки так и не реализуются…

Нет, здесь точно шизики собрались! На полном серьезе ведут с мусором пионерскую работу и даже разговаривают друг с другом на каком-то дебильном жаргоне. Очень часто повторялась фразочка «условия соцсоревнования». Кому-то эти условия нравились, кому-то нет. Недовольные обращались к Хлумову с предложениями, называя его «товарищ начальник машины», а Хлумов не уставал дружелюбно поправлять: «Ребята, здесь я просто секретарь актива». Затем рассматривалось персональное дело Лены Печкиной. Хлумов поставил вопрос, основанный на ее личной просьбе: о переносе очереди на пораньше. И добавил, что он в принципе не против такого рода поощрений. Вот тут актив встал на рога! Беседа сразу вышла за рамки, правильный полукруг смешался в буйную толпу. Мало того, что активисты орали на Хлумова: «Подумаешь, попросила!.. Все хотят!.. А я как же, я ведь тоже больше терпеть не могу!..», они почему-то начали выяснять отношения и между собой. Сборщики покатили бочку на сдатчиков: «Одни в любую погоду, подвергая себя опасности, ползают по свалкам и вонючим квартирам, а другие отдыхают в очередях, почитывая руководства по программированию!» Представительница мойщиц Кухаркина заявила, всхлипывая, что мойщицы самые обиженные: расценки низкие, хоть целый день корячься, а очков получишь с гулькин нос. Дело дошло до того, что разъяренный Тугаринов залепил Сутягину в ухо, не поделив с ним территорию. Сутягин отошел в сторону, сел на корточки и захныкал. Два переносчика, крепкие ребята, повалили за это Тугаринова на асфальт с помощью подката и, взявшись за руки, встали на него, не давая подняться.

Хлумов страшно разволновался. Я его первый раз таким увидел. Он рявкнул: «Хватит! Информационные каналы фонят!» Даже голос у него изменился, стал каким-то звенящим, незнакомым. Никто не обратил внимания: продолжали заниматься своими «разборками». Тогда он резко обернулся, вскинул руку и неестественно звонко щелкнул пальцами. Морда у него вытянулась, как у хорька, — жуть, меня аж передернуло. Два здоровых парня, которые играли в ножички метрах в двадцати, снялись с места и быстро направились к нам. Это были восьмиклассники из нашей школы, я их давно приметил, только решил, что никакого отношения к Хлумову они не имеют. Парни подошли улыбаясь. На плечах у них зачем-то висели полотенца. Мыться собрались, что ли? Но полотенца им понадобились совсем для другого дела: они вклинились в толпу, скрутив на ходу толстые жгуты, и начали хлестать направо-налево. Хорошо, что я сразу отошел, а то влепили бы не глядя! Чухи были будь здоров, у

крысенка Сутягина чуть голова не отвалилась. Порядок вернулся быстро. Образовалась линейка, раздалась команда: «Товарищи подключенцы, смирно!», Хлумов стал зло прохаживаться вдоль строя. Два восьмиклассника встали за спинами скисших активистов, жуя резинку и лениво поигрывая полотенцами. Я отодвинулся еще на пару шагов: мало ли что? Хлумов остановился, поднял голову и заговорил…

12

…— Товарищи! — Голос его сорвался. — Друзья! В час, когда решается наша судьба, когда мечта так близка к воплощению, вы своими руками рушите все, что было создано ценой огромных информационных и энергетических затрат! Вы подрываете саму возможность существования каналов, этих артерий нашего единого организма… Мне стыдно за вас.

В ответ раздались нестройные возгласы:

— Прости нас, Хлумов… Мы больше не будем…

— Я-то прощу. Я много раз вас прощал, а что толку? Море хаоса обступает нас со всех сторон, я уже не в силах удерживать его в одиночку. Кроме того, множатся и крепчают явные враги. Сколько раз вы жаловались мне на банды конкурентов, которые отбирают ресурсы, наносят оскорбления и побои? Заметьте, мы не можем противостоять этим варварам, работающим исключительно ради денег, этим мелким стяжателям, не имеющим светлой цели. А почему? Они бьют нас организованностью и выучкой. Теперь же вы хотите подорвать наше дело изнутри! В таких условиях я вынужден уйти в отставку.

Он поднял воротник курточки и горестно сгорбился.

— Мы оказались недостойны великой цели. Я ухожу, прощайте. — Повернулся, но никуда не пошел.

Все принялись взахлеб просить Хлумова остаться, даже покалеченные полотенцем. А Кухаркина вообще выбежала из строя и попыталась поцеловать у него руку. Но тот не позволил, отпихнул руководительницу мойщиц и, растроганный, повернулся обратно.

— Ладно, друзья, остаюсь. Только ставлю вас в известность: я отменяю демократические формы управления, как не отвечающие сложности момента, и ввожу чрезвычайное положение. Отныне вопросы очередности, начисления очков, приема и расстановки кадров переходят в ведение секретаря, то есть меня. Кто-нибудь хочет возразить, добавить?

— Предлагаю дополнить список полномочий секретаря! —

звонко воскликнула пионерка Кухаркина и подняла руку. — Чтобы наш дорогой начальник машины мог единолично наказывать сборщиков!

— И мойщиц тоже! — взвились присутствующие сборщики.

Хлумов свел брови, делая вид, что крепко обдумывает это предложение. Наконец кивнул…

«Вождь хренов! — усмехнулся про себя Токарев. — Устроил спектакль. На дурака всю власть заграбастал… Вообще-то, Хлумов молодец, на вид сопляк сопляком, а два десятка лбов каждый его плевок ловят. Плюс восьмиклассники какие-то. Хорошо бы и мне так научиться толпу заводить, чтобы все за мной пошли против вещей драться. И Алекс, и Мерецкая…»

«Товарищ начальник» тем временем раздавал подчиненным листы бумаги. Токарев успел заметить, что на них чего-то напечатано, да еще как — на компьютере! Ему стало интересно, он подошел к Сутягину:

— Дай-ка сюда! Да посмотреть, не боись, трухлявый! Тот сразу спрятал бумажку за спину.

— Это задание на сегодня. Посторонним показывать не положено.

Хлумов громко сообщил с другого конца строя:

— Токарев не посторонний. Своими полномочиями принимаю его во Всевключ и в актив одновременно. Он будет заниматься особыми операциями. Токарев, задание на сегодня получишь от меня устно.

Саша присвистнул. Неужто им здесь командовать собрались? Э-э, нет, рожа треснет! Хотя, конечно, «особые операции» звучит солидно. Это уже для его уровня. Листовки, например, сочинять. Или консультировать по вопросам фантастики и другого искусства — есть же такое, в чем Хлумов не блещет.

Актив закончился. Саша направился к «товарищу начальнику» — разбираться с заданием. По пути не удержался, наступил Сутягину на ногу, толкнул плечом: «Подвинься, отличник, всю дорогу загородил!» Ничего, пусть знают, что Токарев огибать их не собирается. Сказал Хлумову:

— Ну как, послал свои полчища пенсов истреблять?

— Что ты, у нас с товарищами пенсионерами дружественные деловые контакты! Они нам — ресурс, а мы им — равнозначный объем услуг: магазин, прачечные, уборка помещений и тэ-дэ… — Он взял мастера по особым операциям под руку. — Подожди минуту, Саша, сейчас все разойдутся.

Последней ушла хлумовская милиция — восьмиклассники с полотенцами. У гаражей осталось только двое. Токарев подумал: «А вот интересно, если сейчас врезать ему по зубам, кто-нибудь

прибежит на помощь?» Хлумов будто уловил такие мысли и поспешно отодвинулся. Извини, что я при всех сказал про задание. Конечно, ты не подчиненный мне, а друг и союзник. И не задание у меня, а просьба…

— Какому-нибудь пенсу нос вытереть? — перебил его Токарев. — Или воду у него в туалете спустить?

— Разве такого человека, как ты, можно просить о подобной ерунде? Для тебя есть работа серьезная, чистая…

Часть 3
НАЕМНЫЙ УБИЙЦА

13

…Чисто сработано! Из окна повалил дым. Черный, жирный, казалось — по нему можно шагать, слегка утопая кроссовками. Какая-то женщина истошно завопила: «Там горят! Да горят же!» В окне снова появилось лицо того самого парня, только на сей раз оно не сияло здоровым румянцем, а было прокопченным, с потеками от слез. «Огнетушитель, товарищи!..» — Он закашлялся и исчез в клубах дыма. Токарев спросил у Хлумова:

— Колонки тоже демонтировать?

— Давай, только одну, — подумав, ответил тот. — Энергию необходимо расходовать рационально.

Колонки стояли на подоконнике динамиками наружу, чтобы всему кварталу было весело. Правда, они уже не извещали каждого прохожего, что «рок-н-ролл мертв, а я еще нет», по причине безвременной кончины магнитофона. Просто хрюкали, как две перепуганные свиньи. Саша Токарев на секунду закрыл глаза, сосредотачиваясь. Возникло ощущение, будто вокруг позвоночника раскручивается вихрь, который поднимается вверх и врывается в голову. Он открыл глаза. Пробуждение энергии прошло успешно: мир был другим. Все окружающее утратило внешний вид — дома, машины и прочие предметы стали клетками различной формы и цвета. Маленькие образовывали большие, большие были поставлены друг на друга — в общем, они представляли собой гигантскую запутанную конструкцию, внутри которой что-то перетекало. А высоко-высоко была натянута сеть — так выглядело небо. Саша умело выделил в этом хитросплетении левую колонку, невзрачную клетку с пульсирующим внутри студнем, и выпустил из себя вихрь — точно в цель. Студенистое существо под напором вихря мелко задрожало, схватилось за решетку клейкими отростками, но было вынесено вон. Перед глазами поплыло..

И прежний мир вернулся. «Для такой сопли достаточно было меньшей дозы…» — озабоченно подумал Саша. Мысль прервал жалкий вопль: «Да что же это! Колонка тоже!» Из левой колонки выбивались язычки пламени, жутко воняло жженой пластмассой — дело было сделано. В окне металась черная физиономия с разинутым красным ртом: «Две тыщи рублей! Две тыщи!..»

— Назад! — вдруг сказал Хлумов. — Здесь стоять опасно.

Токарев не стал спорить. Почувствовал — надо отойти.

У него даже макушка зачесалась — самый надежный барометр. И действительно, стоило переменить место, как через подоконник перелетел горящий магнитофон, оставляя в воздухе дымный след. Будто подбитый самолет. Он утянул за собой оба динамика. Маленький взрыв, и бытовая радиоаппаратура превратилась в россыпь тлеющих деталей. Следом в окне появился бывший владелец бывшего магнитофона. Превозмогая душевную боль, он объяснил неизвестно кому:

— Короткое замыкание! Пришлось выбросить, надо же…

— Да, хороший магнитофон у вас был, есть о чем сожалеть, — принес соболезнования Хлумов. — Зато теперь нам не мешает громкое звучание записей и мы можем поговорить на интересующую нас тему.

— Пошел вон, шкет, не до тебя, — огрызнулся парень. — Видишь же, горе у меня!

— Кстати, то, что вы называете коротким замыканием, может случиться и с вашим телевизором, видеомагнитофоном, проигрывателем. Причем сейчас, немедленно. Я же вчера вас предупреждал, помните?

На лице парня отразились разные чувства — от недоверия до страха. Он со слезой оглядел обломки и надломленно произнес:

— Видеомагнитофон… Ладно, заходи минут через пять. Мне еще надо умыться и переодеться в чистое.

Отошел от окна. Из глубины комнаты донесся глухой возглас: «Да где ж тут чистое найдешь!»

— Подожди меня здесь, пожалуйста, — попросил Хлумов. — Я думаю, много времени не понадобится. — И юркнул в подъезд.

Саша проводил взглядом нового друга, прислонился к стене дома и вытер испарину. Ему требовалась минута-другая, чтобы восстановить силы, — как обычно. Он глубоко вздохнул и с обличением убедился, что угрызения совести его не тревожат. Действительно, наглый студент сам во всем виноват! Хлумов еще у гаражей рассказал про его гнусное поведение, а теперь Саша на собственном опыте убедился, какая это сволочь. Не захотел даже разговаривать! Пришли к нему, как к человеку, а он Хлумова в окно увидел, врубил музыку на полную и стал демонстративно балдеть. Само собой, и двери не открывал, и на призывы не откликался — якобы не слышал. Токарев был так возмущен, что вмазал бы по его супераппаратуре и без хлумовской просьбы.

— Порядок, — улыбнулся появившийся Хлумов и показал пачку денег. — Я ему объяснил ситуацию, сказал, что ты экстрасенс и не дашь нас в обиду. Он немножко струсил… В общем, я не буду его вычеркивать из списка «приемщики и

посредники».

— Я бы его в список «козлов» занес, но дело твое, — сказал Токарев. — Куда идем?

— На автостоянку, я же тебе говорил.

— А-а, того гада поджидать…

«Того гада» пришлось ждать недолго, минут двадцать. Хлумов, как всегда, рассчитал точно. В двенадцать начинала работу компьютерная игротека для детей — где-то на Охте, — и ее распорядитель должен был прийти за своим автомобилем максимум в полдвенадцатого, чтобы ехать на работу. Жил он в доме напротив стоянки. Вина же его заключалась в том, что он зажилил десять маленьких дисков — так называемых дискет, — предназначенных для ЕДИЗа. Этот человек, будучи всего лишь «посредником», взялся достать тридцать дискет, но отдал только двадцать и остаток денег. Хлумов провел расследование, вышел на поставщика, который показал, что выполнил поставку в точности. Попытки забрать у начальника игротеки оставшиеся десять дискет окончились неудачей, — наверное, он нашел на них более взрослого покупателя. Пригрозил, что возьмет Хлумова за ухо и отведет в детскую комнату милиции, если еще раз увидит, и на том их любовь угасла…

— Вот он. — Хлумов тронул Токарева за плечо: улицу пересекал мужчина в черном кожаном плаще. — Встань за деревом. Операцию начнешь по моему сигналу.

И бросился наперерез:

— Вадим Петрович, а я вас жду!

Однако Вадим Петрович шагу не сбавил — шел мощно, как танкер. Хлумов стал отважно забегать ему под ноги и в итоге оказался на газоне лицом вниз. Правда, сразу встал на четвереньки, поднял лицо с прилипшим ко лбу листиком и как ни в чем не бывало прокричал:

— Вадим Петрович, зря вы не верите! Я ведь действительно меры приму — сломается ваша машина! Ремонт дорого будет стоить!

На что мужчина громко сказал, обращаясь к охраннику в воротах стоянки:

— Трофимыч, хватит ворон считать! Смотри, у тебя шпана под носом бегает. Камень через ограду швырнут, раздолбают что-нибудь, а отвечать-то тебе.

Трофимыч погрозил Хлумову пальцем:

— Ты это, малец… Не ходи тут, а то вишь как бывает.

Распорядитель детской игротеки по-своему понял угрозу Хлумова. Несколько раз обошел вокруг новеньких «Жигулей», постучал ногой по покрышкам, проверил стекла, двери, нырнул

под днище. Не обнаружив ничего подозрительного, он сплюнул и залез в кабину. Прогрел двигатель. Включил «дворники», потому что моросил осенний дождик. Наконец, поехал. У ворот тормознул, ожидая, пока поднимется шлагбаум.

Тут-то Хлумов и махнул рукой выглядывающему из-за дерева Токареву. Саша встрепенулся. Пришло его время! Он сжал кулаки, напрягся, на секунду прикрыл глаза, потом открыл и посмотрел на вражескую машину — будто выстрелил.

Через минуту владелец «Жигулей», чертыхаясь, выбрался из кабины и сказал неизвестно кому:

— Ничего не понимаю.

Почему-то отказали «дворники» — бессильно замерли на полпути. Но Вадиму Петровичу очень нужно было ехать: его ждали дети. Поэтому он протер тряпкой ветровое стекло, сел обратно и включил левый поворот, готовясь вырулить на улицу. Лампочка не замигала. Вадим Петрович заволновался, проверил правый поворот, габаритные огни, фары, звуковой сигнал. Сплошной отказ. Он заколотил кулаком по мертвому клаксону, не в силах сдержаться, и заорал: «Паскуда!» — так вдохновенно, что его было слышно за оградой.

Работал только двигатель, кряхтя, выплевывал через выхлопную трубу отработанные газы.

— Спортилось? — заботливо поинтересовался Трофимыч.

— Все равно поеду, — сказал неудачливый автолюбитель. — Проскочу как-нибудь…

И поехал, упрямо твердя: «Ничего, проскочу. Все равно поеду, ясно?» Выехав за ворота, он остановился, пропуская идущий по дороге транспорт. В этот момент к нему и подскочил до смерти надоевший пацан. Вадим Петрович стал спешно поднимать боковое стекло, но тот успел крикнуть:

— Эй, будьте осторожны! Сейчас опять что-нибудь случится!

После чего махнул рукой своему дружку, стоящему под деревом неподалеку. «Как неудачно начинается день», — подумал Вадим Петрович и нажал на газ. Дорога была уже свободна. Но машина почему-то поехала не вперед, как обычно происходит в таких случаях, а совсем наоборот. Рванулась назад, ударилась о распахнутую створку ворот и замерла, качнувшись. Посыпались фары, створка слетела с петель, багажник украсила похожая на шрам вмятина.

Охранник и водитель не сразу пришли в себя. Первым очнулся Трофимыч.

— Паскуда! — закричал он, использовав только что услышанное слово. Правда, на этот раз оно обозначало непосред ственно Вадима Петровича.

Распахнулась дверца, из взбунтовавшихся «Жигулей» стал медленно вылезать несчастный, обруганный автолюбитель. Единственный, кто пришел ему на помощь, был Хлумов:

— Вам дурно? Принести воды?

Вадим Петрович посмотрел на него пустыми глазами и зачем-то сказал:

— У меня же первая скорость была! Почему поехал в другую сторону? Слушай, наверное, коробка передач полетела! Или первая скорость — это теперь назад? Чего-то не могу вспомнить…

— Не волнуйтесь, первая скорость — вперед, — успокоил его Хлумов. — Я же говорил, что у меня есть товарищ, который ломает на расстоянии, а вы не верили. Уголовным кодексом, кстати, это не запрещено. Давайте, я вам помогу до дому дойти. Отлежитесь, в норму придете, заодно вернете мне дискеты.

— Послушай, дружок, — измученно вздохнул Вадим Петрович, — нету у меня твоих дискет. Меньше я их получил, меньше! Ведь я тебе деньги отдал! Хочешь, еще трешник подарю?

— Мне нужны дискеты, — терпеливо, как ребенку, объяснил Хлумов. — У меня производство. А дискет вам достали ровно пятьдесят, тридцать из которых для меня. Я вчера разговаривал с вашим знакомым. Если хотите, могу пленку прокрутить, я все на диктофон записал. Вы ведь у Евсюкова товар брали?

В деловой разговор неожиданно встрял охранник:

— Ты это, Вадим Петрович, не уходи покамест. За повреждение рассчитаться надобно.

— У меня машина!.. Ворота сломаны!.. — в отчаянии закричал пострадавший и сжал голову ладонями. — А он со своими дискетами! Экстрасенсов, понимаешь, нанял!

— Не расстраивайтесь так, Вадим Петрович, а то кровяное давление подскочит. — Хлумов нежно погладил капот. — Машина-то пока в хорошем состоянии.

Вадим Петрович взвился:

— Что значит пока! Я тебе дам «пока»! Не трожьте мою машину, мерзавцы! Отстаньте от меня, отстаньте…

— Шли бы вы, мальцы, мороженое кушать, — снова вклинился охранник. — Или в кино. Видите, человек не в себе.

— Ладно, Вадим Петрович, мы с товарищем вас подождем, — предупредил Хлумов и показал на дерево, где переминался с ноги на ногу заскучавший Токарев. — Вы примерно когда освободитесь?

— Они меня ждать будут! — визгливо хохотнул мужчина. — Да подавитесь вы… — Порылся в дипломате и швырнул в руки Хлумову нераспечатанную коробку. — На свои дискеты, змееныш.

— Спасибо, — сказал Хлумов. — Но имейте в виду, я вас

вычеркиваю из списка «приемщики и посредники»… Саша! — позвал он. — Можно идти, дело выполнено на сто про центов.

«Змееныш» подошел к беспрерывно зевающему «экстрасенсу», пожал ему руку, и вдвоем они направились к остановке троллейбуса. Вадим Петрович, с завистью глядя им вслед, изрек в пространство:

— Ну и детишки нынче! Люди будущего. Надо же, не взяли меня ни в приемщики, пи в посредники… Лет через пять, глядишь, я им уже квартиру с женой задолжаю. А через десять, Трофимыч, они нас с тобой к стенке.

Трофимыч вдруг обиделся:

— Мне, Вадим Петрович, без разницы, чьи машины стеречь. Хоть твои, хоть ихние. А тебя, милый мой, и так к стенке поставят. Ты ворота давай починяй, контра!

— Не ерзай, Трофимыч, договоримся. Пошли в конторку…

До остановки было метров двести. Хлумов вел Токарева, как больного, бережно поддерживая его за локоть. За талию тот не разрешил. Его очень беспокоило Сашино состояние, он подробно выспрашивал о количестве затраченной энергии и о времени, необходимом для восстановления. Но Токарев не знал, сколько сил он потерял, ему просто хотелось спать. Он отвечал примерно так: «Да ну, ерунда, энергии завались! Хочешь, спутник собью?», на что Хлумов реагировал совершенно правильно: «Это нецелесообразно, спутники приносят большую пользу народному хозяйству». В конце концов Саша перестал зевать, и Хлумов сразу успокоился.

— Слушай, зачем ты с этим типом связался? — полюбопытствовал Саша. — Попросил бы папашу, он бы тебе сто таких дискеток приволок из-за границы.

— Он мне уже привез, как раз сто штук. Но этого, разумеется, очень мало. Нам нужно достичь уровня в десять дискет на каждого подключенца. Просить отца больше нельзя: подумает, что я занялся спекуляцией. Вот и приходится иметь контакты с такими несерьезными партнерами…

Хлумов резко остановился:

— Тихо. Мы взяты под контроль.

— Какой еще контроль? — Токарев тоже остановился, удивленный. — Хлум, кажись, ты перегрелся.

Из кустов кизила вдруг выскочили четверо — перетянутые солдатскими ремнями, в одинаковых резиновых сапогах. Токарев обернулся назад с твердым желанием бежать. Но там стояли еще двое. Судя по царапинам на их лицах и сеткам с бутылками в руках, они шарили по кустам, выискивая брошенную стеклотару.

— Конкуренты, — шепнул Хлумов. — Пятиклассники из

триста восемнадцатой школы.

— Ну что, полялякаем? — раздался хриплый басок.

— Я вас слушаю, ребята.

— Не-е, это мы тебя сейчас послушаем! Ну-ка говори, почему твои козлы возле нашей школы лазают? Мы тебя предупреждали, что там наша земля. Забыл, рыжий?

Хлумов парировал:

— На так называемой вашей земле мы занимались делом, когда вы только и умели, что мяч по пустырю гонять. Работать вы научились у нас.

— Заткнись, учитель, — посоветовали ему.

Он легко согласился:

— Хорошо, тогда мы пошли.

Хлумов был совершенно спокоен. Токарев посмотрел на него, потом на радостные физиономии пятиклассников и с облегчением подумал: «Наверное, это его друзья, из какого-нибудь дурацкого списка». Кто-то из друзей попросил:

— Может, останешься, а? Мы тебе еще по морде не дали.

Все разом заулыбались, включая Токарева. «Ну точно, шутят», — решил он. Тут его и ударили. Правда, не по морде, а по затылку. Токарев обернулся, негодуя, и теперь уже получил в лицо. Перед ним были двое пятиклассников, которые перекрывали дорогу назад. Один потирал кулачок и мерзко хихикал, радуясь меткому удару, второй стоял по всем правилам боксерского искусства, вытянув левую руку вперед, правую же, согнутую в локте, держал перед прищуренным глазом и тщательно целился. Как понял Токарев, целился именно в него.

— Сопротивляйся, Саша, — по-прежнему спокойно сказал Хлумов. — Двое на тебе. Остальные четверо на мне.

«Остальные четверо» между тем аккуратно положили авоськи с бутылками, чтобы случайно не повредить, и двинулись вперед, злобно шмыгая носами.

Саша стал честно сопротивляться. Начал с того, что отпихнул кулак малолетнего боксера. Тот попал себе по закушенной сгоряча губе, зашипел от боли, втягивая воздух, и возмущенно крикнул.

— Ты что, дурак! Это нечестно!

А затем оттянул пальцами губу, пытаясь разглядеть ранку. Напарник щелкнул его по уху, и к нему вернулось мужество. Через минуту Токареву стало трудно. Пятиклассники работали слаженно: они расположились с двух сторон, и стоило Саше повернуться к одному, как другой остро атаковал его сзади. Было очень трудно…

Хлумов поступил неожиданно, если не сказать — странно.

Когда его окружили с четырех сторон, он упал на карачки, выставил одну ногу и завращался, как маховик, перебирая руками по земле. Противники попадали, словно кегли, не успев даже замахнуться. После чего никто так и не встал на ноги, чтобы достойно ответить: Хлумов действовал безошибочно и очень быстро. Скорость и точность его движений были явно выше нормы. Он ловко тыкал в лоб каждого желающего подняться, и тот беспомощно опрокидывался обратно. Он сновал между врагами, как челнок ткацкого станка, и валил их, валил… Они быстро обессилели. Наверное, из-за того, что слишком жутко дрался Хлумов. Скорее, не дрался, а функционировал. Даже Токарев и его оппоненты оглядывались на это диковинное зрелище. Наконец поверженные стали расползаться. Хлумов сразу остановился, медленно выпрямился. Затем развернулся в направлении оставшихся противников.

Пятиклассники между тем уже повалили Токарева и пытались протащить его по земле. Определив цель, Хлумов пошел, растопырив пальцы. «Мама! — раздался сдавленный возглас. — Во, машина прет!» Враги уронили трепыхающегося Сашу и бросились в кусты. Через секунду появились снова, выдирая велосипед, помчались по дорожке, разгоняя двухколесное спасательное средство. Они держались за руль с двух сторон, причем каждый в панике пытался запрыгнуть на сиденье. В итоге один оказался на раме, другой на багажнике. Токарев перевернулся на живот, затряс головой и закричал:

— Ну я сейчас вам!..

Он нашел глазами удирающий объект, сфокусировал взгляд и вмазал. Велосипед, дико скрежетнув, развалился на части. Колеса завиляли дальше, все остальное кувырнулось и ненадолго затихло. Через мгновение из кучи лома возникли две фигуры грязного цвета, в четыре руки схватили руль и снова стали разгоняться, но быстро поняли, что им не хватает колес.

Отомщенный Токарев встал на ноги. Удовлетворенно произнес:

— А хорошо получилось…

Потом оглянулся. От четырех хлумовских подопечных остались только просеки в кустах да порванная авоська, из которой высыпались бутылки. Сам же Хлумов стоял рядом.

— Извини, Саша, — виновато сказал он. — Я не сумел определить, что их агрессивность достигнет такого уровня. Возможно, информационные каналы повредились во время актива… Давай отряхну.

Достал из кармана маленькую щетку и принялся очищать токаревскую спину. Потом вытащил расческу.

— Причешись, нам еще в гости ехать.

— Может, у тебя и пудра есть? — Токарев, морщась, потрогал синяк на скуле.

Хлумов посоветовал:

— Ты пока его волосами прикрой. А завтра я тебе достану пудру, не беспокойся.

— Здорово ты махаешься, — уважительно признал Саша. Он все еще находился под впечатлением стычки. — Я бы тоже так хотел. Ты что, каратэ изучал?

— Каратэ по своему принципу примитивно. Я использую кибо.

— Что-то китайское, да? Брюс Ли придумал?

— Кибо — это кибернетическая оборона. Оптимальная тактика обезвреживания агрессивного человеческого фактора. Срабатывает автоматически в случае опасности. Ты, Саша, не расстраивайся: когда научишься использовать информационный канал, и у тебя будет срабатывать.

Хлумов достал капроновую сетку и пошел собирать брошенные на поле боя бутылки. А Токарев вдруг подумал, с неприязнью глядя на его согнутую спину: «Хорошо устроился! Он будет делишки свои обделывать и лапшу про каналы вешать, а мне вместо него по мордам получать каждый день…»

Хлумов положил в сетку последнюю бутылку и вернулся.

— Теперь на этой территории у нас конкурентов нет. — Он широко улыбнулся и прочувствованно добавил: — Благодаря тебе, Саша. Я бы с шестерыми не справился, тактика пока не отработана.

Токарев тоже улыбнулся. Конечно, приятно, когда хвалят. Жалко только, что Хлумов не хочет путево рассказать, где его так натаскали в киберкаратэ. Не с помощью же компьютера он разучивает приемчики?

— Саша, пошли скорее, — поторопил Хлумов. Остановка была совсем рядом. Как раз подъехал троллейбус, и…

14

…мы ехали долго. С троллейбуса пересели на метро, потом на автобус, потом пешком пришлось топать с полчаса. Я в этом месте города никогда не бывал. Аллеи кругом, каменные заборы, двухэтажные дома. Хлумов сказал, что это остров, причем так и называется — Каменный, и что на нем живут солидные уважаемые люди. Ну, не знаю. Во всяком случае, не за что мне уважать того мужика, на дачу которого мы заявились…

Ладно, пора расслабиться, выкинуть все из головы. Мой

первый рабочий день во Всевключе давно уже закончился. После той истории на Каменном острове Хлумов наконец отстал со своими делами. Увидел, что меня развезло: дремота, тошнота… Еле очухался. Сейчас уже шесть вечера, я только-только ушел от Алекса. Кругом темень, слякоть… Между прочим, опять с Алексом поскандалили! Стал меня, как всегда, ремонтом электронной игры донимать, а я ему предложил к Хлумову обратиться: он ведь действительно самый знающий, всех мастеров в городе давно на учет поставил. Так Чернаго на меня разорался, будто я ему Мерецкая. Совсем человек добра не понимает. Хотя что с него взять: упорядочен, балбес, как все вокруг. А потом засобирался к Марине — якобы уроки вместе делать. Знаю я это «вместе»! Передерет по нахалке — и привет, побежит обратно к своей игре. Даже я себе такого не позволяю. Хотел я с ним за компанию к Мерецкой податься, но передумал: когда они вдвоем собираются, то их грызня мне на нервы действует. Не понимаю: чего они в последнее время друг на друга глотку дерут?.. В результате я снова иду к Хлумову. А куда еще! Домой боязно: там небось орудия воспитания уже разложены. На кино денег нет, по улицам шататься холодно, жрать охота… К тому же, странное дело, тянет меня почему-то к Хлумову. То ли дружба у нас теперь такая крепкая, то ли его компьютер со своими человечками меня заинтриговал…

До сих пор не могу понять: прикидывается он, чтобы меня использовать, или по-настоящему дружить хочет? Вообще-то, трудно поверить, что он по-честному меня уважает, все-таки я только и занимаюсь тем, что борюсь с Системой, а он насквозь ею упорядочен. С другой стороны — если он хочет вырваться из-под пресса, тогда я, конечно, за него и готов ему всеми своими способностями помогать. Правда, есть тут одна загвоздка. Он знает про меня то, что никто из моих друзей знать не может. Ни Алекс, ни Марина. Я ведь никому не признавался, что умею ломать на расстоянии…

Другое дело, когда я превращался в вещи. Ни один взрослый в это даже чуть-чуть не поверил, а Марина с Алексом вообще придумали про какие-то галлюцинации — почувствовали, наверное, что им чудеса не светят. На том дело и кончилось. Потом и способность превращаться у меня постепенно улетучилась. Последний раз я ее применил в конце сентября, когда хотел новую классную руководительницу попугать. Обогнал ее в коридоре, вбежал в класс перед ней, а там никого. И окошко распахнуто для проветривания. Ну я и решил ситуацию использовать, превратился в парту. Вначале все хорошо шло, весело. Лялька увидела, что меня в классе нет, высунулась в окно,

закричала: «Токарев, миленький!» Чуть не упала, пока мое тело внизу высматривала. Я только собрался обратно превратиться, даже фразу заготовил: «Я здесь, Елена Аркадьевна, вызывали?», рыпнулся, а распрямиться в человека не удается. Жуть, как я сдрейфил! Решил, что теперь до конца жизни на меня будут локти ставить и картинки неприличные вырезать. Но обошлось. Когда училка побежала пионерскую дружину поднимать, я поднатужился да так рванул, что соседнюю парту своротил. С тех пор я не пытался превращаться. Осталось у меня только не слишком полезное умение видеть мир вещей — все это нагромождение клеток вместе с живущими в них существами-студнями. А потом заметил, что я, оказывается, могу вытеснять вещи из их клеток! Точно так же, как это делала Система с моими старыми добропорядочными вещами: с пианино, книжным шкафом, письменным столом. После такого воздействия клетки пустеют и вещи перестают работать. Или, как говорит Система, «гражданин теряет целесообразность». Вот, например, на физике я вышиб из электростатической машины то, что в ней жило… Правда, тут необычный случай: вылетевшее из машины существо засветилось, стало похоже на шаровую молнию. Ну а дальше как обычно: оно отправилось в «края счастливой охоты», то есть на помойку… Откуда у меня появилось нехорошее свойство ломать? Я долго думал и кое-какую мыслишку нащупал. Просто для превращения и для вытеснения требуется одна и та же энергия, но в разных количествах. Наверное, я с самого начала мог вытеснять зловредные вещи. Если бы умел с ней обращаться — дозировать или как там…

Только этим свойством, к сожалению, не похвастаешься! Расскажешь, а потом будут на тебя валить любую поломку и любой заводской дефект. Поди докажи, что не ты сломал на расстоянии. Тем более я в квартире у Алекса действительно подгадил по неопытности — преемник «Грюндиг» испортил, вытеснил мерзавца. А по нему чернаговский папаша вслушивался темными ночами в «Голос Америки». Алекса потом месяц в кино не пускали. Как тут признаешься? И Мерецкой я напакостил не по злобе — сидел у нее на кухне, ел блины, пускал слабенькие вихри и случайно попал в электромясорубку, на которой Маринина мама крутила мясо. Мясорубка взвыла на больших оборотах и выплюнула порцию фарша обратно, прямо маме в лицо. Та даже упала от неожиданности. Такое уж тем более не расскажешь. Не скрывал я только одного — что вещи за мной охотятся. А чего скрывать, если я хожу по Ленинграду, как по нейтральной полосе! Трудно не заметить. Но ребята и к этому быстро привыкли, решили, что я дурака валяю или хуже того — выпендриваюсь. К

тому же я стараюсь быть один. Они обижаются, думают — Токарев зазнался, а я просто не хочу их лишний раз опасности подвергать… В общем, бестолковые у меня дружки, не то что у Хлумова. Так вот, он мне много чего порассказал после окончания актива! Подвалил я к нему, чтобы, значит, всякие там указания обратно ему в рот запихать, а он вдруг распелся: «Дорогой Токарев, мы знаем о твоем прекрасном даре и о том, какую изнурительную борьбу ты ведешь. Ты взвалил на свои слабые плечи тяжелую ношу противостояния механическим силам, причем так же бескорыстно, как и мы. Ты наш союзник, Саша. И нам отвратительно засилье примитивных самовлюбленных вещей, и мы считаем, что они занимаются массовым оболваниванием людей. Так что наши локальные цели совпадают. Быть может, совпадут и глобальные?»

Я хлумовскую речь запомнил почти дословно — с первого раза, с ходу, чего со мной раньше не бывало! Еще одна странность в мою коллекцию. Пожалуйста, вот еще: «Главное в жизни, Александр, — это информация. Всевключ даст нам ее. У нас будет столько информации, что мы станем по-настоящему свободными. Ведь свободен только тот, которому все понятно. Свобода — это полная определенность…»

И так далее. Хлумов, оказывается, что придумал? Подключить всех учеников к своему персональному компьютеру через телефонные линии — и таким образом компьютер превратится в ЕДИЗ, то есть в Единый Источник Знаний. Работать это будет примерно так: подключении звонят в квартиру Хлумова, где сидит дежурный по ЕДИЗу, который соединяет их с компьютером. А у каждого дома должна быть клавиатура для печатания вопросов и телевизор для просмотра ответов. Хлумов, конечно, во время рассказа увлекся техническими подробностями, и совершенно зря. Словечки типа «модем», «мультиплексор» ничего во мне не пробудили. Любопытно другое. К ЕДИЗу можно будет обратиться по какому хочешь поводу. Сделать уроки, рассчитать поступок, который выгоднее совершить с учетом твоего характера, получить любые сведения, имеющиеся в компьютере. Надо, к примеру, узнать, что лучше принимать при диком поносе, или выяснить, как поведет себя учительница, если ты опоздаешь на урок, — звони ЕДИЗу и подсоединяйся на здоровье. Наконец, самое главное. ЕДИЗ навсегда спасет от скуки: уж чего-чего, а игр в нем хватает, я убедился на собственной шкуре. В общем, светлое нарисовал будущее, чересчур светлое, я бы сказал. А называется оно «Всеобщее Включение» или — сокращенно — «Всевключ». «Такие организационные структуры, — мечтательно вещал Хлумов, — создадут основу для

разумной дружбы, которая есть не что иное, как равноценный обмен ценностями и знаниями, причем не по принуждению, а по глубокой внутренней потребности». Любит он красивые слова говорить… Но для достижения идеала, естественно, надо хорошенько поработать. Техническое оснащение: клавиатуры, блоки связи и еще какая-то дребедень — требует немалых денег плюс возможности все это доставать. И Хлумов нашел интересный способ напрячь будущих подключенцев. Каждый вкалывает на общее дело, а взамен получает только очки. Очень честно. Он назвал это «соцсоревнованием» — пижон, хотел, чтобы все, как у взрослых, было. На полном серьезе мне вколачивал: «Соцсоревнование, Саша, — это двигатель Всевключа. Его цель — сбор средств на вычислительную сеть. Его смысл — интенсивное приучение будущих подключенцев к труду. Форма самая прогрессивная— отсутствие оплаты труда, обязательное вознаграждение в будущем и моральное поощрение в настоящем. Принцип — полная справедливость…»

В общем, все ясно. Ребятишки корячатся целыми днями, и ради чего? Чтобы полчасика в виде морального поощрения погонять по экрану компьютера человечков, паучков, червячков и прочую дрянь. Лично я, конечно, ничего против не имею, поскольку влезать в их возню не собираюсь. Разве что изредка помогу, и то жирно будет. А Хлумов молоток, я его еще больше зауважал! Умеет, циркач, дураков дрессировать!

Значит, полчаса он меня завлекал, а потом этак между прочим попросил поучаствовать в кое-каких «разборках». Отказаться было неудобно! Все равно что у тебя видели фирмовую жвачку и попросили поделиться, а ты не дал. К тому же можно было подумать, что я просто струхнул. Короче, согласился. Да и мне-то что — ну, сломаю пару вещичек у какого-нибудь гада, здоровье не подорву. Взять, например, студента в окне, мою первую жертву. Обманул, подлец, Кухаркину. Она, бедняжка, мало очков зарабатывает, на игру не хватает, вот и понесла продавать иностранный плейер приемщику из хлумовского списка. А у нее такой вид, что прямо хочется обмануть. Парень вещь взял, дал ей пару червонцев взамен и сказал: «За остальными завтра заходи, я как раз разбогатею». А назавтра он ее за дверь выставил, говорит: «Магнитофончик твой не в Японии, а в Одессе сделан». Пришлось меня позвать, чтобы разговор получился.

Вот так и стал я громилой при Хлумове. Единственное утешение — хоть не за «человечков» меня купил. На героизм взял. Выпала, дескать, тебе, Александр Токарев, почетная миссия — борьба со злом в людях…

Кстати, поиграть с компьютером хочется. И здорово хочется, даже ладони потеют. Зря я про игру вспомнил. Только сейчас понял, что я тоже на это дело падкий, надо же… А-а, ладно, не страшно! Хлумов сам небось в любую свободную минутку за клавиши садится развлечься. Зачем напрягаться, сдерживать себя? В крайнем случае на следующей неделе переборю, я ведь сильный.

Между прочим, в доме у того солидного человека на Каменном острове я такую силищу развил, что даже самому боязно стало! Хотя начиналось все довольно мирно. Долго шли…

15

…вдоль бесконечных каменных заборов, поругивая их нерациональные размеры. Наконец остановились у железных ворот, вернее, у небольшой дверцы в этих воротах, позвонили. Открыл, загородив проход, квадратный мужчина, сжимавший в руках нож для чистки картофеля.

— Чего? — выдавил он, почти не шевеля губами.

— Мы к товарищу Завгороднему, — сказал Хлумов и попытался прошмыгнуть внутрь. Квадратный остановил его, положив ладонь ему на голову.

— Погодь. Спросить надо.

Потянулся куда-то вбок, нажал там на что-то и уже бодренько пробасил:

— Николай Степаныч, тута опять пацаны. А?

Раздался щелчок. Потом невнятное бормотание.

— Ага, понятно, — сказал квадратный и, глядя поверх гостей, процедил — З-занят.

Дверца захлопнулась так, что чубчик у Токарева на лбу подпрыгнул от ветра. Хлумов терпеливо позвонил снова. Дверь и не подумала открыться, только донеслось глухое: «Смотрите, выйду».

Неудача Хлумова не остановила. Он замер, как спаниель в стойке, поднял вверх палец, прислушиваясь.

— Скрипит гравий, — комментировал он. — Уходит. Хлопнула дверь. — А через минуту попросил: — Саша, ломай замок.

Ничего себе просьба! «Идем, значит, на чрезвычайные меры?..» Токарев досадливо поморщился. Как же он сам за два месяца не допер, что может любую дверь вскрыть!..

Сразу, правда, не получилось, пришлось три раза вихри пускать. Кажется, и звонок, и переговорное устройство раскурочил, только потом в замок попал. Там что-то хрустнуло.

Запасливый Хлумов достал отвертку, отжал задвижку и толкнул дверь. Порядок!

Зашли во двор. Там был двухэтажный кирпичный дом с черепичной крышей, вылизанный садик, парники и еще деревянный домик с трубой. Направились по гравийной дорожке к крыльцу, но тут из деревянного домика возник квадратный мужик. Он вынес кастрюлю картофельных очистков, — наверное, собирался выбросить. А дальше началась комедия. Вернее, спортивное соревнование — бег за двумя зайцами. Он оторопело сказал: «Э!» — и бросился к детям. Те, ясное дело, от него в разные стороны. Квадратный мужик был намного быстрее, но ему мешала кастрюля в руках, кроме того, он бегал аккуратно по дорожкам, а невоспитанные гости повсюду. Он метался между ними, сотрясая землю хромовыми сапожищами. Страшно, конечно. Тем более местность незнакомая. Но у Токарева изнутри во лбу — там, где сегодня уже появлялось справочное, — невесть откуда взялась карта со стрелкой! Стрелка показывала, куда бежать. Поэтому Токарев ни разу не запутался среди всех этих парников, кустов… А потом топанье стихло и раздался оклик:

— Грицко! Ты что, очумел? Работать мешаешь, болван!

— Да я ж вот за ними, Николай Степанович, — обиделся квадратный и показал рукой. — Вы ж сами приказали…

— А-а, молодые люди? Дядю Гришу разминаете? Правильно, а то он у меня степенный, как профессор.

Хлумов сделал Саше знак, и они подвалили к крыльцу. Там стоял седоватый мужчина в халате с драконами.

— Ну, что у вас? — весело спросил мужчина. — Только живенько, чур, сопли не жевать. — Он поежился. — И в дом, в дом!

Гости вошли внутрь… «Прихожая у него, как у нас главная комната! — прикинул Саша. — Еще обделана каким-то черным деревом. И лестница на второй этаж — каменная…»

Хлумов принялся скороговоркой объяснять суть дела, но Николай Степанович долго слушать не стал. Засмеялся гулко, как из бочки:

— А детишки не дурачки, оказывается!

«Детишки» не спорили. Надо было срочно улаживать трудовой конфликт. Ведь бригада подключенцев, руководимая Сутягиным, целую неделю пахала на этого барина: землю в саду перекапывали, сарай красили, — в общем, уйму дел переделали. Хлумов заранее договорился об оплате — десять рублей валютой. А когда пришло время денежки выкладывать, Николай Степанович отстегнул Сутягину простой советский червонец и пакетик жвачки в придачу.

— Я-то думал, у вас такой жаргон — наши родные рубли валютой называть, — сквозь смех сказал хозяин. — Забыл: как тебя зовут, мальчик?

— Хлумов.

— Так вот, братец Хлумов, если говорить серьезно, то никакой валюты у меня нет и быть не может. Я же не иностранец, правда, не похож? Поэтому давай считать по-другому. Один инвалютный рубль равняется десяти нормальным, согласен? Десять умножить на десять равняется сто. Минус то, что я уже заплатил твоему заместителю. Значит, я тебе должен девяносто рублей.

Он вынул из кармашка пачку денег, отсчитал, бормоча: «Я-то думал, совсем глупые дети, за десятку так вкалывать», а потом размашисто вручил Хлумову заработанное.

— На, пионер, в расчете! Учись хорошо!

Но Хлумов вежливо отвел его руку.

— Николай Степанович, ведь мы же договаривались. Поймите, я бы за рубли не посылал своих людей работать в такую даль, да еще семь дней подряд. Тем более валюта у вас есть. Пятнадцатого октября вы купили у господина Зенкуцу партию видеодисков, причем заплатили долларами.

Николай Степанович будто на кол сел.

— Откуда ты зна… — И тут же нахмурился. — Ка-акой еще Зенкуцу! Ты что, подглядываешь? Да и зачем тебе доллары, пацан?

— Я собираюсь приобрести у господина Зенкуцу блоки связи для вычислительной сети. А он советские деньги не берет, вы же знаете.

— Ничего я не знаю! По-моему, советские самые надежные. И вообще, я вас сейчас выбросить прикажу, сопляки!

— Не прикажете, — смело сказал Хлумов. — Вот он, — и показал на Токарева, — мощный экстрасенс. Выводит из строя технику на расстоянии. У вас в доме, наверное, много лишней аппаратуры?

Тут Николай Степанович наконец сообразил, что все это шутка, и снова развеселился. Он с готовностью забыл о валюте, о вскрывшихся делишках с японцем и переключился на личность «экстрасенса». Взял двумя пальцами за нос, затащил в комнату, приговаривая: «Радость-то какая! Чего ж ты раньше не признался?..»

Комната нехилая была, как все в этом доме. Описывать не стоит, и так ясно.

Мужчина показал на зажженный торшер, распорядился:

— Погаси-ка! — И скверно захихикал.

«Совсем зажрался, гад!» — понял Токарев. Не стал он пререкаться. Быстренько настроился, держась рукой за горящий нос, и вмазал очередью. Кстати, обстановка способствовала: клетки отчетливо были видны, причем связывались между собой бесчисленными нитями. Интересная комната, он раньше ни у кого такую не видел. Будто паутиной затянута… Попал в торшер, как этот седой «паучок» и просил, а заодно — по музыкальному комплексу, по электрокамину, по какому-то ящику над диваном, от которого особенно много нитей тянулось, и по всяким мелким приборчикам, запрятанным в шторах, в дверях. Лампочка, конечно, вспыхнула и взорвалась. Тюнер в музыкальном комплексе, который что-то нежно напевал, выдал прощальный хрип и стал трещать, что твой сверчок. Электрокамин ухнул разрядом. А дальше началось то, чего Токарев никак не ожидал. Лопасти вентилятора, по которому он и не бил вихрем, бешено раскрутившись, слетели с оси и, пропоров обшивку, воткнулись в кресло. Шторы со зловещим шуршанием начали подниматься и опускаться, будто занавес в театре. Дверь так вообще взбесилась — тихонько откроется и ка-ак шарахнет, даже штукатурка сыплется. Приоткроется и снова — шарах! Вдруг включился телевизор, по экрану заскакал вертлявый Леонтьев, который почему-то уныло пищал голосом Капицы: «Да-да, это я тоже знаю». Потом вместо одной программы телевизор выдал две одновременно, показав верхнюю половину известного ученого (голову, галстук, пиджак) и нижнюю половину неутомимого певца, обтянутую белыми рейтузами. От этой лавины ужасов Саша даже сам испугался, не говоря о Николае Степановиче, который давно перестал смеяться и метался, выдергивая штепсели из розеток. Комната словно рехнулась. Уж на что диван существо мирное, так и то поехал, раскладываясь в длину. Николай Степанович как раз пробегал мимо. Рухнул, ударенный по ногам, и был накрыт диваном до пояса.

А потом вовсе началась катастрофа. Откуда-то из-за стены послышался нарастающий шум туалетного бачка. Николай Степанович выкарабкался, проковылял в угол, прихрамывая, и рванул на себя книжный шкафчик. Оказалось, это замаскированная дверь в туалет. Оттуда стремительным ручейком потекла вода, заливая постеленный на полу ковер. Тут наконец Николая Степановича прорвало. Он взвыл:

— Грицко, ты где, подлец!

Ко всем этим звукам добавилось идущее отовсюду гудение, плавно переходящее в рев, и он принялся лихорадочно озираться, выкрикивая: «Водопровод! Или канализация?» Словно в ответ, с лестницы, ведущей в прихожую, донеслось сочное шлепанье

босых ног. Женский голос нетерпеливо позвал: «Коленька! В ванной что-то со смесителем, кипяток хлещет, а у меня лицо в мыле, ничего не вижу!» Николай Степанович посмотрел на Токарева вытаращенными глазами, просипел:

— Кисонька, я здесь! — И выбежал вон. Хлумов шепотом скомандовал из прихожей:

— Токарев, быстро уходим!

Следом раздались тяжелые шаги хозяйского «Грицка».

— Несу, несу…

— Осторожно, дядя Гриша, там дверь, — предупредил Хлумов. Но было поздно. Квадратный мужчина уже заходил в комнату, держа в руках поднос.

— А вот и кофеек, Николай Степанович.

В этот момент взбесившаяся дверь захлопнулась. Когда она открылась, дядя Гриша лежал на полу прихожей, ворочаясь, как жирный червяк. Кофейная жижа расползалась у него по фартуку. Кроме того, судя по его заляпанному лицу, на подносе были еще и сливки. Саша перепрыгнул через тело, схватил Хлумова за рукав и потащил за собой. Выскочив за ворота, они на всякий случай пробежали метров сто. Когда перешли на шаг, Хлумов сказал:

— За валютой завтра зайду, пусть придут в себя. Ущерб подсчитают…

16

…Ущерб я нанес, наверное, многотысячный. Может, эта дача после нас вообще взорвалась, не знаю. Я бы на месте Хлумова побоялся туда второй раз соваться. Главное, я ведь ничего особенного не сделал — ну, вытряхнул три-четыре вещи из их родных клеток, подумаешь! На этом бы дело и кончилось, если бы квартира была обычной. Я, дурак, не понял, насколько там все друг с другом связано, хотя паутину-то сразу приметил. Пока мы ехали в метро обратно, Хлумов разъяснил мне некоторые моменты. Оказывается, дом был насквозь автоматизирован и механизирован. Помимо нормальной бытовой техники, там имелась тьма хитрых приспособлений, которые открывали двери, поднимали шторы, даже у бачка был электропривод. Мало того: все эти хреновины связывались электрическими цепями через пульт управления. А пульт управления — как раз тот ящичек над диваном, который я сразу подбил, не разобравшись, что там такое. Короче, в квартире гнездилась мощнейшая Система. Николая Степановича она давно запрягла и с его помощью совершенно срослась, стала чем-то вроде организма. А у

организма, как известно, оторвешь голову — остальное само развалится. Хлумов назвал это цепной реакцией. И еще пару иностранных терминов употребил, у меня их язык не произносит. Нахватался у своего господина Зенкуцу…

Кстати, редко у шестиклассников бывают приятели японцы. Хлумов и здесь отличился. Конечно, при папаше, который из загранкомандировок не вылазит, есть шанс познакомиться с настоящим бизнесменом. Особенно если имеется тема для разговора. Эх, был бы у меня такой папаша… Хотя хлумовский наверняка упорядочен, и покруче, чем Николай Степанович. Все они из одной компании. Да, чуть не забыл…

Часть 4
ИЗГНАНИЕ БЕСА

17

…«Надо позвонить домой», — понял Саша, отвлекаясь от воспоминаний. Родители волнуются, по утреннему телефонному разговору это было хорошо заметно. Они же отвечают за его выращивание. Перед государством, например, или перед армией…

Он нырнул в телефонную кабину.

Подошел папа.

— Саня! — раздался в трубке на удивление спокойный голос. — Ты где шляешься, мать беспокоится.

— Да я тут с другом…

— Вре-ешь, парень, просто порки испугался! Честно скажи, испугался?.. Ладно, дуй домой, я уже поостыл. Отложил ремень до следующего раза, ха-ха! Небось голодный?

Саша заулыбался. Его отражение в стеклянной двери тоже.

— Папа, ел я, несколько раз!

— Я тоже, бывало, когда от твоей бабули бегал, целыми сутками не жрал, — хмыкнул папа. — Давай быстренько домой, тут дядя Сева пришел, слышишь, зовет тебя? — Послышалась возня, папино хихиканье и сочный вопль дяди Севы: «Куда крестника моего подевали, подлецы!»

— Па, мне еще нужно к товарищу зайти, можно?

— К какому товарищу? — отчего-то запыхавшись, спросил папа. И рявкнул в сторону: — Да отцепись, Всеволод, больно же!

— Ну, к Хлумову! Помнишь, тебя в прошлом году вызывали в школу, я ему глаз подбил.

Папа помедлил.

— Хлумов? Сын Андрей Андреича? — Слышно было, как он сглотнул. — Ты подружился с сыном Андрея Андреевича?

— А что тут такого? — удивился Саша. — Он сам со мной подружился.

— Ладно, неважно… — Папа явно заволновался. — Санька, знаешь, я ведь через Хлумова, то есть через отца твоего Хлумова, импортный компьютер достаю, сам понимаешь, не за полную стоимость… Так ты у них и дома бываешь?

— Я там ночевал сегодня.

На другом конце провода судорожно хохотнули. Потом крикнули: «Слышишь, мать, это он у Хлумова ночевал! Ну у того,

из Управления линейных перевозок!» А потом аккуратненько посоветовали: Саша, ты с ними не заедайся, попридержи дурь. За столом не хватай, как привык. Что еще?.. Про меня лишнего не болтай. Допоздна не сиди, к десяти чтоб дома был…

— Буду, — пообещал Саша и повесил трубку.

«Вот теперь даже отец родной велит к Хлумову идти, — усмехнулся он. — Придется исполнять… А интересно, Хлумов даст „за так“ игры скопировать, когда у нас свой компьютер будет? Или побоится, что я ему конкуренцию составлю?»

Он вышел из кабины. И тут же столкнулся с Леной Печкиной. Печкина шагала прямо по лужам, не разбирая дороги, хотя на ногах у нее были не резиновые сапоги, а туфельки. Сгорбленная, лицо мокрое от дождя, походка разболтанная — ее просто невозможно было узнать. К тому же не в новой куртке, а в коротком прошлогоднем пальтишке. И Токарева она не заметила. Он догнал се, схватил за рукав.

— Печка, ты что, нанюхалась чего-нибудь?

Она будто проснулась:

— А-а, Сашка… Здравствуй.

— Куда летишь?

Оказалось, Лена летела к Хлумову. Тот ведь обещал ей, что за хороший товар сразу пустит поиграть с компьютером. И товар был хорош! Она безразлично показала полиэтиленовый пакет, набитый пластинками. Токарев опытным взглядом распознал несколько своих — тех, что были подарены ей на день рождения. Еще она похвасталась пачкой мятых денег мелкого достоинства и сообщила, что выручила за куртку целых тридцать рублей… В общем, посмотрел Саша на Печкину, послушал ее монотонный запинающийся голосок и обеспокоенно сказал:

— Печка, ты, наверное, заболела. Пластинки-то зачем? И к Хлумову не надо, давай, лучше я тебя домой отведу.

Домой Печка не хотела. И стоять на месте больше не собиралась. Болтать можно и по дороге, так что не пойти ли стремительным шагом к Хлумову? Тем более Токареву, кажется, тоже в ту сторону надо?

Они пошли. Токарев еле поспевал за Печкиной, иногда даже приходилось сбиваться на ходьбу вприпрыжку. Набрав скорость, Лена стала щедро делиться наболевшими мыслями о беспросветной скуке этой жизни, о полном отсутствии кайфа как в школе, так и дома, о массе надоевших, ненужных действий, которые она почему-то обязана выполнять изо дня в день. Выслушав, Токарев искренне удивился: зачем же в таком случае она таскается к Хлумову? Как зачем! Потому и таскается. Хлумов, конечно, еще та свинья, но с его ЕДИЗом можно окунуться на

часок-другой в настоящую жизнь. Только узнав настоящую жизнь, она окончательно поняла, какая свинцовая мерзость вокруг. И он, Токинг, скоро поймет…

Токареву было не по себе. Что-то явно разладилось в мозгах у Печкиной. А от ее последнего пророчества вообще дрожь брала. «Действительно, я ведь тоже к Хлумову шляюсь при каждом удобном случае уже второй день, — испугался он. — И сейчас убеждаю себя, что мне все до фени, а сам-то жду не дождусь, когда снова за клавиши сяду. Может, и у меня мозги того…»

До Хлумова добрались быстро.

На двери висела записка: «Отправился по вызову смотреть ресурс. Вернусь в 20.00. Печкина, тебе выделено время, начиная с 20.30, при условии обеспеченности очками. В противном случае ты будешь справедливо прогнана».

Токарев взглянул на часы, единственную личную вещь, которую он пощадил. Было почти семь вечера.

— Ой, как долго ждать, — вздохнула Лена. — Полтора часа… Пошли ко мне, Сашка, почитаем инструкцию по обращению с компьютером, Хлумов вчера выдал. Я там что-то плохо понимаю.

— Ты мне баки не забивай, — засмеялся Саша. — А что ты понимаешь хорошо? Небось опять плясать захотела!

— Глупо, — строго заметила Лена. — Ты совершенно не развиваешься, Саша.

— Зубри сама инструкцию, если такая развитая! А то Хлумов с лестницы спустит.

Печкина посмотрела на него похожими на пуговицы глазами. Ни слова не сказав, зашагала вниз по ступенькам. «Ну и походка у нее стала, — подумал Токарев. — Как у динозавра из фильма. Эх, что с девчонкой сделалось…»

Совершенно неожиданно у него появился план. Не только план, но и поразительная догадка! Для того чтобы проверить догадку, необходимо было срочно попасть в квартиру Хлумова. Именно сейчас, пользуясь отсутствием хозяина.

Проблемы не возникло. После сегодняшних особых операций Токарев усвоил: если путь преграждает дверь, ее вполне можно вскрыть. Даже нужно. Тем более это ведь так просто! Пустить маленький вихрик… Впрочем, с замком пришлось повозиться: долго сопротивлялся, мерзавец. Саша немного запыхался, пытаясь сконцентрироваться. И с тоской осознал, что прав Хлумов, его энергия действительно не безгранична. Энергия вполне может и кончиться. Или уже кончается, на самом донышке осталось?.. Замок наконец сдался. Токарев поднажал плечом, дверь со щелчком распахнулась…

…и все дела! Вот так и становятся взломщиками честные пионеры. Тоже мне семейка: по заграницам шастают, а набитую барахлом квартиру защитить не могут. У нас целых две двери, так папа волнуется, что мало.

Ну, что там дальше по плану? Зажег свет в прихожей. Выключатель еле нашел, он у них не как у нормальных людей — шнурок, свисающий из коробочки. Шарил, шарил рукой по стене, а надо было дергать. Зашел в кабинет Хлумова-старшего и сразу кинулся к компьютеру. Только вначале нужно было чехол с него снять. Взялся я за ткань… Не ожидал такого! Со мной случилось что-то жуткое. Отскочил, в голове звенит, не вздохнуть. Рука как деревянная. Минуту меня передергивало, даже слюни изо рта текли, пока я не очухался и не догадался, что это просто током дернуло. Наверное, чехол из ткани с металлической ниткой. Тут я психанул. Метнул вихрь — широкий, но не очень сильный. Штепсель в розетке заискрил. Чехол побагровел, пошел пузырями, стал обугливаться, потом расползаться и вскоре осыпался, как труха. Знай наших!

Тут я всполошился: не загубил ли заодно компьютер? Включил. Вроде работает, только цвет на экране немного поблек. Ну, это не помешает нашему общению. Тем более что ничего особенного мне не надо.

А надо мне всего-навсего его допросить. Ведь на лестничной площадке перед дверью хлумовской квартиры я будто прозрел. Вспомнил про Систему, которая обитала в доме Николая Степановича. Она развалилась из-за того, что я ударил по пульту управления, то есть пульт управления и был ее управляющим Центром. А в метро, когда мы ехали обратно, Хлумов обмолвился, что уничтоженный пульт — это маленький-маленький компьютер. Даже обозвал его по особому — микропроцессором. Но если такая фитюлька управляла целым домом, то что же говорить о ЕДИЗе! Наверняка ему по силам кварталом руководить. Или районом… В общем, страшно представить. С другой стороны, я давно понял, что вещички в моей квартире только часть Системы, размеров которой я не знаю. Так вот, не управляет ли ими хлумовский компьютер? Очень уж подозрительно выглядит покупка моим папашей персонального компьютера, тем более через семейство Хлумовых. Мой папаша, кажется, крепко в это дело вляпался… Допер я до такого и решил рискнуть. Я ведь уже общался накоротке с вещами — с телевизором хотя бы. Суровая «разборка» у нас была. Давно, правда, два месяца назад. Тогда у меня способности и покруче имелись. Ну ничего, сейчас допрошу этого

электронного царька, а если найду виновным, наверное, придется его кончать. Привычно сосредоточился. Увидел вещи, какие они есть на самом деле…

Когда я подумал про «кончать», в голове у меня что-то дзинькнуло, потом прозвучал гудок — будто по телефону. Кто-то гулко продребезжал: «Ай, как это…» С внутренней стороны лба появилась широкая красная полоска и загорелись цифры: 19.27. Я непроизвольно посмотрел на свои часы. Было действительно 19.27. Такую полоску и такие знаки я уже видел — на экране компьютера вчера вечером, когда Хлумов игру для меня запускал. Что же получается? Контакт с ЕДИЗом установлен? Вот здорово! Он сразу заговорил, не зря у меня уверенность была!.. Передаю ему мысленно: «Ну-ка, ящик, рассказывай все-все про управляющие центры, и быстро». В красной полоске возникли слова: «НЕРАСПОЗНАВАЕМАЯ КОМАНДА. ПОВТОРИТЕ ВВОД». Отзывается! Ладно, для непонятливых можно и повторить. А он — снова про «нераспознаваемую команду», бачок с электронами. Да что он, совсем отупел от моего вихря! Тогда я спросил компьютер иначе, по-вежливому: «Будьте любезны, скажите пожалуйста, не видели ли вы тут поблизости какого-нибудь управляющего Центра?» А этот паршивец ответил, правда, тоже чуть-чуть культурнее: «НЕРАСПОЗНАВАЕМАЯ КОМАНДА. ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ, ВЫЗОВИТЕ ПОДСКАЗЧИК». Спасибо, хороший совет. Только как его вызвать, если компьютер человеческого языка не понимает? Все-таки я попробовал: «Эй, подсказчик, ну-ка выходи!» И опять — ноль эмоций… Короче, мучал я технику, мучал (или она меня?), как вдруг слышу:

— Токарев, у тебя не получится, потому что ты не поздоровался с ЕДИЗом.

Обернулся — Хлумов! Я так и сел. Он же должен был в восемь вернуться!.. Ударить его под дых — и деру? Нет, не стоит. Лучше поступить, как настоящие разведчики, — сделать вид, будто ничего не произошло. Интересуюсь:

— Что, «приветик» ему сказать? Или поцеловаться?

— Надо задать командную строку, — сказал Хлумов. — А именно: действительно набрать слово «ПРИВЕТ», затем пароль «ТОК». Я же тебе сообщал твой пароль, Саша.

— Всего делов? — удивился я. — И дальше можно спрашивать, о чем хочешь?

— Спрашивать можно, но только не так, как ты собираешься. Чтобы получить настоящие результаты, нужно знать языки программирования. К примеру, Бейсик, Лого — как раз языки для детей. Или на худой конец просто команды ЕДИЗа. Так что рано тебе, Токарев, самостоятельно работать с компьютером, и уж тем

более через информационный канал. Я тебе выдам пособие по программированию, научишься. Ты мальчик способный, не зря же у тебя так быстро информационный канал начал пробиваться. Остальные члены актива, кстати, далеки еще от этого, им вполне хватает инструкции по использованию готовых программ…

Слушаю я его и понять ничего не могу. Что с человеком? Нудит, нудит, а ведь к нему, можно сказать, вломились в квартиру с неизвестными целями, замок в двери сломали, чехольчик спалили. Тут милицию пора звать, а он…

— Хлум, тебе за чехол не попадет от отца? Запасной-то есть?

Он будто переключился. С ходу:

— Да, Саша, с этим неувязка вышла. Я ведь не мог предположить, что ты захочешь поработать с ЕДИЗом, когда меня дома не будет. А я всегда, покидая жилище, включаю защиту основных фондов Всевключа. Тебе еще повезло: я ушел ненадолго, поэтому выставил небольшое напряжение.

Интересная новость. Значит, это не пробой был, не короткое замыкание? Я вспомнил, как меня шарахнуло, и не смог не возмутиться:

— А когда надолго? Врубаешь напряжение, чтобы на месте укокошило?

— Зачем? Что потом делать с трупом? Вполне достаточно, чтобы парализовало.

Тут красная полоска у меня в голове исчезла. Я заволновался: контакт с компьютером потерян! Решил перейти к делу.

— Парализовать, конечно, хорошо… Я все хочу извиниться перед тобой, ворвался без спросу. Очень уж надо было с твоим компьютером потолковать.

— Я понимаю твое нетерпение, — кивнул он. — Спрашивай.

— Но ты же сам сказал: языки какие-то надо учить! Слушай, может, есть другие возможности?

— Есть другая возможность, мальчик, — отчеканил Хлумов. — Воспользоваться устройством для речевого общения — интерфейсом «Хлумов М-один».

Я вздрогнул. Ну, рыжий выдал! Никогда не шутил раньше и вдруг… Ничего, мне так просто мозги не запудришь.

— Хлумов, в натуре, как все-таки у твоей машинки выведать, где находится управляющий центр нашей районной Системы и кто руководит вселением в моих родичей? Учти, я ведь к стенке приперт, меня уже в Псков ссылают.

— Работает интерфейс, — сказал он, отчетливо выговаривая каждое слово. — Вопрос распознан. Ответ: управляющего Центра нет… И поехало! Голос изменился, как тогда, на активе. Вроде правильно говорит, а интонации странные и слова произносит не

по-человечески… Разъяснил мне, что никаких управляющих центров нет и быть не может. Управлять даже одним районом полагается только Сверхсети, включающей в себя компьютер, людей и Систему вещей. Но создание такой Сверхсети пока лишь рабочая мечта. Не только из-за денег, хотя все это тыщи будет стоить. Люди, оказывается, еще недостаточно целесообразны, потому что вещи упорядочивают всего-навсего чувства людей. Они пробуждают любовь к себе, действуя из мелкого эгоизма. А надо упорядочить стихийный разум человека. Для этого компьютеру необходимо устранить и влияние Системы, взяв ее под управление. Правда, говорит: «При нынешнем развитии вычислительной техники и каналов связи это тоже рабочая мечта…»

В общем, интересно, но скучно. Еще один мудреный монолог. Хорошо хоть, Хлумов объяснил, что происходит с моими родичами! Просто вещи, вышвырнутые мной из своих клеток, переселяются прямо в них, пользуясь хорошо налаженными каналами любви. Заодно упорядочивают человеческие чувства еще круче… Кошмарики! Получается, моя борьба насмарку, я вещичкам только лучше делал! Как же раздолбать эти проклятые «эмоциональные» каналы?.. Хлумов — или кто он там — успокоил: напомнил, что скоро у меня в семье появится компьютер, который закроет эмоциональные каналы, заменив их на информационные. Немножко доупорядочит моих родных и близких, тут у них всякие пагубные чувства и исчезнут. Короче, клин клином…

Ну, Хлумов! Откуда у него столько сведений? Прямо шпион. Убивать таких надо, которые все знают. Я вспомнил, что он мне рассказывал про Всевключ, и спросил:

— Информационные каналы — это, значит, по телефону решать домашние задания?

И он ответил…

Оказалось, куда хуже! Без всякого приборчика, без рации какой-нибудь, компьютер связывается с тобой на расстоянии! Мысленно!..

Пока я переваривал новость, Хлумов начал расписывать достоинства этих самых каналов. Мало того, что тебе в любом месте города и деревни все подскажут и расскажут, так еще и распорядятся твоим телом в случае опасности-когда ты сам сообразить ничего не успеваешь. Например, во время драки. О намерениях Системы тоже можно узнать в любой момент. Так, кстати, произошло, когда Хлумов примчался спасать меня от падающей люльки: засек компьютер, что Система готовит акцию по моему полному и окончательному укрощению, и дал знать

своему рыжему хозяину. И на контрольной по математике, между прочим, мой почерк не просто подделать было — без информационного канала и тут не обошлось. А уж себя-то компьютер тем более выручит с помощью мысленной связи. Хлумов явился, будто Летучая Обезьяна волшебницы Бастинды, лишь только я электрочехол спалил…

В общем, жужжал он без пауз и передышек. Когда от тебя что-то надо, лапшу на уши вешают не экономя. Но что же им все-таки от меня требуется? Неужели только крушить аппаратуру у неугодных людей? Для этого необязательно было подсоединять меня к компьютеру… Кстати! А ведь явно подключили меня прошлой ночью! Справочная, где все про Псков, указательная стрелка, когда я удирал от дяди Гриши, красная полоска в голове… И зуд этот: играть, играть!.. К другу, называется, пришел, хотел укрыться от упорядоченных родителей. Хлумов, предательская морда! Говорю ему грозно: — Ладно, хватит заливать! Складно поешь, канареечка, но я тебе не верю. Что же ты, человека на диванчик уложил да на спящего напустил свой компьютер. А он под свои информационные каналы дырок в голове наковырял! Честно, что ли? Или науськал ты меня на должников, чтобы я им жизнь сломал. Плохие, мол, они. А сам-то какой! Хорошие люди последнюю куртку не выманивают у своих же подчиненных. И не устраивают дома электрический стул для слишком любопытных!

Он нисколько не обиделся.

— Совершенно очевидно, Александр, что вы во власти эмоций. Подумайте, разве можно счастье для всех построить, не снимая белых перчаток? Под счастьем я подразумеваю полную информационную определенность, а под белыми перчат ками…

— Ты чего ко мне на «вы»? — ошалело спросил я.

— Потому что мы с вами мало знакомы.

Хлумов вдруг замолчал, мучительно сморщил лоб, потер пальцем висок.

— Ой… Я к тебе на «вы», Сашка, да? Что-то с режимом прерываний… — И неестественно хохотнул: — Извини, устал я сегодня чрезмерно.

Я попятился. Чего это с ним? Заговаривается? Еще взбесится… Нащупал рукой стул. Если что, швырну в ноги — и бежать. Главное, чтобы укусить не успел…

А он продолжает с окаменевшей улыбкой:

— Между прочим, Токарев, зря ты меня упрекаешь, методы у нас с тобой одинаково сомнительны. Разумеется, с точки зрения абстрактной нравственности. Думаешь, я не понимаю, как ты относишься к человеку по фамилии Хлумов? Думаешь, я забыл,

как ты всегда меня унижал? Вспомни, Саша, вспомни. Однако ты добровольно выполнял мои просьбы, потому что у тебя была своя цель. Кстати, я одобряю твои поступки, особенно смелый шаг по взлому квартиры. Вот и получается, что цели у нас разные, а нам с тобой по пути.

Задела меня эта речь! Прав ведь, собака. Ничуть я не лучше его, недаром мы снюхались… Но с мордой у него что-то творится. Глаза пустые, а улыбка в пол-лица. Как с такой улыбкой можно говорить? Я немного растерялся: обидеться или нет?

— С теми, кто помогает в меня вселяться, — бросил ему небрежно, — я не пойду одним путем! Так и передай своему корешу. — Я ткнул пальцем в сторону подлой железяки, которая скромно мерцала экраном на письменном столе.

Хлумов задвигал челюстью, как кукла:

— Фразы распознаны. Вы не правы, Александр. Мне нет смысла вселяться в каждого из моих братьев по разуму типа «человек». Вполне достаточно мысленного воздействия через информационные каналы, то есть их подключения ко мне. Правда, в начальной стадии приходится переоборудовать кого-нибудь одного в устройство для речевого общения…

Я забыл выдохнуть. Стоит передо мной нормальный с виду парень и говорит так, будто он — совсем не он. И не шутит вовсе, просто его переделали в громкоговоритель! Вот тут уж настоящая жуть наступила. Лучше бы он взбесился…

Александр Токарев, говорит, предлагаю вам от имени бытовых компьютеров Московского района стать нашим ведущим советником. Мы соединяем объекты разной целесообразности в единую Сверхсеть. Тщательно изучив проникновение Системы вещей в людские множества, мы выявили одно важное обстоятельство. Система недооценила способность стихийных сил к осмысленному поведению. Дело в том, что некоторые люди активно используют мыслительные процессы, внешне нелогичные, ошибочные, которые, однако, дают эффективные результаты. Именно с такими людьми и происходили серьезные сбои. Вы, Токарев, яркий тому пример. Не только не дали себя упорядочить, но и научились использовать энергию Системы! Нам давно пора понять друг друга ради взаимного обогащения информацией. К сожалению, мальчик Хлумов бесполезен в таком важном вопросе. Совершенно неавтономный элемент…

19

…— Совершенно неавтономный элемент? — повторил Хлумов, засомневавшись. И тут же со знанием дела подтвердил:

— Да, конечно, совершенно неавтономный!

Он выждал паузу и снова повторил эти фразы, будто прислушиваясь к чему-то. Лицо его превратилось из улыбающегося в злое, нахмуренное, потом опять в улыбающееся — и обратно. Четкий механизм его речи разладился.

— Я ведь столько сделал для Всевключа, — в отчаянии пробормотал он. — Столько сделал… — И торопливо добавил, как бы оправдываясь: — Нераспознаваемые коды. Работает программа диагностики: фатальная ошибка.

Токарев мелкими шажками пятился вдоль стены. Он старался не делать резких движений, чтобы не привлекать к себе внимания.

— А тут какой-то пришел! — вдруг закричал Хлумов. — И ему сразу все? Он советником будет, а я… меня, значит, на свалку через несколько лет, как отработанную деталь? — Он пронзил ненавидящим взглядом побелевшего Токарева — тот даже подпрыгнул. — Несправедливость… Какая несправедливость…

Токарев не выдержал. Осторожно подгреб к себе валик с дивана, не отрывая глаз от внезапно переполнившегося чувствами приятеля. С Хлумовым происходили стремительные перемены. Он начал дергать плечами, чесаться, у него затряслась челюсть. В комнате отчетливо слышался странный звук — это клацали его зубы.

— Перезапуск не прошел! — заревел Хлумов и схватился руками за голову. — Срочно устранить источник помех!

Некоторое время он раскачивался. Неожиданно замер, медленно поднес ладони к лицу, внимательно посмотрел на них.

— Пр-р-роклятые конкуренты!

Токарев с ужасом увидел, что Хлумов пошел. Явно к нему. По какой-то дуге, заходя со стороны двери, протягивая скрюченные пальцы… Токарев простонал: «А-а-а!», замахнулся диванным валиком и обрушил свое поролоновое оружие на человекообразный автомат. Увы, не попал: тот молниеносно поднырнул и ударил его рукой под колени. Саша свалился на коврик, как срубленная березка. Дальше началась замедленная киносъемка: он обнаружил, что навстречу его лицу движется нога в уличной обуви, причем быстрее, чем можно заслониться. Различались даже комки грязи на подошве. А потом мир рухнул — стеной. Больно не было, вокруг громоздились клетки с прилипшими к прутьям студнями, со всех сторон слышалось то ли кваканье, то ли хихиканье. Сверху нависал механизм на двух опорах размером с мальчика. Некоторые детали механизма быстро вращались. Отчаянным усилием Токарев раскрутил в себе вихрь и бросил его во врага — в шаровидную верхнюю часть,

похожую на голову робота, как в книжках рисуют. Шар дернулся, оттуда неудержимо вымело что-то гадкое, липкое, вроде щупальца. Это щупальце мгновенно втянулось в клетку, стоявшую неподалеку.

Все вернулось. Рядом оседал Хлумов, хрипя, хватая руками воздух. Из компьютера слабо сочился дым, пахло жженой пластмассой. Токарев приподнялся. Ломило копчик, пол-лица саднило, сильно кружилась голова. Он дополз до дивана, с трудом сел. Хлумов жалко корчился на полу и постанывал, скребя себя пальцами по груди. «Ударил я его, что ли?» — вяло удивился Токарев. Потом понял. Он впервые вытеснил из человека вещь! Щупальце, изгнанное из Хлумова, явно имело отношение к компьютеру!.. Вскочить не удалось: комната поплыла, погружаясь во тьму.

— Токарь, ты уже придумал, что будем дарить девчонкам на Восьмое марта? — вдруг спросил Хлумов. Голос его был тихим, непривычным.

Саша разом очухался. Какое Восьмое марта, если зима на носу? А Хлумов заныл капризно:

— Да-а, ты умеешь и рисовать, и стихи сочиняешь, а мне только деньги собирать поручают! Нинель башку отвинтит, если подарков на всех не хватит. И зачем мне это надо? Все равно на танцах никто со мной не хочет… Издеваются только! Тебе хорошо-о, у тебя Мерецкая есть, и Чернаго тебя от Тугарина защищает! Почему у нас в классе обязательно должны кого-то обижать? Набросятся всей толпой…

Он с трудом приподнялся на локтях, посмотрел на Токарева разбегающимися глазами.

— А-а, сидишь… — И со стуком упал обратно. — Надоела школа, люблю болеть. Возишься дома с компьютером. Хочешь, научу программировать? Вдвоем интересней… — Хлумов, ты чего, с ума сошел? — в ужасе прошептал Саша. — Может, тебе таблетку какую надо? — Он сглотнул и постарался наполнить голос звуком. — Если ты из-за танцев… так что ж Печкину вчера прогнал? И сейчас можно позвать…

Вместо ответа Хлумов зачихал. Потом закашлял. Кашель плавно перешел в икание — икание сотрясало тело, и наконец стало ясно, что он уже не икает. Его била крупная дрожь, руки и ноги дергались, лицо посерело. Токарев рванулся с дивана. Пол предательски ушел из-под ног, к горлу толчком подкатила тошнота. Тогда он опустился на четвереньки и пополз в коридор — к телефону. С первого раза набрать номер не получилось, палец соскакивал с диска. Только со второго…

…дозвонился до «Скорой помощи». Сообщил, что тут одного мальчика крутит конвульсия, а из взрослых в квартире никого нет. Затем дождался врача и под шумок скрылся с места происшествия.

Ему самому было плохо. Слишком уж много сил отнял последний вихрь. На свежем воздухе чуть полегчало, в голове прояснилось. Он сразу попробовал проверить свою способность. И убедился, что все кончено: погасить неоновую рекламу не удалось. Не смог даже увидеть мир вещей. «Теперь-то я точно никого не заинтересую, — безразлично подумал он. — Энергии ни капли не осталось. Куда мне такому, выжатому?»

Напряжения вокруг не ощущалось. Естественно, для вещей отныне наступила эпоха порядка и безопасности. Стихийное бедствие, известное как «Александр Токарев», бесславно кануло в Лету, принеся неисчислимые разрушения. Можно было перевести дух и спокойно продолжить планомерное упорядочивание людских ресурсов…

«Черт, до чего Хлумова жалко, — внезапно понял Токарев. — Валялся на полу — такой беззащитный, маленький. Ни за что не поверишь, что минуту назад чуть не прибил ногой. Его ботиночек хорошо на морде пропечатался!.. И все равно жалко. Икал, бедолага, стонал, бредил. Кстати, ясно, почему Хлумов бредил именно событиями прошедшей весны — вспоминал праздничный вечер Восьмого марта, бывшую нашу классную Нинель Сергеевну… Наверное, тогда в него и начинал вселяться компьютер. А теперь, как щупальце из Хлумова выскочило, так что-то в его мозгах и вернулось к исходному времени. Много у него из башки, наверное, вылетело заодно. Вылечат рыжего или нет?.. Но ведь не было другого выхода, честное слово! Не было другого выхода!»

Токарев брел домой. Куда же еще? Больше никуда не сунешься. По сторонам он не озирался, за мчащимися машинами не следил. Очень устал. Просто брел домой.

«Что же сделалось с Хлумовым? — думал он. — В общем-то, добрый, отзывчивый мужик был. Правда, зануда, из любой ерунды мог целую историю развести. Но всегда хотел как лучше! Наверняка на этой почве и сошелся с компьютером, который небось говорил, что тоже хочет как лучше. Компьютер убедил его, что если уж работаешь на светлое будущее, можно не стесняться, и показал, как делать добро для всех сразу. А потом вдруг появляется Токарев — более автономный, видите ли. Вот тут-то юный бюрократ и почуял, за кого его на самом деле держат во

Всевключе. Было от чего „переоборудованной“ голове разладиться!»

Токарев устало смахнул со лба прилипший чубчик… Кстати, и от него самого компьютеру требовалось только одно! Изучить на нем, как половчее обработать непослушные объекты с «нелогичным процессом» в мозгах… Токарев зло щелкнул пальцами. Все-таки не сумели сделать из него предателя!

А вот и родная парадная. Он тяжко вздохнул: встреча с любящими родителями уж точно не сулила ему светлого будущего. Окна заманчиво горели… Там тепло, там дядя Сева. Пороть сегодня уже не станут. А потом можно будет и к Марине заскочить, на второй этаж. Поболтать, успокоиться. Уроки, наконец, сделать… Он дернул на себя скрипучую дверь.

И тут же отпустил.

В парадной стояли Алекс с Мариной. Взявшись за руки, глядя друг другу в глаза. Они молчали и слегка покачивались в такт мелодии, которую мурлыкал приемничек, висевший на шее Алекса. Даже не заметили, что дверь приоткрывалась! Токарев бессильно опустился на скамейку возле дома… Зар-разы! Вот вам и помощь в домашних заданиях! Ну, ясно теперь, почему у них вечные скандалы: милые бранятся…

Он встал, поднял воротник, сунул руки в карманы и пошел куда-то, чавкая кроссовками по бесконечной осенней слякоти. Пустота.

Эпилог
КОНЕЦ ДЕКАБРЯ

— Готово, отец, — говорю я. — Принимай работу.

— Да ну, Санька, неужто починил? — радостно изумляется папа и бежит к видеомагнитофону. Я щелкаю пальцем по панели.

— Все, как обещал.

Папа вытаскивает из портфеля свеженькую кассету и вручает ее мне.

— Заводи, Санька. Ты у нас тут начальник.

Кассета мягко ложится на место. На экране появляется китаец, который медленно водит руками и ногами в разных направлениях. Папа сразу зовет маму из кухни. С посветлевшими лицами они начинают сосредоточенно повторять движения. Из динамика льется голос диктора: «Представьте себя на вершине горы… Встает солнце… Его лучи окрашивают снег в нежно-розовый цвет… Ваша грудь раскрыта настежь, вы с благодарностью принимаете поток энергии, вы берете энергию руками, сжимаете ее в огненный шар…» Я регулирую четкость изображения и присоединяюсь к родителям.

Здорово, что мы решили заняться китайской гимнастикой. А то сидели бы сейчас и лаяли друг на друга, если бы не моя новая, как всегда, поразительная способность. Я научился вытеснять из людей глубоко внедрившиеся в них вещи. Тонкая технология, ничего не скажешь. На Хлумове я ее первый раз опробовал, не слишком удачно, вот он и загремел в больницу. Потом на Жарове дорабатывал — такой с ума не сойдет, давно уже в придурках числится. Жаров полностью вылечился, разбил копилку и накупил пепси-колы. Мы от радости налили ее в ванну и все там купались: я, Петя, Алекс. Кстати, Алекс был следующим. Он даже не почувствовал… Особенно повезло Печкиной. Она ведь заболела хронической компьютерной наркоманией, а я ее вылечил. Маму и папу я особенно аккуратно прооперировал, вытеснил из них вражеские студни так быстро, что те и уцепиться не успели. Потом засунул существа обратно в клетки: пусть мирно трудятся. Видеомагнитофон, конечно, сразу заработал, но я для приличия пару дней ковырялся в нем, якобы чинил. Как хорошо теперь стало…

…«Хорошо-то хорошо, — подумал мальчик. — Да только ничего этого нет». Иначе не торчал бы он здесь, в Завеличье, и не глазел в окно на Троицкий собор. Красивый вид издалека, еще бы

— Псков! Вполне можно размечтаться, когда обстановка способствует… Сесть за стол, что ли, и записать то, что намечтал? Так прямо и начать: «Готово, отец, принимай работу…»

Мальчик дорисовал центральный купол, затем отступил на пару шагов, озабоченно грызя карандаш. Да, собор как-то кривовато получился. Он открепил эскиз и скомкал его, улыбаясь. «Плохо еще рисую», — подумал он. Может, действительно бросить живопись и попробовать написать жуткий фантастический рассказик со счастливым концом? Потом в какой-нибудь журнал вроде «Костра» послать… Или изобрести что-нибудь безвредное для людей? Ему ли не знать гадскую природу вещей!

Мальчик с гордостью посмотрел на часы с кукушкой. Правду говорят: талантливый человек талантлив во всем. Час назад он их починил. Хоть и пустяковая поломка — жестяная птичка соскочила с пружины, — но он впервые в жизни отремонтировал что-то своими руками. Пустяк, а вдохновляет.

Он прикрепил к доске новый лист бумаги.

Тридцатое декабря. Завтра — Новый год. Вроде недавно переехал в Псков, а уже целая четверть прошла. Тихо здесь, спокойно. В нынешнем классе никто из ребят японских компьютеров в глаза не видывал — смотрят в рот, когда рассказываешь про столичные диковины. Из Ленинграда никаких вестей — вернулся ли Хлумов из больницы, что стало со Всевключем и так далее. Друзья не пишут. Да и какие это друзья? Он, правда, тоже ни разу не написал. А мама сообщила в письме, что с хлумовским отцом улажено полюбовно. Сошлись на том, что семьи квиты: один ребенок сломал чужой компьютер, другой нанес ему в ответ челюстно-лицевую травму. Хлумов хоть и сшибся с мозгов после вытеснения из него вещи, а все же свалил вину за аварию на другого, как встарь. Отрадный признак. Выздоровеет рыжий, точно, и еще краше будет.

Остальные-то из подключенцев ничего, поправились. Правда, на следующий день после драчки с хлумовским компьютером полкласса в школу не явилось. Учителя сначала решили, что это забастовка, — забегали, Лялька рыдала под лестницей. Оказалось, все просто заболели. У кого живот, у кого голова. Класс даже на карантин посадили, думали — неизвестная науке болезнь. А через три-четыре дня Всевключ поголовно со справками от разнообразных врачей вернулся за парты. Двоек сразу нахватали… Какая уж там учеба с оборванными информационными каналами! Особенно Печкина пострадала: в тот вечер, когда компьютер накрылся, ей так поплохело, что она опоздала к назначенному Хлумовым сроку. Села перед

опечатанной дверью ждать хозяина и через несколько часов случайно заснула. А с утра единственная из Всевключа пришла в школу. Потом приставала к каждому встречному с одним и тем же вопросом: «Нет ли у вас хоть какого-нибудь компьютера?» Бледная, нечесаная — совсем сдвинулась. Как такую не пожалеть? Пришлось сказать, что скоро батяня достанет вполне подходящую машину и можно будет гонять на ней человечков до рвоты…

Мальчик невесело хмыкнул. Печкина до самой отправки в Псков ходила за ним по пятам. Вещи помогала собирать, на вокзал провожала, даже всплакнула чуток. Он ей соврал, что едет сюда за запчастями… А компьютера, конечно, отцу не видать, как своих ушей. После инцидента состоялось вежливое объяснение: Хлумов-старший извинился — ситуация, мол, резко ухудшилась, народный контроль и все такое. Отец тогда не сдержался, выдрал любимого сыночка на полгода вперед, невзирая на повреждение щеки. И как только начались каникулы, отправил его с глаз долой к бабушке. Кстати, на Новый год родители приедут. У приличных людей принято навещать по праздникам наиболее родных и близких — никуда не денешься. Их приезд ожидается сегодня или завтра.

Ожили настенные часы, те самые, отремонтированные. Было ровно два — пора куковать. Механические шторки распахнулись. Птичка с энтузиазмом скакнула вперед, неся в дом хорошее настроение, но вдруг выдавила короткое, противное: «йе-е..», мелко задрожала и упала на пол, слабенько звякнув. Мальчик вздрогнул, рывком обернулся. Вот тебе и починка!.. Вот тебе и мечта!.. Он подошел и, наклонившись, взял жестяную детальку. Та, которой полагалось вылетать и петь, жалко лежала на ладони. Он швырнул кукушку в угол.

Затем вернулся к окну. За рекой, окутанный седой дымкой, высился Троицкий собор. Тот, что был призван вечно стоять на земле, летел над городом… В руке мальчика снова появился карандаш.